

ЮРІЙ ТАЛИЧЪ

РОМАНЪ

ЮРИ ГАЛИЧЪ

.....

КИТАЙСКІЯ ТЪНИ

Р О М А Н Ъ

.....

ИЗДАНИЕ М. ДИДКОВСКАГО — РИГА

Эта книга напечатана въ
типографіи „Vārds“, Рига,
Большая Плавучая ул. 24

Всѣ права сохранены
за авторомъ
1927

КИТАЙСКІЯ ТѢНИ.

ПРОЛОГЪ.

„Я — князь Иванъ Язоновичъ Бектабековъ, находясь въ здоровомъ умѣ и въ твердой памяти, лишаю себя жизни. Трупъ завѣщаю передать въ хирургическую секцію при больницѣ святого Франциска Ассизскаго, на предметъ вскрытія и изслѣдованія мозговыхъ оболочекъ, и установленія дефектовъ, являющихся слѣдствіемъ контузіи, въ бою, при защитѣ Паркалауддской морской позиціи. Въ смерти моей прошу никого не винить“.

Меня не удовлетворяютъ эти официальные строки, носящія характеръ полицейскаго протокола.

Я считаю долгомъ освѣтить причины, побудившія меня прекратить счеты съ жизнью.

Въ моемъ распоряженіи три часа времени, въ теченіе котораго будетъ изложено краткое „curriculum vitae“ и вся послѣдующая повѣсть.

Многимъ она покажется, можетъ быть, невѣроятной.

Но передъ смертью у меня нѣтъ основаній быть неискреннимъ.

Я вычеркиваю себя изъ списка живыхъ вполне сознательнымъ образомъ. Эти строки — моя объяснительная записка, моя предсмертная исповѣдь. Въ ней все правдиво и честно.

Пусть этотъ человѣческій документъ послужитъ предостереженіемъ для тѣхъ, кто изъ за душевной слабости и довѣрчивости къ людямъ, способенъ попасть въ ложное положеніе, единственнымъ выходомъ изъ котораго является — смерть.

Да, только смерть . . .

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Родъ нашъ восходитъ къ пятнадцатому столѣтію, по прямой линіи отъ ногайской царевны Сумбеки, и занесенъ въ Шестой Томъ — въ Бархатную Книгу.

Одинъ изъ основоположниковъ, владѣтельный ханъ Мансуръ Бекъ-Табеговъ, при оборонѣ Казани, былъ плѣненъ московской дружиной и, по приказу Ивана Грознаго, колесованъ.

Малолѣтній сынъ Ибрагимъ, принявшій святое крещеніе по православному обряду, получилъ воспитаніе въ царскихъ палатахъ и, въ послѣдствіе, надѣленный помѣстьями, осыпанный царскими милостями, сталъ воеводой Арской Земли.

Почетное мѣсто въ семейной хроникѣ занимаетъ прадѣдъ — капитанъ-лейтенантъ и кавалеръ ордена святого Великомученика Георгія 4 степени, однорукій князь Язонъ Ивановичъ Бектабековъ, отличившійся въ Чесменской баталіи, подъ начальствомъ адмирала Спиридова, на сорокапушечномъ фрегатѣ „Не тронь меня“.

Дѣдъ служилъ въ уѣздѣ по выборамъ и былъ человекъ незначительный. Отецъ убитъ въ Портъ-Артурѣ.

Такова краткая родословная . . .

Первыя воспоминанія дѣтства относятся къ „Золотымъ Дубкамъ“ — родовой казанской

усадебѣ, съ каменнымъ домомъ екатерининской стройки, съ заводской конюшней и двумя тысячами десятинъ чернозема.

Ахъ, эти воспоминанія ! . . . Онѣ неотступно стоятъ передъ глазами . . . Я вижу себя совсѣмъ маленькимъ, съ скакалкой въ рукахъ, въ бархатной курточкѣ съ воротничкомъ, всегда перепачканными, къ огорченію матушки, сокомъ смородины и конскимъ навозомъ.

Потомъ, въ рукахъ уже не скакалка и кнутикъ, а дробовое ружье — настоящее Лефоше двадцать четвертаго калибра, болотные сапоги и аглицкій понтеръ Ральфъ . . .

Утро . . .

Просыная поля таютъ въ голубоватой дымкѣ разсвѣта . . . „Подъ-полоть, подъ-полоть !“, барабанятъ перепела . . . А весной, на заливныхъ пожняхъ, курлыкаютъ журавли, трубятъ лебеди, гогочатъ пролетные гуси . . .

Одна птица тянетъ на сѣверъ, другая лѣтуетъ на камскихъ лугахъ . . . Турухтаны и дупеля, ржанки и кроншнепы, кулики различныхъ породъ — держатся въ изобиліи . . . Жалобно надрываются чибисы и вьются надъ самою головой :

— Чьи вы ? . . . Чьи вы ? . . .

По близости должно быть гнѣздо. И точно — пара бѣлыхъ яичекъ бѣлѣетъ на самой межѣ, подъ коровьякомъ.

А дальше — Вьюнное озеро.

Оно кружится петельками среди пшеничныхъ полей, узкое, вязкое, съ ржавой водой, затянутой желтенькими кувшинками, съ зеленой травкой по берегамъ, въ бахромѣ камыша и аира.

Въ камышѣ попискиваютъ водяныя курочки. Кричатъ молодые чирята, елозить лысуха.

Съ блеяньемъ порвется пара бекасовъ или маленькихъ гаршнеповъ.

— Пить-пить-пить-пить! пищитъ сѣренькая камышевка, качаясь на зеленой тростинкѣ. Песъ поднялъ бѣлую морду, поводитъ носомъ, вытянулъ коромысло. Иногда оборачивается и точно предупреждаетъ:

— Берегись, братъ! . . . Не оплошай!

Лефосе наготовѣ — курки взведены. Указательный палецъ лежитъ на собачкѣ. А сердце такъ и колотится: тукъ тукъ-тукъ . . .

— Пиль!

Но понтеръ только чуть присѣдаетъ. Толкаешь легонько колѣномъ подъ задъ — песъ упирается и дрожитъ. Потомъ дѣлаетъ шагъ, одинъ шагъ и фррръ!, съ трескомъ, съ гамомъ, залопотавъ крыльями, вырывается, какъ ракета, выводокъ кряковыхъ:

— Кря-кря-кря-кря . . .

Мѣткій выстрѣлъ кладетъ одну наповаль. Только чуть вздрагиваютъ лапки съ желтыми перепонками. Остальныя уже крестятъ небо, вытянувъ длинныя шеи, сверкая подкрылками. Покруживъ, снова садятся неподалеку.

Утренній вѣтерокъ живо разгоняетъ туманъ. Подымается солнышко, ясное и умытое, кидая золотые червонцы на луга, на поля, на озерный камышъ, въ которомъ уже проснулся бугай и лѣниво кричитъ:

— Бу-бу-бу! . . .

Это — дѣтство . . .

Юные годы застаютъ въ прикамскомъ городѣ, въ числѣ воспитанниковъ классической гимназіи, съ греческимъ языкомъ и латынью, съ экстемпоралями и первой любовью.

А потомъ — юнкеръ флота, гардемаринъ и двѣ звѣздочки мичмана. Морская служба искони въ нашемъ роду.

Соизволеніемъ его величества прикомандированъ къ яхтѣ „Штандартъ“, для перевода впослѣдствіе, каковой состоялся въ день тезоименитства, шестого декабря тысяча девятьсотъ двѣнадцатаго года. Съ объявленіемъ войны съ нѣмцами, по собственному желанію, отчисленъ отъ гвардейскаго экипажа, съ назначеніемъ миннымъ офицеромъ на крейсеръ „Аврора“.

Крейсеръ перваго ранга „Аврора“, тотъ самый, который . . .

Впрочемъ, довольно.

Краткая записка о службѣ закончена.

Я не буду утруждать вниманіе изложеніемъ деталей великой и гражданской войны, и послѣдующаго эмигрантскаго существованія. Все это, болѣе или менѣе, извѣстно и не представляетъ особаго интереса. А главное — не относится къ дѣлу.

Я непосредственно перехожу къ моменту, когда выпущенный изъ шанхайской больницы святого Франциска Ассизскаго, я очутился на мостовой Нанкинъ-Рода.

Отсюда начинается моя повѣсть . . .

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ моемъ распоряженіи три англійскихъ фунта — три бѣлыхъ бумажки, съ изображеніемъ короля Георга V и Вестминстерскаго Аббатства.

Комната въ „Первоклассной русской гостиницѣ“ на Бэбблингъ-Родъ, что противъ ипподрома Рейсъ-Хорзъ, служить мнѣ убѣжищемъ до тѣхъ поръ, пока средства не изсякаютъ до послѣдняго цента.

Хозяйка, Малка Марковна, предоставляет кредитъ еще на двѣ недѣли, послѣ чего моя комната, съ помощью полисмена, освобождается.

Я — на улицѣ

На улицѣ, въ буквальный смыслъ этого слова. Какъ самый послѣдній китайскій кули, рикша или грузчикъ съ Янтсепудога . . .

Знаете-ли вы, что такое Шанхай?

О, вы не знаете этотъ чудовищный городъ?.. Этотъ международный Вавилонъ на Вангъ-Пу?.. Городъ Желтаго Дьявола? . . . Городъ ненасытнаго, прожорливаго Молоха! . . .

Навѣрно не знаете этихъ самодовольныхъ менеджеровъ, циничныхъ и грубыхъ, равнодушныхъ ко всему на свѣтѣ, кромѣ „бизнеса“, съ сигарой въ зубахъ, съ наглою улыбкой на

бритыхъ лицахъ, катающихся взадъ и впередъ по Нанкинъ-Роду! . .

Не знаете этихъ выложенныхъ джентльменовъ Англійской Концессіи, занятыхъ экспортомъ сырья и импортомъ отечественной промышленности! . .

Я достаточно образованъ и владѣю иностранными языками.

Но у меня нѣтъ связей. У меня нѣтъ необходимыхъ рекомендацій. Кромѣ того, представители капитала относятся къ русскому имени съ пренебреженіемъ и презрительнымъ недовѣріемъ.

Я здоровъ и силенъ. Я дамъ десять очковъ впередъ каждому кули.

Но я не состою въ профессиональномъ союзѣ и даже физическій трудъ для меня исключень . . .

Позволю спросить, что такое герой гамсуновскаго разсказа, который, какъ помните, голодаетъ?

По моему мнѣнію — истинный счастливецъ, живущій на родинѣ, въ культурной странѣ, подъ защитой гуманныхъ законовъ.

Что представляетъ собой бывший лейтенантъ русскаго флота, хотя бы гвардейскаго, въ этомъ желтомъ китайскомъ морѣ, въ совершенно чуждой средѣ, отверженный, какъ индійскій парій, безъ знакомствъ, безъ специальныхъ познаній, если не считать дѣйствій при двѣнадцатидюймовой башенной пушкѣ и манипуляцій съ миной Уайтхеда?

Нуль, форменный нуль!

Любой рикша, послѣдній грузчикъ съ Су-Чжоусскаго канала или Янтсепудога, по сравненію съ нимъ — богачъ и аристократъ . . .

Впродолженіе цѣлой недѣли стучался во всѣ двери . . .

Какъ звѣрь, рыскалъ по городу, въ по-
искахъ малѣйшей работы . . . Часами простаи-
валъ у вонючихъ китайскихъ харчевокъ, въ на-
деждѣ на кусокъ требухи . . .

Ночевалъ на голыхъ скамейкахъ Бенда . . .

Словомъ, дошелъ до черты . . .

Конецъ! . .

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Однажды, когда истощенный въ усиліяхъ, подавленный и озлобленный, готовый потерять душевное равновѣсіе, я стоялъ уже на порогѣ рокового рѣшенія, неожиданная встрѣча дала мнѣ временную отсрочку.

Я вспоминаю ее съ улыбкой запоздалаго сожалѣнія.

Кому-то и для чего-то было угодно вдохнуть въ меня радостную надежду, воскресить для новой борьбы и продлить, въ общемъ счетѣ, на нѣсколько мѣсяцевъ мое существованіе.

„Въ лѣсу, когда мы пьяны шорохомъ
Листвы и запахомъ полянъ —
Шесть тонкихъ гильзъ съ бездымнымъ порохомъ
Кладетъ онъ, молча, въ барабанъ . . .“

Мысль о самоубійствѣ преслѣдуетъ меня каждый день. Она сверлитъ мой мозгъ, какъ пистолетная пуля, и въ этой борьбѣ я начинаю сдавать. Я усталъ, я изнемогъ, я разочарованъ. Душа отравлена опытомъ, исковеркана жизнью. Небытіе, въ которое я готовъ перейти, представляется мнѣ безмятежнымъ и сладкимъ сномъ . . .

Но судьба даетъ мнѣ неожиданную отсрочку.

Въ сущности, какая это была трагическая гримаса, дикій, невѣроятный сарказмъ!.. Нѣсколько лишнихъ десятковъ кило, пропущенныхъ черезъ кишечникъ, нѣсколько литровъ уничтоженного алкоголя и кофе, тысяча выкуренныхъ папирозъ — вотъ истинная цѣна этой отсрочки.

О ея духовныхъ цѣнностяхъ не стоитъ упоминать.

Онѣ были, конечно, и въ количествѣ, можетъ быть, болѣе чѣмъ достаточномъ. Онѣ дали мнѣ возможность испытать величайшее наслажденіе, которое только можетъ выпасть на долю отдѣльнаго человѣка. И одновременно, постичь всю тщету героическихъ побужденій, всю бренность дружбы, привязанности, любви.

Это — дымъ, безслѣдно, отъ малѣйшаго прикосновенія какихъ-то злыхъ силъ, растворяющійся въ пространствѣ, оставляющій послѣ себя ароматъ горечи и слѣпого отчаянія.

Дымъ, только дымъ!

Я вспоминаю тотъ осенній, но еще теплый, повитый багрянцемъ увядающей зелени день, когда увлеченный потокомъ толпы, очутился на улицахъ Старого Города.

Пылалъ закатъ. Золотой шаръ опускался все ниже и ниже. Неясные шумы сливались въ хриплый и монотонный гулъ:

— Хао-хео, хао-хео! . .

Потомъ наступилъ вечеръ, который вскорѣ перешелъ въ ночь. Томительную и тревожную шанхайскую ночь.

Мириады огней и бумажныхъ фонариковъ заливали улицу фантастическимъ свѣтомъ. Въ глазахъ танцовали скачущіе іероглифы. По улицѣ плыла толпа, крикливая, пестрая, возбужденная музыкой чайныхъ домовъ, фейерверкомъ огней, видомъ оголенныхъ, безстыдно зазывающихъ къ себѣ женщинъ.

Моряки съ иностранныхъ судовъ, въ синихъ курткахъ и въ широкихъ морскихъ панталонахъ съ раструбами, бродили, обнявшись, группами по китайскимъ кварталамъ, горланили пьяныя пѣсни, переговаривались съ женщинами и исчезали безслѣдно въ темныхъ, какъ кротовьи норы, щеляхъ дверей.

Пѣсни и крики мѣшались съ визгомъ грамофонныхъ пластинокъ, съ звуками гонга и флейтъ, съ раскатами китайскаго барабана.

Тутъ же шатались китайцы, въ длинныхъ балахонахъ изъ чернаго шелка, блѣдные, худые и изможденные, съ остановившимися взорами, еще въ чаду опійнаго наркоза. Рядомъ, въ городскихъ бойняхъ, визжали недорѣзанные телята и поросята, цѣплявшіеся за жизнь. Измазанные кровью китайцы кричали дикими, хрипыми голосами. Въ влажномъ воздухѣ струился запахъ крови, смѣшанный съ острымъ запахомъ мускуса и отбросовъ.

А со стороны Вангъ-Пу, гдѣ днемъ и ночью кипитъ безостановочная работа, доносились тысячеголосые вопли. Казалось, кто-то огромный и черный лежитъ на землѣ и жалобно стонетъ :

— Уааа! . . Уааа! . . Уааа! . .

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

На минуту я остановился у дверей бара.

Ноги подкашивались отъ слабости и тупо ныло въ груди. Иногда по тѣлу пробѣгала необъяснимая дрожь и, въ эти мгновенья, я былъ близокъ къ потерѣ сознанія.

Въ барѣ было еще почти пусто. Лишь за стойкой виднѣлся толстый китаецъ, бренчавшій на счетахъ костяшками и, время отъ времени, кидавшій приказанія боямъ.

Въ углу сидѣлъ молодой человѣкъ.

Его бронзовое, изрытое оспой лицо, курчавые, изсиня-черные волосы, завитые какъ у пуделя или барашка, остановили вниманіе. Молодой человѣкъ былъ въ кургузомъ американскомъ пиджакѣ, съ выпущенной поверхъ жилетки золотою цѣпочкой. Въмѣсто брелока на животѣ болталась крупная золотая двадцатидолларовая монета.

Что-то непередаваемо-знакомое всколыхнуло, съ неожиданной силой, рой недавнихъ воспоминаній.

— Санта-Роза! . . Или это только видѣніе, фата-моргана, бредъ разгоряченнаго мозга? . .

Я провелъ рукой по глазамъ:

— Санта-Роза! . . Молодой португалецъ, съ которымъ четыре года тому назадъ мы жили бокъ о бокъ, въ одной и той же квартирѣ . . . Мо-

лодой гонгконгскій торгашъ, беззаѣмчивый спекулянтъ, высланный, въ концѣ концовъ, японскою контръ-развѣдкою изъ Владивостока... Санта-Роза! . .

Всѣ мелочи совмѣстной жизни на Корейской улицѣ въ домѣ № 4, маленькія попойки и споры, ссоры и примиренія, его ухаживанія за хозяйскою дочерью, наконецъ, даже послѣ-обѣденная испанская партія или обыкновенный гамбитъ, съ предварительной уступкой португальцу правой ладьи, — все это быстро пронеслось въ памяти . . .

Португалецъ, въ свою очередь, оторвавшись отъ недопитаго наполовину стакана, уставился на меня. Лицо его изобразило величайшее изумленіе. Черезъ минуту, онъ сжималъ мою руку:

— Сакра Марія! . . Мистеръ Джонъ! . . Прэнсъ Бектабековъ! . .

Еще черезъ минуту, мы сидѣли съ нимъ за столомъ, въ томъ же углу, пили голландскій эль вперемежку съ виски и пивомъ, утопая въ облакѣ сигарнаго дыма. Португалецъ былъ навеселѣ. Слегка заплетающимся языкомъ онъ выражалъ свою радость по поводу неожиданной встрѣчи, чокался, лѣзъ съ поцѣлуями и требовалъ стаканъ за стаканомъ.

Я такъ же быстро хмѣлѣлъ . . .

Вскорѣ мы очутились на улицѣ. Длинный и узкій, потонувшій въ сумракѣ переулочъ, привелъ насъ къ дверямъ „Интернаціональнаго Клуба“.

— Мистеръ Джонъ! . . Я покажу вамъ что-то особенное! . . говоритъ португалецъ, хитро подмигивая глазами. — Что-то совсѣмъ особенное! . . Оллъ райтъ!

Поднявшись на второй этажъ, мы вошли въ освѣщенный салонъ. Было жарко и душно.

Китайскіе фонарики и разноцвѣтные лампы, отражаясь въ зеркалахъ мягкими пятнами, проливали таинственный свѣтъ. Въ комнатѣ, подъ звуки разбитаго піанино, кружились женщины, съ густо накрашенными губами, въ короткихъ, сильно декольтированныхъ платьяхъ, раздражавшіяся визгомъ и смѣхомъ.

А потомъ, все поплыло въ туманъ . . .

Женщины и мужчины, звонъ стекла, смѣхъ, иностранная рѣчь, аплодисменты и мелодія танца, отъ котораго стучить кровь въ вискахъ и тѣло наполняется сладкой истомой, все перемѣшалось въ калейдоскопѣ. И въ общемъ гулъ звенѣлъ только крикъ:

— Танго аргентиннѣ! . . Мистеръ Джонъ, о-ля-ля! . . Танго аргентиннѣ! . .

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Кто бы подумалъ, что молодой русскій джентльменъ выкажетъ удивительныя способности и въ характерныхъ танцахъ и въ области музыкальной импровизаціи? . . . Вечеръ былъ такъ удаченъ! . . . Гости въ полномъ восторгѣ! . . .

И энергично трякнувъ двойнымъ подбородкомъ, отъ чего нитка крупныхъ жемчужныхъ зеренъ разбѣжалась по всей груди, мадамъ Анго заявила:

— Вери гудъ, мистеръ Джонъ! . . . Тре бьенъ! . . . Досконале! . . . Пусть мистеръ Джонъ отдохнетъ, если ему угодно, на этомъ самомъ розовомъ канапѣ . . . А къ вечеру, милости просимъ, въ парадный салонъ . . .

Такимъ образомъ, я получилъ службу. Мадамъ Анго, хозяйка „Бѣлаго Лотоса“, оцѣнила мои достоинства.

Я получилъ службу совсѣмъ неожиданно, удивительную и оригинальную службу, мысль о которой никогда не приходила мнѣ въ голову. Въ первую минуту я былъ изумленъ. Потомъ, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, улыбнулся и, наконецъ, разсмѣялся самымъ искреннимъ образомъ:

— Браво, лейтенантъ Бектабековъ! . . .

Я бы не могъ назвать эту службу обременительной. Въ моемъ распоряженіи былъ цѣ-

лый день. И только къ вечеру, я надѣвалъ узкій въ плечахъ, слегка лоснящійся фракъ, пристегивалъ къ сорочкѣ крахмальный воротничокъ и манжеты, повязывалъ бабочкой бѣлый галстукъ и выходилъ къ гостямъ.

Не слѣдуетъ думать, что интернаціональный клубъ „Бѣлый Лотосъ“ былъ учрежденіемъ аристократическимъ. Въ сущности говоря, въ этомъ маленькомъ учрежденіи, которыхъ въ Шанхаѣ насчитывается не одна сотня, въ которыхъ, подъ маской дансинга, скрывается нѣчто другое, кліентура была самая разнообразная.

Главнымъ же образомъ, это были агенты коммерческихъ фирмъ и мелкіе лавочники, прикащики магазиновъ съ Футчеу и Нанкинъ-Рода, конторскіе служащіе, пароходные клерки и лица самыхъ свободныхъ въ мірѣ профессій. Иногда заходили пріѣзжіе иностранцы. Доступъ въ клубъ требовалъ все же извѣстной рекомендаціи. Были — гости, были — почетные гости, были, наконецъ — постоянные и почетные члены. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ Санта-Роза.

Можетъ быть именно ему я обязанъ больше всего своей службой. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мадамъ Анго была освѣдомлена имъ въ отношеніи меня самымъ подробнымъ образомъ. Мои достоинства были признаны. Я старался оправдать ихъ честно и добросовѣстно. Съ должностью тапера, я соединилъ обязанности распорядителя и конферансье . . .

Я не въ правѣ былъ искушать снова судьбу. Послѣ тяжелыхъ переживаній послѣдняго мѣсяца, служба въ интернаціональномъ клубѣ „Бѣлый Лотосъ“, если и не давала мнѣ нравственнаго удовлетворенія, за то въ матеріальномъ смыслѣ предоставляла недурной заработокъ.

Я имѣлъ столъ и квартиру, если понимать подъ послѣдней маленькую каморку, рядомъ съ кухней и помѣщеніемъ для кастелянши и горничной. Тридцать долларовъ, за вычетомъ небольшого вознагражденія бою, составляли мой мѣсячный гонораръ. Наконецъ, я получалъ отъ гостей особую плату за „экстра“, а иногда чаевы...

Чтобы не получить упрека въ непослѣдовательности, я не буду предупреждать теченіе дальнѣйшихъ событій. Онѣ развились логическимъ образомъ одно изъ другого и являются звеньями одной и той же цѣпи.

А сейчасъ, въ дополненіе ко всему, скажу нѣсколько словъ о прочихъ обитателяхъ „Бѣлаго Лотоса“.

Ихъ было семь.

Семь молодыхъ женщинъ, различной національности, но почти въ одинаковой степени соблазнительныхъ и доступныхъ.

Двѣ бѣлокурыя нѣмки, двѣ родныя сестры — Долли и Полли, веселыя и смѣшливыя „дансингъ-герлсъ“, весьма легкомысленныя, но сердечныя и простыя натуры.

Испанка — Кармень, венгерская еврейка — Этель, румынка — Ліа, всѣ три черноволосыя, жгучія, съ порывистыми движеніями, съ необузданнымъ темпераментомъ.

Была еще миссъ Модъ, выдававшая себя за американку, сухая и сдержанная, съ тонкимъ породистымъ профилемъ и сѣроголубыми глазами.

Наконецъ, была еще седьмая, русская — миссъ Алла.

Въ моей судьбѣ она сыграла извѣстную роль...

Итакъ, я заручился постоянною службою, избавлявшей меня отъ матеріальныхъ невзгодъ.

Но нравственно, повторяю, я не былъ удовлетворенъ.

Я утѣшалъ себя, впрочемъ, тѣмъ, что моя служба являетсялишь временнымъ этапомъ на моемъ эмигрантскомъ пути. Наступить, въ концѣ концовъ, день, когда въ исполнѣ корректной формѣ, съ сознаніемъ собственнаго достоинства, я скажу мадамъ Анго нѣсколько вѣсскихъ словъ, поблагодарю за вниманіе и навсегда разстанусь съ интернаціональнымъ клубомъ „Бѣлый Лотосъ“. Я рисовалъ себѣ эту красивую сцену — мой сдержанный пафосъ, нѣсколько выразительныхъ жестовъ, смущеніе и краску стыда, залившую плотныя щеки хозяйки :

— Мадамъ!.. Я долженъ съ вами разстаться!.. Non possumus!.. Тысячу извиненій, но этотъ гнусный вертепъ сегодня я покидаю!.. Прошу принять увѣреніе въ неизмѣнномъ почтеніи!.. Оллъ райтъ, мадамъ Анго!..

Таковъ былъ мой планъ, который я надѣялся осуществить при первой возможности.

Онъ былъ мною осуществленъ. И даже нѣсколько преждевременно.

Но, Боже, какъ онъ былъ непохожъ на созданную мною картину!..

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Когда зажигаются первые фонари и огромный городъ начинаетъ дышать тревожнымъ запахомъ ночи, клубъ готовится къ приему гостей.

Маленькая горничная Сю, съ помощью боя, приводитъ въ порядокъ комнаты, накрываетъ свѣжія скатерти, звенитъ хрустальной посудой. Женщины, съ покраснѣвшими отъ сна вѣками, въ легкихъ японскихъ капотахъ, въ туфляхъ на босую ногу, бѣгаютъ по корридо-ру на кухню. Или же, сидя въ своихъ клѣтушкахъ, занимаются приготовленіями къ вечернему туалету, завиваютъ волосы, плещутся въ водѣ.

Миссъ Модъ появляется раньше другихъ.

Къ семи часамъ вечера, опрятная и подтянутая, въ сѣромъ, почти наглухо закрытомъ платьѣ, она уже сидитъ обычно въ салонѣ, съ книжкой въ рукахъ.

Послѣ нее приходитъ Кармень.

Черноволосая испанка, со слѣдами бурно проведенной ночи, предпочитаетъ открытый костюмъ, живописныхъ, по преимуществу, красныхъ и желтыхъ тоновъ. Браслеты и широкія кольца въ ушахъ являются неизмѣнными украшеніями.

Потомъ. одна за другой, приходятъ —
Этель, Ліа и Алочка.

Долли и Полли приходятъ послѣдними и съ ихъ появленіемъ сразу начинается звучать смѣхъ и общее настроеніе подымается. Сестры выходятъ въ одинаковыхъ, весьма откровенныхъ, съ глубоко вырѣзаннымъ корсажемъ, костюмахъ. Иногда онѣ появляются въ атласномъ трико. Иногда надѣваютъ костюмъ „Купидона“. Это просто голубая рубашка съ разноцвѣтными ленточками, надѣтая на голое тѣло. Сестры чрезвычайно походятъ другъ на друга. Отличить ихъ не такъ легко. У Долли — родинка на спинѣ. У Полли такая же точно родинка надъ правою грудью, а въ рукахъ она держитъ обычно котенка.

Что касается Ліи — румынка удивительно хороша собой, обладаетъ прекрасной фигурой и руками, созданными специально для маникюра. Но капризна и своенравна, отличается алчностью къ драгоценностямъ и деньгамъ.

Этель напоминаетъ библейскую Суламифь. Ея большіе задумчивые глаза наполнены застенною грустью. Такъ и кажется, что въ прошломъ, она пережила какую-то тяжелую драму.

Но самую интересною представляется для меня миссъ Алла.

Алла Михайловна Королькова или, по просту, Алочка — бѣженка изъ Москвы.

Революціонный тайфунъ оторвалъ ее отъ семьи и закинулъ въ Владивостокъ. Семнадцатилѣтняя дѣвушка героически переносила лишения бѣженской жизни, служила почтовою барышней и машинисткой въ дальневосточной

транспортной конторѣ, пока съ потокомъ такихъ же бѣженцевъ не очутилась въ Шанхаѣ.

Лишенія и невзгоды отразились на ея хрупкомъ здоровьи. Кромѣ того, сломили ея упорство.

Я не обвиняю ее.

О, будь проклятъ гнусный режимъ, осудившій насъ на изгнаніе! . . Будь проклятъ и этотъ чудовищный городъ — городъ бѣлыхъ, желтыхъ и черныхъ рабовъ! . .

И когда Алочка передаетъ свою скорбную повѣсть, сердце мое разрывается на куски. Иногда она останавливается, сухой кашель сотрясаетъ ея худенькую, съ недоразвившейся грудью, фигурку, сѣренькіе глаза наполняются слезами:

— Простите, Иванъ Язоновичъ! говоритъ Алочка и вспыхиваетъ блѣднымъ румянцемъ. — Я вѣдь гадкая и вы меня презираете . . .

Ахъ, Алочка, Алочка! . .

Нѣтъ, я не презираю, я жалѣю тебя . . . Жалѣю, какъ жалѣлъ бы родную сестру . . . Можетъ быть, даже еще сильнѣе . . . Конфетка, ты моя, ледянистая! . .

Къ восьми часамъ въ салонъ появляется мадамъ Анго.

„Мамаша“ по національности — полька. Какъ и всякая женщина, она скрываетъ свой возрастъ, но, по всѣмъ даннымъ, ей не менѣе пятидесяти.

Исторія ея жизни загадочна и туманна. Впрочемъ, интереса для меня она не представляетъ. Жозефина Анго — дама величественной наружности и въ прошломъ, несомнѣнно, была красива. Темное шелковое платье плотно обтягиваетъ ея крутые бедра и высокую грудь. Двойной подбородокъ и усики на верхней губѣ придаютъ лицу энергичное выраженіе. Въ алой

тогѣ, съ лавровымъ вѣнкомъ или съ кесарской тиарой на головѣ, она, несомнѣнно, походила бы на Марка Аврелія или даже Нерона.

Мадамъ Анго, словно мощный дредноутъ, скользитъ по навощенному паркету и брызгаетъ изъ пульверизатора душистой лавандой. Ея пыливый взоръ останавливается на женщинахъ, на гардинахъ и разноцвѣтныхъ фонарикахъ, на всей обстановкѣ съ достаточнымъ вкусомъ убраннаго салона. И въ эти мгновенья она напоминаетъ мнѣ полководца, дѣлающаго [смотръ своей арміи . . .

Къ этому времени появляются первые гости.

Обычно они собираются нѣсколько позже. Но кое-кто изъ постоянныхъ посѣтителей уже налицо.

Санта-Роза появляется каждый день.

Закончивъ свои дѣловые обязанности, молодой португалецъ отправляется на Кіукіанъ-Родъ и проводитъ въ „Бѣломъ Лотосѣ“ всю ночь, до разсвѣта. Очень часто онъ даже ночуетъ въ комнатѣ у миссъ Модъ.

Однако, въ послѣднее время, португалецъ начинаетъ проявлять вниманіе къ Алочкѣ. Алочкѣ это не нравится и, несмотря на подарки, она относится къ нему съ равнодушіемъ и безразличіемъ. Въ одинаковой степени это не нравится и американкѣ. Впрочемъ, послѣдняя, съ присущимъ ей тактомъ и выдержкой, не даетъ это замѣтить ощутительнымъ образомъ.

Нерѣдко молодой португалецъ заходитъ въ мою каморку.

Въ этихъ случаяхъ, потребовавъ вина и закусокъ, Санта-Роза садится за маленькій столикъ и предлагаетъ мнѣ испанскую партію. Я

вынимаю шахматы и мы начинаемъ игру. Португалецъ атакуетъ съ горячностью, волнуется и объявляетъ съ большимъ торжествомъ:

— Шахъ королевъ!... Гардэ!

Мы играемъ на деньги. Обычно я остаюсь побѣдителемъ и это даетъ мнѣ небольшой побочный доходъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Незамѣтно протекали недѣли и, мало по малу, я освоился съ своей службой.

Я выполнялъ обязанности добросовѣстнымъ образомъ.

Старый таперъ, по свидѣтельству гостей и мадамъ Анго, ни въ какомъ случаѣ не могъ быть сравняемъ со мной. Вдобавокъ, онъ пилъ, часто болѣлъ и манкировалъ службой. Его музыкальная программа была шаблонна. Его дарованіе не возвышалось надъ общимъ уровнемъ тѣхъ неудачниковъ, которые начинаютъ свою карьеру со всѣми надеждами на славу Падеревского или Грюнфельда и заканчиваютъ ее маленькимъ учителемъ музыки, съ платой въ пятьдесятъ центовъ за часъ.

Я же не профессиональ, а просто любитель. Репертуаръ мой, тѣмъ не менѣе, широкъ и оригиналенъ. Помимо танго и чарльстона, я импровизирую танцы изъ незнакомаго иностранной публикѣ русскаго цикла, передаю, въ особой манерѣ, старинныя штраусовскія мелодіи и легкокрылые вальсы, вродѣ „Сказокъ вѣнскаго лѣса“. Въ этомъ отношеніи, я безспорно талантливъ.

Но кромѣ того, и это, можетъ быть, главное — гости цѣнятъ во мнѣ молодого интеллигентнаго человѣка, владѣющаго иностранными языками, держащагося съ непринужден-

нымъ достоинствомъ, всегда любезнаго, всегда привѣтливаго и скромнаго въ обращеніи.

— Мистеръ Джонъ! . . Рошенъ джентльменъ! . . Корветъ-кептенъ! . .

Такими эпитетами награждаютъ меня гости во время веселыхъ пирушекъ и танцевъ, протягивая бокалы съ виномъ, угощая сигарами, расточая по моему адресу комплименты.

„Мамаша“, въ свою очередь, подчеркиваетъ свое расположеніе.

Со словъ португальца она знаетъ, болѣе или менѣе, исторію моей жизни. Ей извѣстно, что я русскій „прэнсъ“, человѣкъ стариннаго рода. Что благодаря политическому перевороту потерялъ состояніе. Что въ нормальныхъ условіяхъ меня бы ожидала карьера. Ей была извѣстна моя близость къ императорскому двору.

Это обстоятельство, въ особенности, наполняетъ ее горделивымъ сознаніемъ. И въ минуты досуга, по ея просьбѣ, я передаю ей красивыя сказки изъ потонувшаго придворнаго міра. Это ее чрезвычайно интересуеть . . .

Нерѣдко мадамъ Анго приглашаетъ къ себѣ.

Она занимаетъ въ домѣ двѣ комнаты. Въ одной спальня, другая служитъ кабинетомъ и одновременно будуаромъ. Въ этомъ послѣднемъ, убраномъ коврами, вышивками и мягкой мебелью, таинственно озаряемомъ свѣтомъ алаго китайскаго фонаря, все располагаетъ къ интимной бесѣдѣ.

Мадамъ Анго, въ темномъ бархатномъ капотѣ, эффектно оттъняющемъ ея полныя бѣлыя руки, сверкая каратами драгоценныхъ камней и алебастромъ пышной груди, разливаетъ чай въ маленькія китайскія чашечки, наполняетъ рюмки

абрикотиномъ и съ граціозной, слегка кокетливою улыбкой, протягиваетъ мнѣ.

Мнѣ почему-то казалось, что она цѣнитъ во мнѣ не только интеллигентнаго, благовоспитаннаго слугу. Я несомнѣнно интересовалъ ее и въ другомъ отношеніи. Иногда она даетъ мнѣ это понять, задерживая мою руку въ своей рукѣ, плотоядно поводя губой съ черными усиками, пронизывая многообѣщающимъ взглядомъ, шаловливо грозя мизинцемъ:

— Полиссонъ! . . Пети бѣта! . . Иль ме самбль ке ву-з-этъ-з-амуре! . .

Тѣ же чувства привязываютъ ко мнѣ прочихъ обитательницъ „Бѣлаго Лотоса“.

По отношенію къ нимъ, я держалъ себя сердечно и просто. Никакой тѣни высокомерія или презрѣнія я не допускалъ. Я смотрѣлъ на этихъ женщинъ, какъ на жертвъ несчастнаго стеченія обстоятельствъ, неповинныхъ въ своей тяжелой долѣ, достойныхъ всякаго сожалѣнія.

Дѣвушки отвѣчали мнѣ тѣмъ же и наша дружба, не переходившая, впрочемъ, въ интимную близость, не омрачалась ни на мгновенье...

Нужно-ли говорить, что наиболѣе нѣжное чувство я испытывалъ къ Алочкѣ? Насъ связываетъ принадлежность къ одной и той же странѣ, общій языкъ, общая доля, общія думы. Эти думы печальны. Алочка вспоминаетъ Москву, родную семью, маленькій домикъ на Самотекѣ и садикъ съ яблонями и кругами желтыхъ подсолнуховъ. И сама Алочка напоминаетъ мнѣ, въ эти минуты, родную яблоньку среди маслинъ...

Каждый день я заходилъ въ ея крохотную конурку и, присаживаясь на стулъ передъ пылавшимъ каминомъ или на краешекъ кровати, бесѣдную съ дѣвушкой, согрѣвая ея холодныя ручки, успокаивая и обнадеживая.

— Иванъ Язоновичъ! . . . Миленькій! . . .
Я не умру? . . .

Я не сомнѣвался въ болѣзни, сжигавшей это хрупкое тѣло, но поддерживалъ въ Алочкѣ надежду на благопріятный исходъ. На то, что съ первымъ тепломъ, съ первыми весенними днями, недугъ сниметъ рукой, кашель прекратится, начнется выздоровленіе. А потомъ . . . Потомъ, въ одинъ прекрасный день, мы сядемъ съ нею на пароходъ и вернемся снова въ Россію . . .

Алочка широко раскрываетъ глаза, улыбается чистой, дѣтской улыбкой и, указывая на висѣвшую надъ кроватью иконку, говоритъ:

— Иванъ Язоновичъ! . . . Знаете? . . . Спаситель не смотритъ на меня больше съ упрекомъ! . . .

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Подробное описаніе дней, проведенныхъ въ „Бѣломъ Лотосѣ“, не входитъ въ мою задачу. Для этого у меня нѣтъ ни времени, ни желанія.

Я даю лишь маленькое понятіе о той полосѣ моей жизни, которая, совершенно эпизодически, заняла небольшую страничку.

Наконецъ, эти дни такъ походили одинъ на другой, какъ монеты одной и той же чеканки. А самое главное, не прошло даже мѣсяца, какъ служба моя въ „Бѣломъ Лотосѣ“ стала удѣломъ воспоминанія.

Горькаго и тяжелаго воспоминанія! . .

Я не обманывалъ себя несбыточными иллюзіями. Чудесъ не бываетъ на свѣтѣ. Но, видитъ Богъ, меня не покидала надежда покинуть этотъ притонъ и одновременно извлечь изъ него Алочку.

Вопросъ былъ только во времени.

За три недѣли службы я успѣлъ одѣться и прикопить сорокъ долларовъ. Къ рождественскимъ праздникамъ меня ожидали подарки.

При этихъ условіяхъ, я былъ вправѣ рассчитывать, что, приблизительно къ наступленію лѣта, я буду обезпеченъ настолько, что безъ колебаній смогу выполнить намѣченный планъ.

А потомъ, съ извѣстной суммой въ карманѣ, не тревожась за близкое будущее, увѣренный и спокойный, сумѣю подыскать подходящую должность Алочкѣ и себѣ.

Въ крайнемъ случаѣ, Санта-Роза придетъ мнѣ на помощь вторично. Наша встрѣча имѣетъ для меня положительно провиденціальное значеніе. При его содѣйствіи, при его ловкости и связяхъ въ иностранныхъ кругахъ, я могу быть совершенно спокоенъ.

Мои планы разлетѣлись, какъ дымъ . . .

Это произошло очень скоро — двадцать пятого октября. Въ тотъ самый день, когда, по случаю десятилѣтняго юбилея „Бѣлаго Лотоса“, мадамъ Анго устроила, по подпискѣ, маленькій праздникъ. Въ числѣ приглашенныхъ были только почетные гости. Для прочей публики, клубъ былъ въ этотъ вечеръ закрытъ.

Гости, по числу дамъ, собрались въ количествѣ семи человекъ. Мадамъ Анго и я въ этотъ счетъ не входили.

Вечеръ начался съ ужина.

За длиннымъ, богато сервированнымъ столомъ, съ бутылками всѣхъ сортовъ и оттѣнковъ, съ цвѣтами и фруктами въ граненыхъ вазахъ, съ серебряной чашею для шампанскаго, сидѣло шестнадцать человекъ.

Кавалеры были въ смокингахъ, съ цвѣткомъ бѣлаго лотоса въ петлицѣ. Дамы въ свѣтлыхъ, воздушныхъ нарядахъ, съ маленькими букетиками тѣхъ же цвѣтовъ у корсажа. Ужинъ начался въ приподнятомъ настроеніи. Смѣхъ и шутки не умолкали. Многимъ вино ударило въ голову. Женщины и шампанское подымали настроеніе съ каждой минутой.

Сидѣвшій на предсѣдательскомъ мѣстѣ, мистеръ Морганъ, старшій бухгалтеръ Англо-

Китайскаго банка, позвонилъ чайной ложечкой по стакану и приподнялся :

— Лэди и джентльмэны! произнесъ онъ достаточно твердымъ голосомъ, обводя присутствующихъ своими выпуклыми, какъ у совы, глазами. Его тонкій заостренный носъ довершалъ сходство съ хищною птицей.

— Лэди и джентльмэны! повторилъ мистеръ Морганъ и выдержалъ паузу. — Сегодня мы присутствуемъ на исключительномъ торжествѣ . . . Нашъ клубъ закончилъ десять лѣтъ своего существованія . . . Десять лѣтъ! . . . Господа — это цифра! . . . Господа — это событіе! . . . Господа — это, въ нѣкоторомъ родѣ, серебряная свадьба! . . . Ибо одинъ нашъ годъ мы такъ же вправѣ считать за три, какъ это принято у господъ военныхъ, на фронтѣ... Разрѣшите же мнѣ, какъ старѣйшему члену, члену со дня основанія, пожелать клубу „Бѣлаго Лотоса“ дальнѣйшаго процвѣтанія, на благо истинныхъ поклонниковъ красоты . . . За здоровье достопочтенной мистриссъ Жозефины Анго и ея семерыхъ очаровательныхъ дочерей, я приглашаю васъ поднять бокалы . . . Хипъ-хипъ-ура! . . .

Всѣ встали съ мѣстъ и залпомъ осушили стаканы.

Кавалеры поочередно чокались съ хозяйкой и цѣловали ея пухлую руку. Дѣвушки аплодировали.

Мистеръ Луи-Наполеонъ Буланже, изящный французъ съ остроконечной бородкой, владѣлецъ парикмахерскаго ателье на Пекинъ-Родъ, произнесъ тостъ въ томъ же духѣ и предложилъ выпить за „Храмъ Венеры“ и прекрасныхъ весталокъ, поддерживающихъ „священный огонь“.

Потомъ поднялся мистеръ Горацій Нельсонъ, помощникъ таможеннаго инспектора, су-

хой и тонкій, какъ жердь, съ желтымъ геморроидальнымъ лицомъ, и сказалъ рѣчь о „цвѣтахъ любви“.

Но самое интересное произошло во время десерта.

Содержатель магазина парижской парфюмеріи и резиновыхъ принадлежностей, мистеръ Исаакъ Блюмъ, круглый, какъ шаръ, съ лоснящейся, вспотѣвшюю лысиной, предложилъ избрать „королеву“ вечера и ея трехъ пажей. Конкурсъ долженъ былъ заключаться въ оцѣнкѣ сложенія и красоты формъ. Причемъ оцѣнка предлагалась по пятибалльной системѣ.

Предложеніе было всѣми поддержано.

Дѣвушки сконфуженно отнѣкивались. Но вино дѣлало свое дѣло. Когда же мистеръ Блюмъ вынулъ толстый бумажникъ и швырнулъ на столъ пачку десятидолларовыхъ банкнотъ, въ видѣ приданого „королевы“, дѣвушки встали изъ за стола и удалились на нѣсколько минутъ въ свои комнаты.

Жюри изъ семи человѣкъ, какъ по командѣ, вынуло записныя книжки и автоматическіе карандаши . . .

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Конкурсъ начался.

Изъ корридора вышла миссъ Модъ, въ бѣломъ сорти-де-баль, опушенномъ бѣлымъ кроличьимъ мѣхомъ. Медленными шагами, глядя прямо передъ собой, съ блѣднымъ румянцемъ на щекахъ, она подошла къ столу. Легкимъ прыжкомъ вскочила на столъ и отбросила далеко въ сторону мѣховую накидку.

Ея стройное тѣло, словно выточенное изъ закаленной стали, съ длинными тонкими ногами въ сиреневыхъ туфелькахъ, представляло образецъ стильной законченности и какой-то особой, символической красоты. Маленькія упругія груди нервно приподымались при каждомъ вздохѣ. Чистая, совершенно дѣвичья, линія живота устремлялась книзу, образуя едва замѣтную выпуклость. Нѣсколько откинута назадъ голова смотрѣла безстрастно и строго.

По залу пронесся шопотъ одобрительнаго восторга . . .

Второй появилась Ліа.

Румынка, раскраснѣвшаяся отъ выпитаго вина, не выказывала признаковъ стыда или какого либо смущенія. Жадная къ деньгамъ, она охотно подчинилась шутивому требованію, ибо имѣла вѣскія данныя стать побѣдительницей на этомъ оригинальномъ конкурсѣ.

Держа въ рукахъ опахало изъ павлиньихъ перьевъ, она вышла въ эффектной шубѣ изъ

алаго габардина, отороченнаго коричневымъ скунксомъ, въ золоченыхъ туфелькахъ и въ прозрачныхъ алыхъ чулкахъ, перехваченныхъ золотыми подвязками. На столъ она выпрямилась во весь ростъ, гордо и вызывающе откинула голову и, величественнымъ движеніемъ, спустивъ шубу къ ногамъ, развернувъ опахало, словно пѣнорожденная Афродита, сверкнула своимъ классическимъ мраморнымъ торсомъ.

Громъ аплодисментовъ задрожалъ въ залѣ:
— Bravo! . . . Bravo! . . . Брависсимо! . . .

Одна за другой дѣвушки выходили изъ темнаго корридора. Однимъ и тѣмъ же движеніемъ взбирались на столъ, демонстрируя обнаженное тѣло. Послѣднею оставалась Алочка.

И тутъ произошло роковое событіе . . .

Алочка не выходила изъ комнаты. Тщетно подруги пытались уговорить ее. „Мамаша“ настаивала на исполненіи требованія гостей, угваривая не омрачать праздникъ, сулила ей денежный подарокъ, наконецъ стала грозить.

Алочка не соглашалась.

Можетъ быть, она была нездорова? . . .

Можетъ быть, она стыдилась меня? . . .

Послѣднее предположеніе кажется мнѣ наиболѣе вѣроятнымъ.

Жюри стало проявлять признаки нетерпѣнія. Санта-Роза вскочилъ со стула и кинулся въ корридоръ. Черезъ минуту слышались заглушенные крики и стонъ:

— Помогите! кричала тоненькимъ голоскомъ Алочка. — Иванъ Язоновичъ! . . . Помогите!

Однимъ прыжкомъ я выскочилъ изъ за стола.

Въ эту минуту, въ дверяхъ корридора показался молодой португалецъ, тянувшій за со-

бой сопротивлявшуюся изо всѣхъ силъ полуобнаженную Алочку.

— Прочь!

Я схватилъ португальца за грудь и рѣзкимъ толчкомъ отбросилъ къ столу. Португалецъ покатился и, съ размаха, ударился головой въ пуддингъ съ битыми сливками. Его бронзовое лицо представило бѣлую массу, по которой стекало варенье. Въ то же мгновенье, схвативъ со стола вилку, онъ кинулся на меня.

Схватка была непродолжительна.

Санта-Розѣ удалось пырнуть меня вилкой въ плечо. Острая боль заставила позабыть все.

Въ бѣшенствѣ, я сжалъ португальца въ объятяхъ, протащилъ черезъ залу и, поднявъ высоко на воздухъ, съ силой швырнулъ въ окно. Зазвенѣли разбитыя стекла. Тонкая рама разлетѣлась въ куски.

Потомъ, однимъ движеніемъ — швыркъ!, стянулъ со стола скатерть съ посудой, съ кофейными чашками, съ ликерными рюмками, съ тонкимъ хрустальнымъ сервизомъ:

— Дзыннны! . . . Трррахъ! . . .

Размахивая тяжелой бутылкой изъ подъ шампанскаго, я изступленно кричалъ и навѣрно былъ страшенъ въ эту минуту:

— Негодяи! . . . Изверги! . . . Мерзкія твари! . . . Гдѣ ваша совѣсть? . . . Гдѣ ваша честь? . . . Будьте вы прокляты, презрѣнные торгаши! . . . Вы, несчастныя, заблудшія женщины, становитесь подъ мою защиту! . . . Я не отдамъ васъ теперь никому! . . . А тебѣ, старой вѣдьмѣ, я не прощу этого представленія! . . . Ты не забудешь его никогда! . . . Ха-ха-ха-ха!

Все пошло каруселью.

Гости, въ ужасѣ, шарахнулись въ корридоръ. Обнаженные дѣвушки умоляюще протягивали мнѣ руки. Мадамъ Анго упала на отоманку и заколотилась въ истерикѣ.

Я же, не обращая вниманія, продолжалъ угрожающе размахивать бутылкою и кричать.

Я былъ пьянъ . . . Я хохоталъ, какъ безумный . . . И въ самомъ дѣлѣ, мною овладѣло безуміе . . .

Черезъ четверть часа я былъ арестованъ.

Ночь провелъ въ полицейскомъ участкѣ. Потомъ былъ судимъ короннымъ англійскимъ судомъ, и за нарушеніе благочинія въ общественномъ мѣстѣ, съ нанесеніемъ человѣку тяжелыхъ увѣчій, приговоренъ къ шести мѣсяцамъ тюремнаго заключенія.

Такъ закончилась моя служба въ интернаціональномъ клубѣ мадамъ Анго . . .

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Въ апрѣлѣ я былъ выпущенъ на свободу.

Я былъ освобожденъ въ яркій весенній день, въ тотъ самый день. когда въ больницѣ святого Франциска Ассизскаго скончалась Алочка.

Черезъ три дня ее хоронили.

И за маленькимъ гробомъ шло только двое — я и старый священникъ бывшаго русскаго консульства.

Два китаецъ опустили гробъ въ приготовленную могилу.

„Идѣже нѣсть печали и воздыханія . . .“ — старческимъ голосомъ тянулъ батюшка слова молитвы.

Я подпѣвалъ ему.

Цвѣты бѣлой акаціи склонялись къ самой могилѣ. Въ кустахъ щебетали и гомозились чижи. Въ синемъ китайскомъ небѣ ярко сіяло солнце.

Сухія комья земли ударились о крышку гроба.

Вскорѣ выросъ небольшой холмикъ съ простымъ, грубо вытесаннымъ, деревяннымъ крестомъ. И вмѣсто цвѣтовъ лотоса, я повѣсилъ на него маленькій вѣночекъ изъ ландышей.

— Вѣчная па-а-мять . . .

— Вѣчная па-а-мять . . .

— Вѣ-ѣ-ѣ-чна-я па-а-а-мять! . .

Въ моихъ глазахъ стояли слезы . . .

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Съ невыразимой грустью я возвращался съ кладбища по большой нанкинской дорогѣ.

Ярко свѣтило апрѣльское солнце. Распустившіяся акаціи, со свѣжей зеленой листвою, кидали на дорогу синія тѣни. Слѣва, далеко къ горизонту, заклубленные дымкой тумана, уходили рисовыя поля. Справа высились громады Старога Города.

Погруженный въ думы, я медленно шагаль по пыльной дорогѣ. Мысли объ Алочкѣ не оставляли меня въ покоѣ.

— Какъ несправедлива судьба! . . Бѣдная Алочка . . . Вотъ она, лежитъ теперь въ холодной и чуждой китайской землѣ, въ могильномъ мракѣ, за десять тысячъ верстъ отъ Москвы . . . Лежитъ одна-одинешенька . . . Вдали отъ родной семьи, которая ничего не знаетъ . . . Черви источать ея нѣжное тѣло . . . Безглазый черепъ и косточки — это все, что останется отъ русской дѣвушки-бѣженки, Аллы Михайловны Корольковой . . . Пройдетъ годъ, другой, третій . . . Ландыши и полевая ромашка зацвѣтутъ надъ маленькимъ холмикомъ . . . Тысячи и миллионы лѣтъ пронесутся надъ безвѣстной могилой . . . Затеряется всякій слѣдъ . . . Навсегда, навсегда! . .

Я шагаль по дорогѣ и машинальнымъ движеніемъ сбиваль хлыстикомъ одуванчики, росшіе по сторонамъ.

— Бѣдная Алочка! . . . Сгорѣло хрупкое тѣло, но душа конечно жива . . . Она парить теперь надъ грѣшной землей, которая отнеслась къ ней съ такою безжалостною суровостью . . . Душа ее витаетъ въ междупланетномъ пространствѣ . . . Она легка, какъ пушинка . . . Она безсмертна и обладаетъ тысячами чувствъ . . . Оттуда, съ горнихъ высотъ, она глядитъ съ печальной улыбкой на окружающій міръ . . . Можетъ быть, въ эту минуту она глядитъ на меня? . . . Можетъ быть, она меня благословляетъ? . . .

Въ груди тѣснятся воспоминанія:

— Бѣдная Алочка! . . . Она не была счастлива въ жизни и все-таки такъ упрямо цѣплялась за жизнь . . . „Иванъ Язоновичъ! . . . Миленькій!.. Я не умру?..“ Она боялась . . . Ей было страшно умереть на чужбинѣ . . . Что должна была она испытать въ больницѣ Франциска Ассизскаго? . . . Одна, безъ всякой поддержки, безъ всякаго утѣшенія . . . Каковы были ея мысли въ послѣдній часъ? . . . Всѣ забыли ее . . . Всѣ покинули . . . Даже я . . . Нѣтъ, Богъ не оставитъ тебя, милая дѣвушка!.. И никогда, никогда Спаситель не смотрѣлъ на тебя съ упрекомъ! . . .

Я думаю о безсмертіи. Но сейчасъ я все-таки смертенъ.

И голодъ даетъ себя чувствовать самымъ основательнымъ образомъ.

Въ моемъ карманѣ лежитъ двадцать центовъ.

Это все, что осталось отъ моего прежняго благополучія. Остальное ушло на похороны.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

По правой сторонѣ дороги стоитъ китайская харчевня. Она выкрашена въ синюю краску и яркимъ пятномъ бросается издалека. На черной доскѣ разбѣжались колонкою, словно вереница испуганныхъ птицъ, золотые іероглифы.

Я захожу въ харчевню, покупаю полфунта телячьей печенки и булку бѣлаго хлѣба. Китаецъ заворачиваетъ покупку въ газету.

Потомъ, я лежу въ травѣ, возлѣ дороги, подъ тѣнью краснаго китайскаго клена. Мой завтракъ непродолжителенъ. Но я усталъ и продолжаю лежать въ травѣ.

Потомъ, беру въ руки засаленный газетный обрывокъ.

Это — „Новая Шанхайская Жизнь“, газета бѣлаго направленія, издающаяся на совѣтскія деньги.

Меня не интересуеетъ передовица, съ призывами къ міровой гражданской войнѣ, съ полинявшими лозунгами, съ осточертѣвшей революціонной фразеологіей.

Изъ телеграммъ я узнаю послѣднія новости.

Кантонская армія Чанъ-Кай-Шека захватила Ханькоу и ведетъ наступленіе на Шанхай... Манчжурскій диктаторъ, продавшійся міровой

буржуазіи, маршалъ Чангъ-Со-Линъ, потерпѣлъ полное пораженіе . . . Въ Англіи началась всеобщая забастовка . . . Вспыхнула революція въ Индіи и въ Индо-Китаѣ . . . Въ Парижѣ свергнуто правительство Бріана и Пуанкаре . . . Въ Италіи фашистскій терроръ . . . Въ Греціи революція . . . Въ Португаліи революція . . . Правительство СССР готовится къ торжественному празднованію . . .

Къ чему готовится — неизвѣстно. Листъ на этомъ мѣстѣ оборванъ. Надо полагать — къ празднованію десятилѣтняго юбилея . . .

Фельетонъ — перепечатка изъ „Правды“, не представляетъ никакого интереса и такъ же наполовину оборванъ. Экономическій отдѣлъ, съ мѣстными цѣнами на хлопокъ и шелкъ — тоже. Обратная сторона занята объявленіями.

Разсѣянно пробѣгаю рядъ столбцовъ, набранныхъ крупнымъ шрифтомъ, и въ лѣвомъ углу, въ отдѣлѣ спроса и предложенія, читаю :

АНОНСЪ.

„Требуется корректоръ, владѣющій иностранными языками. Обратиться къ редактору, гражданину Семешко“.

Отбрасываю смятый листокъ въ сторону, растягиваюсь на травѣ и смотрю на небо, по которому медленно ползутъ облака. Они напоминаютъ эскадру, идущую кильватерною колонной. Впереди — крейсера, по бокамъ — миноносцы и тралеры, а въ центрѣ — тяжелые линейные корабли . . .

Въ такомъ же точно порядкѣ, русская эскадра выходила для защиты Паркалауддской морской позиціи и крейсеръ „Аврора“ былъ головнымъ кораблемъ . . . На его долю выпала

честь завязать бой и угостить противника парой снарядовъ изъ носовой пушки . . .

Моя мысль снова возвращается къ объявленію.

Я пересчитываю его вторично и задумываюсь . . . Не есть-ли это указующій перстъ?..

„О, тайна тайнъ, о, птица Рокъ,
Не твой ли дальній островокъ,
Мнѣ былъ звѣздою путеводной? . . “

Судьба подсказываетъ мнѣ выходъ изъ положенія . . . Послѣ пребыванія въ интернаціональномъ клубѣ мадамъ Анго и тюрьмы, какая служба можетъ меня устроить?.. Какъ человѣкъ интеллигентный и достаточно образованный, я быстро освоюсь со своими обязанностями . . . Нужно быть только грамотнымъ человѣкомъ — и никакихъ гвоздей! . .

На минуту задумываюсь снова.

Но, въ концѣ концовъ, это газета лѣваго, краснаго направленія?.. Воображаю лицо гражданина Семешки, если я, бѣлогвардеецъ, князь Бектабековъ, предложу ему свои услуги?.. Онъ упадетъ въ обморокъ . . . Съ нимъ могутъ сдѣлаться корчи, какъ у дьявола, котораго осѣняютъ крестомъ . . . Можетъ быть, даже разрывъ сердца?.. Ха-ха-ха! . .

Эта мысль приводитъ меня въ веселое настроеніе и я рисую себѣ обстановку.

Подвальное помѣщеніе, съ низкими сводами, озаряемое тусклымъ свѣтомъ газовыхъ фонарей . . . У дверей — субъекты, стерегущіе входы, въ кожаныхъ курткахъ, съ полнымъ арсеналомъ за поясомъ . . . Въ редакторской комнатѣ, въ такой же кожѣ, сидитъ незнакомецъ, съ черной вихрастой щетиной на головѣ, съ огромной красной звѣздой на борту куртки... На столѣ поблескиваетъ наганъ съ разсыпан-

ными патронами и полубутылка съ „авто-
коньякомъ“ . . . Со стѣны хитро подмигиваетъ
азіатская рожа Ленина въ широкой золотой
рамѣ, въ которой раньше былъ, можетъ быть,
портретъ императора . . .

Любопытство мое возбуждено.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ я рискую?

Я быстро поднимаюсь съ травы и снова
шагаю по пыльной дорогѣ . . .

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Быль уже полдень и движеніе было въ полномъ разгарѣ.

Со звономъ катились трамваи. Вереницы рикшъ сновали въ пестрой, шумной, многоголовой толпѣ. Тысячи голосовъ, грохотъ рабочаго люда, дребезжанье знонковъ сливались въ нестройный гулъ . . .

Конечно, я не обольщала себя никакими надеждами.

Могъ-ли, я патентованный бѣлогвардеецъ и контръ, участвовавшій въ борьбѣ противъ совѣтской власти, трижды приговоренный къ разстрѣлу и трижды ускользнувшій изъ большевицкой тюрьмы, рассчитывать на какую либо работу въ большевицкой газетѣ?

Весьма вѣроятно, что меня даже не допустятъ къ редактору... А если допустятъ, редакторъ, съ первыхъ же словъ, укажетъ рукою на дверь . . .

Но любопытство мое возбуждено. Меня до такой степени заинтересовала предстоящая встрѣча, что я рѣшилъ сдѣлать попытку во что бы ни стало. Тѣмъ болѣе, что я, дѣйствительно, ничего не терялъ. Будь что будетъ!.. Искушеніе сильнѣе меня . . .

Съ такими приблизительно мыслями, я подходилъ къ большому сѣрому дому съ вывѣской, на которой крупными буквами стояло :

„НОВАЯ ШАНХАЙСКАЯ ЖИЗНЬ“.

Редакція газеты помѣщалась на Севардъ-Родъ, неподалеку отъ Бенда.

Огромный индусъ, съ сонными, мечтательными глазами, въ темнозеленомъ мундирѣ и въ яркой чалмѣ, съ короткой дубинкой въ рукахъ, стоялъ у входа. Вопреки моему представленію, редакція помѣщалась не въ подвалѣ, а на третьемъ этажѣ. Узкая лѣстница вела наверхъ.

Въ небольшой комнатѣ сидѣло нѣсколько человѣкъ.

Они сидѣли, углубившись въ работу, не обративъ на меня никакого вниманія. Никто изъ нихъ даже не повернулъ головы. Миловидная барышня, съ покрашенными губами и съ коротко подрѣзанною прической, стрекотала на „ремингтонѣ“.

Все это показалось мнѣ обыкновеннымъ. Я рисовалъ себѣ обстановку совершенно иначе и, признаться, былъ даже нѣсколько разочарованъ.

Я подошелъ къ машинисткѣ и изложилъ свою просьбу.

Барышня прекратила работу, смѣрила меня разсѣяннымъ взглядомъ и приподнялась :

— Обождите, товарищъ! . . Я доложу Абраму Давидовичу! . .

Вильнувъ короткою юбкой, она скрылась въ дверяхъ и черезъ минуту вернулась :

— Пожалуйста въ секретарскую! . .

Абрамъ Давидовичъ Соловейчикъ — секретарь редакціи, завѣдующій личнымъ составомъ, „выпускающій“ и главбухъ. Къ этимъ много-

сложнымъ обязанностямъ прибавляется еще сборъ объявленій.

Абрамъ Давидовичъ — главный нервъ, центральная двигающая пружина, словомъ, лицо въ техническомъ отношеніи незамѣнимое. Въ этомъ маленькомъ человѣкѣ запасъ неистощенной энергіи. Она видна въ каждой фразѣ, наблюдается въ каждомъ движеніи. И я это почувствовалъ съ первыхъ словъ, когда вскочивъ съ своего стула, Абрамъ Давидовичъ мелкими шажками подбѣжалъ ко мнѣ съ рукопожатіемъ, изобразивъ на лицѣ радостное волненіе :

— Очень пріятно познакомиться! . . . Пойдите трошки! . . . Я заразъ побѣгу до редактора! . . .

И Абрамъ Давидовичъ скрылся за дверью.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Черезъ минуту я стоялъ въ кабинетѣ.

То что я увидалъ, меня окончательно поразило.

Ничего общаго съ тѣмъ, что я себѣ представлялъ какихъ нибудь полчаса тому назадъ... Какъ обманчивы наши иллюзіи! . . .

За письменнымъ столомъ свѣтлаго дерева сидѣлъ главный редакторъ — Семенъ Семеновичъ Семешко. Это былъ не жгучій брюнетъ съ жесткой щетиной на головѣ, а плотный пожилой человѣкъ, съ добродушнымъ лицомъ, въ бородкѣ, съ широкою лысиной, съ золотыми очками, съ бородавкой на маленькомъ мясистомъ носу. Такія лица встрѣчались когда-то въ уѣздной земской управѣ или на педагогическомъ съѣздѣ.

Одѣтъ онъ былъ не въ кожу, а въ обыкновенный сѣрый пиджакъ, съ бѣлымъ мягкимъ воротничкомъ и лиловымъ галстукомъ. Въ правой рукѣ, вмѣсто нагана, онъ держалъ обыкновенную папиросу, а въ лѣвой, вмѣсто бутылки съ водкой, стаканъ, изъ котораго медленными глотками отхлебывалъ чай.

Наконецъ, вмѣсто красной звѣзды, въ петлицѣ у него не было ничего.

За другимъ столомъ сидѣлъ незнакомецъ въ защитной рубахѣ и что-то писалъ . . .

Редакторъ лѣниво взглянулъ на меня черезъ золотыя очки, зѣвнулъ, указалъ рукою на стулъ. Съ равнодушнымъ видомъ, онъ выслушалъ мою просьбу, побарабанилъ пальцами по столу, на минуту закутался дымомъ и произнесъ:

— Эээ . . . Совершенно вѣрно . . . Намъ требуется корректоръ . . . Товарищъ Лахудра не справляется съ своею работою . . .

Затѣмъ, снова закутался дымомъ, сдѣлалъ изъ стакана очередной глотокъ и спросилъ:

— Ваша фамилія? . . . Соціальное положеніе? . . . Политическая платформа? . . .

Предусмотрительность требовала соответствующаго отвѣта. Все это я могъ бы заранѣе подготовить. Это не представляло труда.

Но любезный пріемъ, забавная наружность редактора и, главное, вся обстановка, которая столь кореннымъ образомъ расходилась съ моимъ представленіемъ, привели меня въ шутовское настроеніе. И на вопросъ гражданина Семешки, я отчеканилъ:

— Почетный потомственный пролетарій! . . . Лейтенантъ князь Иванъ Бектабековъ! . . . Монархистъ! . . .

Редакторъ высоко поднялъ брови и откинулся на спинку кресла.

Папироза выскользнула изъ пальцевъ на полъ.

Съ минуту лицо его выражало неподдѣльное изумленіе. Онъ скинулъ очки, протеръ стекла платкомъ, снова надѣлъ и уставился на меня. Сначала лицо его казалось суровымъ. Но понемногу брови расправились. Исчезла складка на лбу. Редакторъ беззвучно смѣялся:

— Что привело васъ сюда?

— Голодъ!

Гражданинъ Семешко умолкъ.

Онъ долго молчалъ и, вооружившись краснымъ карандашемъ, выводилъ на бумагѣ сложный рисунокъ. Въ комнатѣ наступила тишина. Только стѣнные часы мѣрно отстукивали свое:

— Тикъ-такъ, тикъ-такъ! . . .

Наконецъ, редакторъ оторвался отъ бумаги и снова взглянулъ на меня. Повидимому какое-то рѣшеніе было имъ принято. И онъ произнесъ его достаточно твердымъ и увѣреннымъ голосомъ:

— Ну, хорошо, гражданинъ Бектабековъ!... Принципіально я ничего не имѣю противъ . . . Фактъ остается фактомъ . . . Намъ нуженъ корректоръ, владѣющій иностранными языками . . . Ваши политическія убѣжденія, эээ, остаются при васъ и меня не касаются . . . Но какъ техническій работникъ, вы можете пригодиться . . . Впрочемъ, что скажетъ товарищъ Малашкинъ? . . .

Я повернулся.

Незнакомецъ въ защитной рубашкѣ, на мгновеніе, вскинулъ глаза, смѣрилъ меня тяжелымъ взглядомъ и процѣдилъ:

— Ничего не имѣю!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Голый типографскій талеръ — моя постель.
Кипа старыхъ газетъ въ головахъ — вмѣсто подушки.

Обѣдаю дешевой рыбой съ кускомъ бѣлаго хлѣба. Жиденькій чай не сходитъ съ желѣзной печки. Организмъ мой отравляется свинцовой пылью, а въ дни получки — водкой и пивомъ.

Ибо, кромѣ корректора, исполняю обязанности и помощника „выпускающаго“. На этомъ настоящъ Абрамъ Давидовичъ Соловейчикъ, обрѣзавшій мой отказъ рѣшительными словами:

— Молчите только! . . . Ша! . . . Потомъ мы будемъ видѣть! . . .

Ночь.

Выправлены корректурныя гранки . . . Номеръ сверстанъ . . . Съ визгомъ брякнулъ подъемникъ и послѣднія полосы съѣхали внизъ . . . Какъ муравьи, залопотавъ по своему, набросились на нихъ китайцы . . . Гулко доносится мѣрный ходъ печатной машины . . .

Въ углу прикорнуль метранпажъ, товарищъ Крестовоздвиженскій, сквернословъ, богохулецъ и атеистъ.

Товарищъ Лахудра, молодой парень, прожорливый идеалистъ, заводитъ разговоръ о танкахъ и звѣздахъ. Замѣчанія его нелѣпы и не-

ожиданны. И метранпажъ, злобнымъ обстрѣломъ по-матери, приводитъ его къ молчанію . . .

Гулко вздрагиваетъ временами машина . . . Шлепаютъ расхлябанный барабанъ . . . Снова суетятся китайцы . . . Шпацы, шпонки и трехпунктовые . . . Брось-ка на восемь квадратовъ! . . . Цицеро . . . Корпусъ . . . Все проходитъ въ утомленномъ мозгу и свинцовымъ шрифтомъ ложится на мысли . . .

Трещить телефонъ:

— Алло! . . . Товарищъ Бектабековъ, это вы? . . . Съ вами говоритъ Абрамъ Давидовичъ Соловейчикъ . . . Извиняюсь . . . Будьте добры, въ наборъ — „Задачи пролетаріата и текущій моментъ“.

Снова трещить телефонъ:

— Алло! . . . Товарищъ Бектабековъ, это вы? . . . Извиняюсь . . . Съ вами говоритъ Соловейчикъ . . . Будьте добры, въ наборъ — „Директивы съѣзда совѣтовъ“ . . . „Классовое самосознаніе, какъ очередной этапъ въ развитіи личности“ . . .

А потомъ — тотъ же типографскій талеръ вмѣсто постели и вмѣсто подушки — кипа старыхъ газетъ . . .

И такъ — день за днемъ, вотъ уже вторая недѣля!

Н-да . . .

Единственнымъ свѣтлымъ пятнышкомъ на этомъ свинцовомъ фонѣ является — товарищъ Нина.

Товарищъ Нина — личный секретарь редактора, гражданина Семешки.

Я не знаю ее фамиліи, но отношусь къ ней съ симпатіей. Съ своей стороны, товарищъ Нина, повидимому отвѣчаетъ мнѣ тѣмъ

же. Когда я заговариваю съ ней, она смѣется и вспыхиваетъ густымъ румянцемъ. Потомъ, отвернувшись, смотрится въ зеркальце и поправляетъ прическу.

Какъ ни странно, она чрезвычайно напоминаетъ мнѣ одну принцессу императорской крови, которою когда-то я былъ увлеченъ. Изъ моихъ словъ товарищу Нинѣ это извѣстно. Это ее не обижаетъ и, даже наоборотъ, льститъ и наполняетъ горделивымъ сознаниемъ. Только фигура у нее немножко полнѣе и манеры не такъ аристократичны.

Но женщина всегда остается для меня женщиной, будь то графиня изъ высшаго общества или простая черноземная красавица . . . Послѣднихъ я даже предпочитаю . . . Я люблю свѣжесть и непосредственность . . .

— Вы за ордеромъ? спрашиваетъ товарищъ Нина и лукаво щуритъ глаза.

— Такъ точно, ваше высочество! . . . За орденomъ . . . святой Нины! тихо произношу я, слегка склоняясь надъ нею и скашивая глаза. Ея бѣлая плотная грудь, короткая юбка, обнажающая пухлыя икры, ея вихляющая походка — начинаютъ меня раздражать. Я чувствую голодъ.

Интересно познакомиться съ ея взглядами на половую проблему? . .

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Нѣтъ, я не газетный работникъ! . . .

Въ этомъ я опредѣленно долженъ сознаться. . .

Шпацы, шпонки и трехпунктовые! . . . Цицеро! . . . Корпусъ! . . . Звонки телефона — алло, алло! . . . Съ вами говоритъ Соловейчикъ! . . .

Это невыносимо.

Но главное все-таки не въ этомъ. Главное заключается въ томъ, что платформа расходится ровно на сто восемьдесятъ градусовъ. . .

Я сталъ испытывать укоры совѣсти.

Въ сущности, я продалъ душу за большевицкіе серебрянники. Я приложилъ руку къ дѣятельности третьяго интернаціонала, задавагося цѣлью уничтожить культуру и взорвать міръ.

Та смута, которую онъ сѣетъ въ Китаѣ, разжигая въ массахъ братоубійственные инстинкты, швыряя русское золото въ чужіе карманы и въ ненасытную пасть кроваваго бога войны, является однимъ изъ звеньевъ намѣченнаго плана.

Я не могу быть его участникомъ.

Во славу міровой революціи, я не пошевельну пальцемъ. Наоборотъ, я обязанъ сдѣ-

латъ все, что въ моихъ скромныхъ силахъ, чтобы оказать возможное противодѣйствіе...

Я началъ съ того, что сталъ развлекать себя шутками.

Это было мелко и, можетъ быть, глупо, но доставляло мнѣ наслажденіе. Такъ на-примѣръ, выправляя корректурныя гранки, я умышленно опускалъ и переставлялъ предлоги, отчего политическая статья пріобрѣтала иной смыслъ.

Переправлялъ глаголы, придавая имъ характеръ совершенно неудобосказуемый. Въ фамилію Ленина вклеивалъ бѣлогвардейское „ять“. Троцкаго изображалъ съ малой буквы. Другихъ — выносилъ за скобки и бралъ въ кавычки. Словомъ, дѣлалъ всякія пакости.

А однажды, въ экономической статьѣ „Культура красныхъ бураковъ въ С.С.С.Р.“ замѣнилъ букву „б“ на „д“.

Послѣднее не прошло незамѣченнымъ и мои ссылки на безграмотныхъ китайцевъ-наборщиковъ были оставлены безъ вниманія. Семень Семеновичъ вызвалъ меня въ кабинетъ и тономъ, не допускавшимъ возраженій, сказалъ:

— Еще подобная опечатка и вы вылетите въ два счета! . . . Вы меня понимаете, гражданинъ Бектабековъ?

Я принялъ обиженный видъ и вышелъ изъ кабинета.

— Абгемахтъ! . . . Не зналъ, что съ васъ выйдетъ такой плохой помощникъ! ехидно замѣтилъ Абрамъ Давидовичъ. — Скоро имѣете получить расчетъ . . . Буржуй! . . . Бѣлобандитъ! . . . Несознательный элементъ! . . .

Но взглянувъ мелькомъ на мою мрачную физиономію, товарищъ Абрамъ замолкъ и уткнулся въ ворохъ редакціонныхъ вѣдомостей.

Надъ моей головой сгущались тучи . . .

— Часъ насталь! . . . Довольно позора и униженія! . . .

Къ моему счастью, создается блестящій выходъ изъ положенія. Гражданская война вступаетъ въ новый фазисъ. Армія манчжурскаго маршала разворачивается въ крупную величину. Русская дивизія служитъ кадромъ для „добровольцевъ“. Уже носятъ слухи, что записъ начнется въ ближайшемъ будущемъ.

Мой долгъ принять участіе въ этомъ формированіи.

Въ качествѣ офицера или солдата — это для меня безразлично — я приложу всѣ силы въ борьбѣ съ кантонскимъ правительствомъ и стоящимъ за его спиной С.С.С.Р.

Въ этой борьбѣ двухъ началъ я буду непримиримъ до конца . . .

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Размышляя подобнымъ образомъ, я сидѣлъ въ корректорской и, съ желчною ненавистью, правилъ очередную статью:

„Міровыя акулы капитализма — руки прочь отъ Китая!“

О, проклятая банда! . . . Поджигатели міра и цивилизаціи! . . . Безчестные, окаянные демагоги! . . . До какихъ поръ человѣчество будетъ терпѣть ваше наглое издѣвательство надъ совѣстью и закономъ? . . . Когда же люди прозрѣютъ и разнесутъ ваше гнѣздо — очагъ міровой смуты, злобы и лжи? . . . Какой мѣрой искупите вы океанъ пролитой крови? . . .

Затрещалъ телефонъ:

— Алло! . . . Товарищъ Бектабековъ! . . . Будьте добры, къ редактору!

Я поднялся и вышелъ.

Я принялъ окончательное рѣшеніе:

— Жребій брошенъ! . . . Довольно! . . . Non possumus! . . . А гражданину редактору я устрою сейчасъ такой спектакль, который ему никогда не снился! . . . Часъ насталъ! . . . Ave Caesar, morituri te salutant! . . .

И грубо толкнувъ дверь, я вошелъ въ кабинетъ.

Но здѣсь меня ожидало нѣчто необычайное . . .

Семень Семеновичъ Семешко быстрыми шагами прогуливался изъ угла въ уголъ. Онъ

находился въ замѣтномъ волненіи. Увидѣвъ меня, остановился, съ таинственнымъ видомъ подошелъ къ дверямъ и повернулъ въ замкъ ключъ. Кромѣ насъ двоихъ, въ комнатѣ не было никого.

Затѣмъ, предложивъ сѣсть, Семень Семеновичъ съ улыбкой протянулъ серебряный портсигаръ и началъ такъ:

— Гражданинъ Бектабековъ! . . Я попрошу васъ внимательно выслушать мои слова... Предупреждаю, наша бесѣда будетъ носить строго конфиденціальный характеръ? . . Вы меня понимаете? . . Кон-фи-ден-ці-аль-ный . . .

Семень Семеновичъ закурилъ папиросу и продолжалъ:

— Дѣло заключается въ слѣдующемъ . . . Ээээ . . . Какъ бы вамъ это сказать? . . Въ Ханькоу, на адресъ товарища Бородина, мы направляемъ маленькій грузъ . . . Двѣсти тоннъ хлопка и газетные матеріалы . . . Грузъ, какъ видите, незначительный . . .

Выдержавъ паузу, Семень Семеновичъ нервно поскоблилъ бородавку и продолжалъ снова:

— Вы примете участіе въ этой погрузкѣ... Въ качествѣ наблюдателя и переводчика . . . Погрузка начнется съ сегодняшняго вечера . . . За всѣми подробностями благоволите обратиться къ товарищу Малашкину, въ распоряженіи котораго будете состоять . . .

И выдержавъ снова паузу, Семень Семеновичъ добавилъ:

— Участіе въ этой работѣ дастъ вамъ побочный заработокъ, въ размѣрѣ трехъ долларовъ въ сутки! . .

Я поблагодарилъ и откланялся.

Часъ, видимо, еще не насталъ . . .

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Погрузка происходила въ Янтсепудогъ.

Вы можетъ быть знаете этотъ кварталъ, на берегу Вангъ-Пу, съ доками, огромными складами и разгрузочными платформами, тянущимися на нѣсколько верстъ? Съ таможеней, огороженной чугунной рѣшеткой, за которою стоятъ индусы-полисмены? Съ темными корпусами океанскихъ судовъ, пришвартованныхъ къ гранитному молу?

Гуль и движеніе не умолкаютъ здѣсь ни на мгновенье.

Скрипятъ огромные краны, визжатъ лебедки и цѣпи, съ грохотомъ ползутъ тяжелые якоря. Лязгъ желѣза и вой паровозныхъ сиренъ, пыль, копотъ и дымъ — создаютъ впечатлѣніе гигантскаго кратера, не прекращающаго свою работу въ теченіе цѣлыхъ сутокъ.

И на этомъ кратерѣ, изнемогая отъ зноя и отъ усилій, десятки тысячъ людей съ лоснящимися тѣлами и воспаленными бѣлками глазъ, сгибаясь подъ тяжестью груза, тянутъ одинъ и тотъ же, монотонный припѣвъ:

— Хао-хео! . . Хао-хео! . .

Изъ маленькаго сарая, находившагося рядомъ съ таможеней, хлопокъ грузился въ сампанъ. Пятипудовые тюки, перевитые желѣзною проволокой, на длинныхъ бамбуковыхъ

шестахъ, переносились парюю мускулистыхъ китайцевъ и правильными рядами укладывались на днѣ лодки.

Товарищъ Малашкинъ слѣдилъ за работой и отдавалъ приказанія.

Я отмѣчалъ въ записной книжкѣ количество погруженнаго хлопка и занималъ китайца-надсмотрщика разговоромъ.

Работа представлялась мнѣ интересной и я отдался ей съ увлеченіемъ. Во всякомъ случаѣ, она внесла нѣкоторое разнообразіе въ дни моей жизни, прикованной столь бессмысленнымъ образомъ къ типографскому талеру и печатной машинѣ. Нѣтъ, я не газетный работникъ! . . Товарищъ Абрамъ правъ, увѣряя „что съ меня вышелъ плохой помощникъ“ . . . Я не буду ему противорѣчить . . .

Когда хлопокъ, въ количествѣ одной тонны, былъ погруженъ, Малашкинъ сѣлъ со мною въ сампанъ.

Сампанъ плавно отчалилъ отъ берега и качался на волнахъ Вангъ-Пу. Старикъ-лодочникъ, съ повязкой вокругъ бедеръ и широкой соломенной шляпой на головѣ, сталъ у рулевого весла. Натянутый парусъ быстро гналъ лодку къ противоположному берегу.

Вдали стояла китайская джонка.

Это была обыкновенная джонка, одна изъ тѣхъ доморощенныхъ китайскихъ посудинъ, на которыхъ производится каботажное плаваніе по Янтсе-Кіангу и вдоль морскихъ береговъ. Съ высокимъ уродливымъ носомъ и съ еще болѣе высокой кормой, выкрашенная въ красный цвѣтъ, съ соломеннымъ парусомъ и толстой короткою мачтой, она стояла на якорѣ посерединѣ рѣки.

Черезъ четверть часа. а можетъ быть даже и меньше, сампанъ присталъ къ джонкѣ. Това-

рищъ Малашкинъ сложилъ кулаки рупоромъ и закричалъ:

— Цуба! . . Подавай, китайская морда!

Сверху раздались голоса. Два кокосовыхъ троса упали на дно и одновременно, какъ двѣ желтыя обезьяны, по нимъ сползли два китайца. Потомъ, сверху сбросили веревочный трапъ, по которому Малашкинъ взобрался на судно.

Разгрузка сампана заняла также не болѣе четверти часа.

Потомъ, опорожненный сампанъ, со мною и лодочникомъ, вернулся къ набережной, снова забралъ очередной грузъ и тѣмъ же порядкомъ перегрузилъ хлопокъ на джонку.

Эта работа продолжалась вплоть до разсвѣта, пока двадцать тоннъ хлопка и газетнаго матеріала не были доставлены на красную джонку. Съ послѣднимъ рейсомъ товарищъ Малашкинъ вернулся со мною на берегъ.

Ровно девять дней мы грузили хлопокъ.

На десятыя сутки должна была быть доставлена послѣдняя партія, послѣ чего джонка направлялась въ Ханькоу.

Въ этотъ послѣдній день произошло знаменательное событіе, отъ котораго у меня до сихъ поръ бѣгаютъ мурашки по тѣлу . . .

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Здѣсь я долженъ сдѣлать маленькое отступление и сказать нѣсколько словъ о Малашкинѣ.

Кто такой Малашкинъ?

Товарищъ Малашкинъ — политкомъ или иначе политическій комиссаръ. Онъ бывшій матросъ, именно та „гордость и краса революціи“, которая, въ свое время, считалась главной опорой новаго государственнаго порядка.

Въ настоящее время, эта „гордость и краса революціи“ не сохранила того же значенія. Больше того, послѣ извѣстнаго кронштадскаго бунта, она даже взята подъ подозрѣніе.

Однако, отдѣльныя лица, за свои исключительныя заслуги передъ совѣтскою властью, пользуются у нея полнымъ довѣріемъ. Къ числу ихъ, безспорно, принадлежалъ и Малашкинъ, бывшій кочегаръ съ линейнаго корабля „Андрей Первозванный“.

Малашкинъ производитъ непріятное впечатлѣніе.

Нескладный и колченогій, съ низкимъ, заросшимъ черною шерстью лбомъ, съ выдающимися скулами и подбородкомъ, съ острыми щелками глазъ, онъ напоминаетъ мнѣ пещернаго человѣка, невѣжественнаго, темнаго, злобнаго звѣря.

Малашкинъ состоитъ предсѣдателемъ комячейки и, какъ партіецъ, командированный изъ

омскаго центра, пользуется ноограниченными полномочіями. Въ редакціонномъ коллективѣ онъ словно воронъ среди трясогузокъ. Его избѣгаютъ, отъ него держатся на почтительномъ разстояніи. И даже Абрамъ Давидовичъ Соловейчикъ, на что вполнѣ сознательная и революціонная личность, косится на него, какъ кобыла на кнутъ, и отзывается, въ бесѣдѣ со мной, неодобрительно:

— Марать съ чрезвычайной комиссіи! . . Каторжанецъ! . . Паскудство! . .

На душѣ матроса не мало чудовищныхъ преступленій.

Отъ его руки, въ числѣ многихъ сотенъ морскихъ офицеровъ, погибъ, между прочимъ, Виренъ — главный начальникъ кронштадтской крѣпости и военнаго порта. Малашкинъ гноилъ въ иркутскомъ застѣнкѣ заложниковъ. Малашкинъ принималъ личное участіе въ разстрѣлѣ адмирала Колчака. Со словъ Лахудры, Малашкинъ, будто бы, участвовалъ даже и въ екатеринбургскомъ убійствѣ.

Этимъ, кажется, сказано все.

Словомъ; товарищъ Малашкинъ — высоко квалифицированный спецъ „по отдѣленію души отъ тѣла“ и преступникъ перваго ранга . . .

Долженъ замѣтить, что по отношенію ко мнѣ, онъ занимаетъ какую-то загадочную позицію. Моя работа въ газетѣ представляется ему непонятной. Онъ слѣдитъ за мной, пытается вызвать на откровенность, стремится разгадать предполагаемые шаги.

Между нами ведется борьба. Упорная, скрытая, неосязаемая борьба.

И въ глубинѣ души, каждый изъ насъ, охотно просверлилъ бы другъ другу черепъ.

По крайней мѣрѣ я, сдѣлалъ бы это съ особеннымъ наслажденіемъ . . .

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Что можетъ быть болѣе обыкновеннымъ, нежели погрузка партіи хлопка?

Но какое отношеніе имѣетъ хлопокъ къ редакціи газеты „Новая Шанхайская Жизнь“?

Загадочная бесѣда Семена Семеновича, погрузка, производимая въ темнотѣ, со всѣми предосторожностями, красная джонка, фамилія адресата — все это, въ общей сложности, показалось мнѣ подозрительнымъ до чрезвычайности.

Вся обстановка наводитъ на размышленія. Здѣсь что-то не то . . . Слѣдуетъ обнаружить истинное намѣреніе . . .

Словомъ, любопытство мое возбуждено.

Конфиденціальный характеръ бесѣды не позволяетъ мнѣ подѣлиться этимъ соображеніемъ съ Абрамомъ Давидовичемъ. Послѣдній съ своей стороны, не взирая на обычную многогорѣчивость, молчитъ, какъ зарѣзанный. Только однажды обмолвился единственной фразой:

— Товарищъ, когда закончите вашу погрузку?

— Завтра! . .

Ухватившись за представившуюся возможность удовлетворить свое любопытство, я обратился за разъясненіями. Товарищъ Абрамъ не

былъ склоненъ пойти навстрѣчу. Онъ скосилъ ротъ въ презрительную гримасу, потомъ, обнаруживъ всѣ четыре золотыя коронки, захохоталъ и произнесъ таинственнымъ тономъ:

— Молчите только и сполняйте ваши обязанности! . . . Потомъ мы будемъ видѣть! . . .

И, заложивъ руки въ карманы, повернулся спиной .

— Ахъ, такъ? . . . Очень хорошо! . . . Прекрасно! . . . Великолѣпно! . . .

Я рѣшилъ дѣйствовать самъ . . .

На десятыя сутки мы грузили послѣднюю партію.

Работа шла обычнымъ порядкомъ. Товарищъ Малашкинъ сидѣлъ на джонкѣ и, такимъ образомъ, я имѣлъ нѣкоторую свободу дѣйствій.

Передъ послѣднимъ рейсомъ я проникъ незамѣтно въ сарай, въ которомъ лежали остатки груза. Перочиннымъ ножомъ вскрылъ первый попавшійся тюкъ, запустилъ руку въ рыхлую мякоть и нащупалъ неожиданно твердый предметъ:

— Эге-ге . . .

Безъ всякихъ усилій, я вытащилъ твердый пучокъ. Это была длинная, продолговатая связка, общимъ видомъ напоминавшая макароны. Но это были не макароны. Любой специалистъ призналъ бы въ этомъ пучкѣ нѣчто совсѣмъ иное.

Другими словами, это былъ — бездымный порохъ.

Любопытство мое возрастаетъ съ каждымъ мгновеньемъ.

Изъ другого тюка я извлекъ патронныя гильзы . . . Изъ третьяго — капсюли съ гре-мучею ртутью . . . Наконецъ, изъ четвертаго — ручныя гранаты русскаго образца, съ клеймомъ Обуховскаго завода . . .

Все стало яснымъ.

Все стало понятнымъ, опредѣленнымъ.

То же самое чувство, вѣроятно, испытывалъ Шерлокъ Холмсъ, стоя когда-то передъ тру-помъ Баскервильской собаки . . .

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Неожиданное открытіе смутило меня.

Нѣсколько минутъ я стоялъ въ колебаніи и нерѣшимости . . . Такъ вотъ, значить, въ чемъ дѣло? . . . Подъ видомъ газетнаго матеріала и хлопка, въ Ханькоу переправляется боевой грузъ? . . . Этотъ грузъ предназначенъ для революціонной кантонской арміи? . . . Я принимаю участіе въ этой работѣ? . . . Я, лейтенантъ царской службы, князь Бектабековъ, снабжаю собственными руками своихъ враговъ? . . .

Не бывать этому! . . . Не бывать! . . . Не бывать! . . .

Никогда! . . .

Будь я проклятъ, если этотъ дьявольскій планъ не потерпитъ крушенія! . . . Я противопоставлю ему собственный планъ! . . . Еще посмотримъ, товарищъ Абрамъ, кто будетъ смѣяться послѣднимъ! . . .

Колебаніе мое исчезло. Дикая мысль сверкнула въ мозгу. Я порылся въ сараѣ и, черезъ минуту, прыгнулъ въ сампанъ . . .

Тихо покачивался сампанъ на мохнатыхъ волнахъ Вангъ-Пу, совершая послѣдній рейсъ.

Ночь была теплая и безлунная.

Лишь на короткое время показывался въ небѣ круторогій челнокъ, перекидывалъ на водѣ серебряный мостъ и снова прятался въ облакахъ.

Ночь была тихая и безмолвная.

Иногда тишину прорѣзаль вой далекой пароходной сирены. Это новый пароходъ приближался къ Шанхаю и давалъ о себѣ вѣсть. На берегахъ горѣли огни. Длинная цѣпь фонарей уходила въ мгlistую даль. Надъ огромнымъ городомъ, глядѣвшимъ въ ночь страшную тысячеглазою мордой, полыхало багровое зарево.

Словно дыханіе огненнаго Дракона . . .

Скрипитъ въ уключинѣ рулевое весло. Старый китаецъ мурлыкаетъ тягучую пѣсню. Вскорѣ выросли очертанія джонки. Два троса, какъ черныя змѣи, упали на дно сампана.

Я выждалъ минуту-другую.

Потомъ, сталъ на край лодки, ухватился руками за люкъ, подтянулся и, ловкимъ движеніемъ, спрыгнулъ въ трюмъ джонки.

Мѣшкать нельзя.

Я быстро вытащилъ изъ кармана кусокъ просмоленнаго каната.

Въ моемъ распоряженіи — секунды.

Наверху слышались голоса, шлепанье голыхъ пятокъ, гортанные крики. Въ трюмѣ было темно. Электрическій фонарикъ освѣтилъ тюки груженаго хлопка. Въ одномъ углу стояли бочки съ керосиномъ. Въ другомъ лежала рисовая солома.

Это облегчало задачу.

Сердце мое учащенно билось. Руки слегка дрожали. Я испытывалъ величайшее наслажденіе, которое можно сравнить съ чувствомъ охотника, незамѣтно приближающагося къ волчьей стаѣ . . . Глазъ зорко прикованъ къ хищ-

никамъ. . . Курки взведены. . . Палецъ плотно
лежить на спускѣ. . . Еще мгновенье и. . .

И я чиркнулъ спичку. . .

Въ то же время раздался хриплый голосъ:

— Эй, гдѣ вы тамъ? . . Товарищъ Бекта-
бековъ! . . Куда васъ чортъ носить?

Я быстро вылезъ изъ люка и очутился въ
сампанѣ.

Малашкинъ сидѣлъ на скамьѣ и изумленно
глядѣлъ на меня. . .

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Быстро работаетъ рулевое весло и натянутый парусъ гонить сампанъ къ Янтсепудогу. Мохнатая волна ходять ходуномъ по рѣкѣ. Но я не смотрю на волны. Мое вниманіе приковано къ джонкѣ.

Сердце выстукиваетъ барабанную дробь.

Глазъ рѣжетъ двадцать сажень пространства. Съ каждымъ мгновеньемъ я ожидаю картину роскошнаго зрительнаго эффекта . . .

Въ самомъ дѣлѣ!

Вотъ, на темномъ корпусѣ джонки появилась блѣдная точка.

Потомъ, яркій спопъ вырвался изъ трюмнаго люка.

Черезъ минуту, весь корпусъ сталъ словно ажурнымъ и длинные багровые языки, змѣинымъ, волнообразнымъ движеніемъ, стали лизать бортъ.

Какъ зачарованный, не смѣя оторвать взора, я гляжу передъ собой. Мой фейерверкъ удался на славу. Газетные матеріалы и двѣсти тоннъ краснаго хлопка, съ точки зрѣнія пиротехнической, даютъ необычайный эффектъ.

— Куда васъ чортъ носить? — цѣдитъ Малашкинъ.

Я широко улыбаюсь и не устаиваю матроса отвѣтомъ.

— Куда васъ чортъ носить, товарищъ? — повторяетъ Малашкинъ.

Я не могу больше выдержать охватившаго меня чувства и хохочу во все горло:

— Куда? . . . Смотри, дуракъ!

Малашкинъ быстро оборачивается. Оборачивается и лодочникъ-рулевой.

Въ то же мгновенье раздается выстрѣлъ и пуля свиститъ мимо моего уха . . .

На днѣ сампана происходитъ борьба.

Дикая, нечеловѣческая борьба. Борьба не на жизнь, а на смерть. Одному изъ насъ не сдобровать. Это ясно.

Страшнымъ усиліемъ я подминаю Малашкина подъ себя. Но матросъ силенъ, какъ буйволъ, сопротивляется и кусаетъ меня за палецъ. Въ слѣдующее мгновенье, онъ сидитъ наверху и, стиснувъ въ бѣшенствѣ зубы, душитъ меня за глотку.

Я едва не теряю сознаніе, собираю всѣ силы и освобождаюсь.

Матросъ хватается меня за волосы. Перегнувшись черезъ бортъ, вцѣпившись мертвою хваткой, обдавая другъ друга хриплымъ дыханіемъ, мы продолжаемъ свой поединокъ. Отъ толчка матросъ летитъ въ воду и увлекаетъ меня за собой.

Вынырнувъ одновременно изъ воды, не разнимая объятій, мы продолжаемъ борьбу съ еще большимъ остервенѣніемъ. Я хватаю матроса за шею и погружаю его голову въ воду. Но онъ выскакиваетъ, какъ пробка, и толстыми корявыми пальцами лѣзетъ мнѣ въ ротъ.

Силы меня покидаютъ . . . Передъ глазами ползетъ туманъ . . . Дыханіе ослабѣваетъ . . . Я предчувствую гибель . . .

Я наношу послѣдній ударъ кулакомъ, прямо въ високъ.

Матросъ вскрикнулъ и сразу отпустилъ руки . . .

Волны выносятъ меня на берегъ.

Кругомъ ночь, черная безлунная ночь.

Вдали горитъ тысячеглазая морда исполинскаго города . . . Вангъ-Пу стремительно катитъ лохматая воды . . .

А на самой срединѣ рѣки, точно гигантскій факель, разбрасывая фейерверкъ огненныхъ брызгъ, вѣсоко подымая къ небу языки багроваго пламени, съ шипѣньемъ, воемъ и трескомъ, во славу великой міровой революціи и третьяго интернаціонала, пылаетъ красная джонка . . .

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Обезсиленный, утомленный смертельной борьбой, наглотавшийся теплой, мутной, грязной воды, я лежалъ на песчаномъ берегу Вангъ-Пу.

Тѣло ныло въ суставахъ, а отъ мокрой одежды пробѣгала нервная дрожь.

На рѣкѣ догорала китайская джонка . . .
Одинъ за другимъ гасли городскіе огни . . .
Черная беззвѣздная ночь дышала тревожно и глухо . . .

Я продолжалъ лежать на пескѣ.

Въ головѣ толкались безсвязныя мысли. Онѣ путались, переплетались между собой, плясали точно хороводъ какихъ-то чудовищныхъ тѣней. Встрѣчи, видѣнія, дикія оскаленные фізіономіи вставали въ разгоряченномъ мозгу. Чьи-то руки, длинныя и скользкія, какъ у спрута, протягивались со всѣхъ сторонъ. Въ ушахъ раздавались незнакомые голоса. Потомъ, все неожиданно оборвалось и, мало по малу, вернулось сознаніе . . .

Радость существованія охватила меня съ необычайною силой:

— Я живъ! . . . Cogito — ergo sum! . . .
Между тѣмъ, гибель была такъ близка, такъ неотвратима . . . Не сдѣлай я такъ удачно „ночь-ауть“ — и эта ночь была бы для меня послѣдней! . . . Еще не подошли сроки . . .
Ангель-хранитель распростеръ надо мною спа-

сительное крыло . . . Солнце. счастье, весь миръ — еще живутъ для меня! . .

На мгновенье въ сознаніи промелькнуло другое :

— Алло! . . Съ вами говорить Соловейчикъ! . . „Молчите только, потомъ мы будемъ видѣть!“ . . . Совершенно вѣрно, товарищъ Абрамъ! . . Было на что посмотреть! . . Подобнаго зрѣлища я не забуду до конца дней!.. А это кто? . . Товарищъ Семешко? . . „Еще одна опечатка и вы вылетите въ счета! . . Вы меня понимаете, гражданинъ Бектабековъ?“ . . А это! . . „Куда васъ чортъ носить?“ . . . А?.. Товарищъ Малашкинъ? . . Марать съ чрезвычайной комиссіи? . . Каторжанецъ? . . Царевубійца? . . Ха-ха-ха! . .

Неожиданно я почувствовалъ какую-то жалость къ матросу :

— Несчастный, темный, заблудшій звѣрь!.. Невѣжество тебя погубило . . . При другихъ условіяхъ, ты былъ бы, можетъ быть, недурнымъ человѣкомъ . . . На войнѣ былъ, безъ сомнѣнія, храбрымъ и исполнительнымъ морякомъ . . . Но тогда была доблесть, былъ императоръ, была Россія . . . Революція перевернула мозги . . . Все стало кверху ногами . . . Всѣхъ охватило безуміе! . .

Нѣтъ, я не обвиняю невѣжественный, сбитый съ толку, народъ! . . Онъ, точно ребенокъ, въ припадкѣ отчанія и злобы, стиснулъ себя за глотку собственными руками . . . Въмѣсто великой славы, обрекъ себя на великія муки, на униженія, на позоръ . . . Можетъ быть, впрочемъ, это необходимо? . . Кто знаетъ? . .

Я задумался надъ своимъ положеніемъ.

Что дѣлать?

Вернуться къ прежнимъ обязанностямъ я, конечно, не могъ.

Не потому, что драматическій эпизодъ съ красной джонкой и товарищемъ Малашкинымъ клалъ предѣлъ моему возвращенію на должность корректора и помощника выпускающаго въ газетѣ „Новая Шанхайская Жизнь“.

При желаніи, мнѣ ничего бы не стоило сочинить небылицу и описать происшествіе въ требуемомъ для меня видѣ. Я бы могъ разсказать о внезапномъ нападеніи какой нибудь таможенной канонерки, которая занимается ловлею контрабанды. Тѣмъ болѣе, что это происходитъ такъ часто.

Я бы могъ, безъ труда, приписать поджоги джонки наемникамъ маршала Чангъ-Со-Лина, ведущаго борьбу съ кантонскимъ правительствомъ. Его агентами полонъ Шанхай. Японцы также принимаютъ въ этомъ участіе, негласное, замаскированное участіе. А японское золото весьма соблазнительно.

Наконецъ, англичане слѣдятъ очень зорко за развитіемъ гражданской войны. Въ ихъ интересахъ не допускать ввозъ груза въ Ханькоу. Я бы могъ, въ этомъ случаѣ, даже отвести себѣ роль потерпѣвшаго и потребовать отъ редакціи компенсацій за испорченную одежду и то волненіе, которое пришлось испытать.

Никто не можетъ меня уличить. Старого лодочника-китайца я не беру въ счетъ. Свидѣтелемъ является только Малашкинъ.

Но онъ ничего не скажетъ.

Вангъ-Пу умѣетъ хранить свои тайны . . .

Я покидаю службу единственно потому, что не въ состояніи выносить больше ея омерзительнаго обмана . . . Не въ состояніи трепать свои нервы въ этой кошунственной и окаянной работѣ . . . Не въ состояніи быть агентомъ третьяго интернаціонала, съ которымъ

продолжаю вести борьбу до конца, до послѣд-
няго вздоха . . .

Моя задача — его полное уничтоженіе.

Мой идеалъ — воскрешеніе національной
Россіи! . . .

Въ послѣдній разъ я бросилъ взглядъ на
рѣку. Она катила свои мохнатыя воды съ обыч-
ной стремительностью. Послѣдніе остатки
джонки исчезли въ ея пучинѣ.

И на лохматой поверхности, какъ обычно,
гуляли мутныя желтыя волны . . .

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Брызнулъ первый разсвѣтъ.

Блѣдный сумракъ таялъ подъ лучами восходящаго солнца. На судахъ раздавались удары утренней склянки. Огромныя чайки кружились въ сѣромъ туманѣ, наполняя воздухъ пронзительнымъ стономъ:

— Кррріу! . . . Кррріу! . . .

Я медленно приподнялся и поплелся по направленію къ городу.

Я шель безъ опредѣленнаго плана, безъ всякой мысли, съ единственнымъ желаніемъ покинуть поскорѣе берегъ рѣки — свидѣтельница таинственной драмы.

Что дѣлать, что предпринять?

Въ моемъ распоряженіи тридцать долларовъ и это даетъ право не заботиться о завтрашнемъ днѣ. Въ моемъ карманѣ шесть пятидолларовыхъ бумажекъ — конденсированная человѣческая энергія, которая обезпечить существованіе, по крайней мѣрѣ, на мѣсяцъ. Это остатки моего жалованья. Суточные деньги за погрузку хлопка на джонку я не успѣлъ взять. Теперь уже поздно. Это моя опрометчивость.

— А недурно было бы, собственно говоря, вызвать товарища Нину и потребовать причитающіеся доллары?

При этой мысли мнѣ стало смѣшно и я улыбнулся:

— Товарищъ Нина! . . . Роскошная женщина! . . . Такъ мнѣ и не суждено ознакомиться съ ея взглядами на половую проблему . . . Жаль! . . . Весьма жаль! . . .

Я продолжалъ двигаться по пустынной дорогѣ, ведущей отъ порта въ городъ. По обѣимъ сторонамъ, на подобіе гигантскихъ хребтовъ, возвышались горы отработаннаго угля, цистерны съ нефтью, штабели дровъ. Чернѣли рельсы узкоколейной желѣзной дороги. По высокой насыпи медленно проползъ поѣздъ съ десяткомъ товарныхъ вагоновъ . . .

Неожиданная слабость въ ногахъ заставила меня пошатнуться.

— Этого еще не доставало!

Я подошелъ къ краю дороги и присѣлъ на кучу мелкаго щебня. Въ глазахъ поплыли круги. Во рту чувствовалась противная горечь. Дрожь охватывала меня все сильнѣй и сильнѣй.

Между тѣмъ, солнце подымалось все выше. Одежда высыхала подъ его благостными лучами. Но лихорадка усиливалась и зубы выстукивали мелкую дробь.

Кругомъ неслись шумы пробудившагося дня.

Ревѣли сирены и звонче били пароходныя склянки. Визжали лебедки и краны. Вдалекѣ грохотали первые утренніе трамваи. Со стороны Янтсепудога, сливаясь въ монотонный тяжелый гулъ, долетали тысячеголосые вопли кули:

— Хао-хео! . . . Хао-хео! . . .

Гигантскій городъ, городъ Желтаго Дьявола, разверзъ свое ненасытное чрево . . .

Я съ трудомъ приподнялся и двинулся дальше.

Я не успѣлъ сдѣлать и десяти шаговъ, какъ изъ-за штабеля дровъ вынырнула таинственная фигура :

— Хэндъ эпъ! . . . Руки вверхъ! . . .

И черный зѣвъ пистолета впилился въ мой глазъ . . .

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Въ первую минуту я склоненъ былъ думать, что это англійскій полисмэнъ, обходящій Янтсепудогъ ночнымъ дозоромъ.

Онъ былъ въ фуражкѣ военнаго образца и въ форменномъ англійскомъ хаки. На ногахъ были грубые башмаки, обмотки и синіе кавалерійскіе брюки. Плотная маска скрывала его лицо.

Къ сожалѣнію, это былъ не полисмэнъ.

Въ этомъ я убѣдился очень скоро.

Его появленіе было столь неожиданно, что я растерялся. Вдобавокъ, сверкавшій въ рукѣ пистолетъ, представлялся аргументомъ вѣскимъ и заслуживающимъ полного уваженія. Ничего больше не оставалось, какъ подчиниться.

Я стоялъ съ вытянутыми кверху руками, далекій отъ мысли о какомъ-либо сопротивленіи, въ то время, какъ незнакомецъ, уперевъ одной рукой пистолетъ въ животъ, другою шарилъ по моимъ карманамъ. Онъ дѣлалъ это не торопясь, ощупывая меня со всѣхъ сторонъ, тщательно изслѣдуя одинъ карманъ за другимъ, выворачивая изъ нихъ содержимое съ добросовѣстностью и ловкостью настоящаго мастера.

Такимъ образомъ, онъ снялъ съ меня никелевые часы съ фальшивой цѣпочкой, которую несомнѣнно принялъ за золото. Изъ ко-

шелька вынулъ шесть пятидолларовыхъ бумажекъ, еще влажныхъ и слипшихся отъ воды. Кошелекъ же съ мѣдною и серебряною мелочью великодушно положилъ обратно въ карманъ.

Наконецъ, изъ бокового кармана, разстегнувъ пуговицу, онъ вытащилъ старый клеенчатый бумажникъ, въ которомъ я хранилъ документы и фотографическую карточку матушки.

Я пытался протестовать и невольно сдѣлалъ движеніе. Въ то же мгновенье, пистолетъ глубже вѣхалъ въ животъ, меня обдало запахомъ перегара и хриплый голосъ прорѣзалъ:

— Ни съ мѣста! . . Убью, какъ собаку!

Незнакомецъ говорилъ по англійски, съ сильнымъ акцентомъ.

Потомъ, онъ приказалъ мнѣ повернуться налѣво кругомъ и считать до ста, послѣ чего было разрѣшено опустить руки и убираться куда угодно.

Я началъ считать:

— Двадцать пять! . . Двадцать шесть! . . Двадцать семь! . .

Я не дошелъ до пятидесяти, какъ услыхалъ за собой смѣхъ.

Это хохоталъ незнакомецъ.

— Тысяча шрапнелей и одна разрывная граната! — раздался за спиной хриплый голосъ. — Клянусь хвостомъ Будды! . . Мать честная, вотъ такъ исторія съ географіей! . . Ха-ха-ха-ха! . . Скажи пожалуйста! . . Копія съ копій . . . Предъявитель сего, лейтенантъ князь Иванъ Бектабековъ . . . состоитъ въ должности начальника пулеметной команды Воткинской стрѣлковой дивизіи . . . Что свидѣтельствуется подписомъ съ приложеніемъ казенной печати . . . Дано въ Омскѣ іюля 19 дня 1919 года . . . Съ подлиннымъ вѣрно, старшій адъютантъ штабсъ-капитанъ Шаповаленко . . .

Раздался новый взрывъ хохота:

— Ну и комиссія! . . . Да опустите же руки, ваше сіятельство! . . . Афронтъ, клянусь честью, афронтъ!.. Извиняюсь и почтительнѣйше прошу прощенія за безпокойство! . . .

Незнакомецъ стоялъ передо мною.

Его лицо, освобожденное отъ маски, растягивалось въ улыбку и глядѣло на меня сконфуженно и тепло. Незнакомецъ былъ высокаго роста и худощавъ, съ сухимъ испытнымъ лицомъ, съ маленькими голубыми глазами, съ острымъ горбатымъ носомъ, подъ которымъ шли двѣ стрѣлки рыжеватыхъ усовъ и узенькая борода.

На мгновенье мелькнула знакомая олеографія изъ дѣтской книжки . . . Да, именно, рыцарь Печальнаго Образа, старый ламанчскій гидальго, стоялъ передо мной въ подлинномъ видѣ, въ непередаваемо точной дѣйствительности. Для довершенія сходства недоставало только коня и вѣрнаго оруженосца.

Незнакомецъ сунулъ пистолеть въ задній карманъ и протянулъ руку:

— Полковникъ Ростиславъ Лебединцевъ!.. Рекомендуюсь! . . . Бѣлогвардеецъ и бѣлобандитъ! . . . Въ истинномъ смыслѣ слова . . . Что будешь дѣлать? . . . Фатумъ и рокъ судьбы!

Онъ возвратилъ мнѣ часы, бумажникъ и деньги, удержавъ изъ нихъ пять долларовъ. При этомъ добавилъ:

Прошу оказать одолженіе!.. До субботы!.. Полковникъ Лебединцевъ держитъ свои обязательства! . . .

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Судьба снова выкинула со мной забавную шутку, бросивъ въ объятія этому незнакомому мнѣ человѣку. Пятнадцать минутъ тому назадъ я стоялъ передъ нимъ, какъ кроликъ передъ пастью удава, готовый быть проглоченнымъ до конца, безъ всякаго сопротивленія. Я испытывалъ странное чувство какой-то апатіи, разслабленности, маразма. Мои физическія силы были истощены. Моральная упругость покинула меня безвозвратно.

Сейчасъ, охваченный тѣмъ же чувствомъ полного безразличія ко всему происшедшему, далекій по прежнему какого либо изумленія, злобы или негодованія, я механически шагаль полевой дорогой, прибитой утреннею росой. Полковникъ шель рядомъ со мной, стремясь, по военной привычкѣ, попадать въ ногу.

Онъ не былъ старъ.

Не взирая на полковничій чинъ, ему было на видъ не болѣе сорока лѣтъ. Однако, на вискахъ и небритыхъ щекахъ серебрилась сѣдая щетина, лицо было въ морщинахъ, выглядѣло больнымъ и усталымъ. Переживанія революціи, повидимому, наложили на него отпечатокъ. Вдобавокъ, полковникъ былъ, безъ сомнѣнія, пристрастенъ къ спиртнымъ напит-

камъ. Запахомъ алкоголя несло отъ него крѣпко и опредѣленно.

Онъ шелъ рядомъ со мной, слегка припадая на правую ногу, оживленно жестикулировалъ и бросалъ :

— Совершеннѣйшая идиллія и красота! . . Грѣшный человѣкъ, люблю природу всѣмъ существомъ . . . Помните, у поэта :

„Пышно, въ златой колесницѣ, грядетъ розоперстая Эосъ!“

Утро, въ самомъ дѣлѣ, было свѣжее и прекрасное, точно молодая красавица, совершавшая туалетъ у лѣснаго ключа.

Надъ рисовыми полями еще клубился туманъ, нѣжный, розовый, волокнистый, подымавшійся медленно къ небу и растворявшійся въ немъ безъ остатка. Вверху заливались жаворонки, обыкновенные жаворонки, такіе знакомые, такіе родные. Золотой шаръ кидалъ яркое пламя на поля, на дорогу, на китайскія фанзы, въ зелени чумизы и гаоляна.

А далеко слѣва выступали контуры гигантскаго города, еще дремавшаго тяжелымъ утреннимъ сномъ послѣ безпокойной и лихорадочной ночи . . .

— Поэзія совершеннѣйшаго характера! продолжалъ полковникъ, размахивая руками и кидая зоркіе взгляды по сторонамъ. — Душа жаждетъ эмоцій, женской ласки, любви . . .

„Любовь — это сонъ упоительный,
Свѣтъ жизни, источникъ живительный . . .“

А вѣдь, ей Богу, чуть васъ не кокнулъ, ваше сіятельство! . . Въ эдакій день! . . При эдакомъ великолѣпїи! . . Полковникъ Лебединцевъ не терпитъ сопротивленія . . . Ну, да что говорить . . . Слава-те тетереву! . . Дѣло прошлое и, надѣюсь, вы не въ претензіи . . . Недоразумѣніе и все тутъ! . .

Всю дорогу онъ занималъ меня разговоромъ.

За время получасовой бесѣды, полковникъ успѣлъ посвятить меня въ исторію своей жизни, обычной жизни рядового русскаго офицера, выбитаго изъ вѣками налаженной колеи. Въ свою очередь, въ самыхъ краткихъ словахъ, во многомъ не признаваясь, я передалъ полковнику свою скорбную лѣтопись. Ни служба въ „Бѣломъ Лотосѣ“, ни тѣмъ болѣе, работа въ редакціонномъ коллективѣ газеты, не вплетали особыхъ лавровъ въ мой послужной списокъ, и я предпочелъ, изъ осторожности, обойти эти эпизоды молчаніемъ.

Полковникъ не обладалъ, впрочемъ, склонностью къ любопытству.

Онъ вполне удовольствовался моимъ объясненіемъ. Въ его глазахъ, по его выраженію, я былъ „того же поля ягода“, другими словами — офицеръ императорской арміи, не склонившій своихъ знаменъ, не запятнавшій старыхъ традицій, не продавшій своей рыцарской шпаги красной московской шайкѣ.

Этого совершенно достаточно, чтобы установить тѣсный контактъ . . .

— Та-та-та! . . . Да что это вы, батенька? Взглядываетъ на меня полковникъ. — Косая сажень въ плечахъ, румянецъ во всю щеку, словно Аполлонъ Полведерскій . . . А на ногахъ еле держитесь . . . Гдѣ это васъ угораздило? . . . Нехорошо-съ . . . Не одобряю, молодой человѣкъ! . . .

— А познакомиться съ вами чрезвычайно приятно! продолжалъ полковникъ. Давно не имѣлъ такого случая . . . Общества — ни малѣйшаго . . . Совсѣмъ замшился въ своей дырѣ... За палаты — не обезсудьте . . . Не красна, какъ говорится, изба углами, а стопочкой

угощу . . . Чистое дѣло маршъ! . . Самый адмиральскій часъ! . .

Между тѣмъ, дорога отбросила въ сторону узкій проулокъ, съ лѣпящимися одна къ другой низенькими постройками, съ огородами и садами, окаймленными покосившимся тыномъ, съ сливовыми и тузовыми деревьями, съ лужами жидкой грязи, въ которой потягивались черныя тупорылыя китайскія свиньи.

У маленькой фанзы полковникъ остановился.

Онъ подошелъ къ окну, затянутому промасленною бумагой, и посмотрѣлъ въ дырку. Затѣмъ, усмѣхнувшись въ свой рыжій усъ, трижды хлопнулъ въ ладоши и закричалъ:

— Пашка, собачій сынъ! . . Отчиняй! . .

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Я живу у полковника Лебединцева вторую недѣлю.

Тусклый свѣтъ льется черезъ окно и освѣщаетъ грязную конуру, съ землянымъ поломъ, съ тонкими деревянными перегородками вмѣсто стѣнъ, съ потолкомъ, засиженнымъ мухами. Половина конуры занята китайскою печкой, съ широкими канами. На другой половинѣ стоитъ походная койка, два табурета и столъ. Надъ койкой виситъ гитара.

Кризисъ прошелъ, но я еще слабъ и цѣлыми днями валяюсь на канѣ.

Пашка склонился надъ очагомъ и готовить обѣдъ — рагу изъ барашка, заправленное рисомъ, бобами и перцемъ. Это обычное наше блюдо, которое въ разогрѣтомъ видѣ подается и на ужинъ. Китайскій ханшинъ замѣняетъ русскую водку.

Полковникъ, съ опухшими вѣками, сидитъ за столомъ и раскладываетъ „королевскій“ пасьянсъ. Пасьянсъ не выходитъ. Полковникъ начинаетъ нервничать и сердиться. Смѣшавъ карты, кидаетъ ихъ на кровать. Затѣмъ, снова запаливъ трубку, засунувъ руки въ карманы кавалерійскихъ рейтузъ, начинаетъ гулять изъ угла въ уголъ, методично отмѣривая длинными циркулями четыре шага туда и обратно.

— Эхъ, князь! говоритъ Лебединцевъ, переходя на обычную тему. — Ты флотскій и тебѣ не понять! . . . Безчувственный ты человѣкъ!.. А я страдаю! . . . Страдаю, пойми! . . . Все обрыдло! . . . Мракъ и тоска! . . .

Съ таинственнымъ видомъ полковникъ подходитъ къ койкѣ, нагибается, извлекаетъ бутылку съ прозрачной, слегка окрашенной въ желтый цвѣтъ жидкостью. Полковникъ наполняетъ стаканчикъ, смотритъ на свѣтъ, обнюхиваетъ, щурится, подноситъ къ губамъ. Запрокинувъ голову, выпиваетъ, крикаетъ, закусываетъ хлѣбною корочкой.

— Пашка, собачій сынъ! кричитъ черезъ минуту солдату. — Дьяволъ! . . . Долго будешь морить? . . .

Денщикъ ставитъ на столъ лохань съ дымящимся варевомъ. Полковникъ ѣстъ мало. Пьетъ настойчиво и серьезно. Впродолженіе обѣда спорить, стучить вилкой, перекоряется съ денщикомъ.

Потомъ снимаетъ съ гвоздя гитару, старую, разбитую, продѣлавшую сибирскій походъ гитару, беретъ рядъ аккордовъ, тренькаетъ по струнамъ и выводитъ:

„Гей, впередъ!
Маршъ въ походъ,
Чер-рные гус-сары! .“

Весь его міръ заключенъ, кажется, въ этихъ старыхъ воспоминаніяхъ. Шесть эскадроновъ полка, съ воронымъ конскимъ составомъ, съ полковыми реликвіями и всѣми особенностями своеобразной гусарской формы, начиная отъ бранденбурговъ на доломанѣ, кончая парадною шапкой, на которой черепъ и двѣ скрещенныя кости составляли извѣстную полковую эмблему. Старыя гусарскія пѣсни, кобыла Роксана, пол-

ковой командиръ баронъ Бринкъ — все это, въ той или иной формѣ, передается мнѣ ежедневно . . .

Иногда музыкальный стихъ преслѣдуетъ его до самаго вечера.

До самаго вечера бренчить тогда старенькая гитара. Полковникъ терзаетъ струны, выводитъ душещипательные романсы, передавая ихъ на цыганскій ладъ. Онъ растягиваетъ слова, произноситъ въ носъ нѣкоторыя согласныя, мечтательно, какъ глухарь на току, закатываетъ глаза. И высокій теноръ полковника растекается металлическимъ звукомъ :

„Вых-хожу одинъ я на дэ-ро-о-гу,
Сѣквозь тѣманъ кремнистый путь блэ-сти-ить . . .
Ночь тиха . . .“

Или же, брякнувъ всею пятернею по струнамъ, неожиданно переходитъ на плясовую :

„Ахъ, вы сашки, канашки мои,
Размѣняйте мнѣ бумажки мои,
А бумажки то всѣ новенькія,
Двадцати-пяти-рублевенькія ! . .“

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Полковникъ Лебединцевъ — удивительная натура.

Чѣмъ больше я его наблюдаю, тѣмъ болѣе поражаетъ меня этотъ худой, болѣзненный, опустившійся человѣкъ, въ которомъ сердечность сочетается съ безпринципностью, душевная простота съ плутовствомъ, романтизмъ и преданность былымъ идеаламъ съ невѣроятнымъ цинизмомъ.

Онъ добродушенъ и въ то же время жестокъ. Въ немъ много искренности и много лукавства. Онъ обладаетъ житейскимъ опытомъ и въ то же время легкомысленъ и беззаботенъ, какъ маленькій ребенокъ.

Интереснѣе всего его исповѣдь. Она заслуживаетъ вниманія . . .

Я лежу на канѣ, подостлавъ подъ себя бурку полковника. Лебединцевъ лежитъ на койкѣ. Пашка отправленъ къ хозяину и ночуетъ въ сараѣ, на снопахъ гаоляна. Бездѣлье дѣлаетъ день безконечно томительнымъ. Ночь несетъ избавленіе. Но сонъ не приходитъ такъ скоро.

Лебединцевъ ворочается на койкѣ, вздыхаетъ, кричитъ, закуриваетъ время отъ времени трубку или лѣзетъ подъ койку и звенитъ стеклянной посудой.

— Каждый человекъ своему счастью кузнецъ! говоритъ Лебединцевъ и выдерживаетъ маленькую паузу. — Такъ-ли — не знаю . . . А между тѣмъ, имѣлъ блестящую аттестацію... Былъ „выдающимся“ . . . На войнѣ отлично командовалъ эскадрономъ . . . Три раза раненъ . . . Въ пятнадцатомъ году, за дѣло на Свентѣ, представленъ къ золотому оружію . . . Начальникъ дивизіи, генералъ Скоропадскій, будущій ясновельможный панъ гетманъ, весьма одобрялъ дѣйствія пятого эскадрона . . .

„О, узнаю тебя, безсмертный,
Александрійскій ты гусаръ! . . .“

неожиданно замурлыкалъ Лебединцевъ, перебивая теченіе своей повѣсти. Пыхнувъ трубкой, повернулся и продолжалъ:

— Да, братъ! . . . Золотое оружіе и чинъ ротмистра были наградой за храбрость . . . Это, батенька, не баранъ начхалъ! . . . Это — номеръ! . . . Лебединцевъ на виду у начальства . . . Кому исполнять отвѣтственную задачу? . . . Ротмистру Лебединцеву . . . Кому идти въ авангардъ? . . . Ротмистру Лебединцеву . . . Кому идти въ арьергардъ, прикрывать отступление? . . . Ротмистру Лебединцеву . . . Вотъ какъ! . . .

Полковникъ снова заерзалъ на койкѣ:

— Что ожидало героя по окончаніи великой войны? . . . Лавры, триумфъ, благодарность отечества . . . Высочайшее благоволеніе шефа . . . Причисленіе къ александровскому комитету о раненыхъ . . . Пенсіонъ за двадцать лѣтъ безпорочной службы . . . Эмеритура . . . И то и другое и прочее, и тому подобное, какъ говорится . . . Словомъ, всѣ двадцать четыре удовольствія . . . А вышла — метаморфоза!

Полковникъ на мгновеніе умолкъ и засопѣлъ трубкой:

— Да, истинная метаморфоза и фунтъ мыла! повторилъ онъ съ усиліемъ, дѣлая рукою неопредѣленный жестъ.

— Но не о томъ скорбятъ полковникъ Лебединцевъ Что наша жизнь, друзья? Мечта! Мифъ! Дерьмо, выражаясь по-дамски!

Полковникъ остановился:

— Князь! Ваше сіятельство! Ты подумай Былъ императоръ Петръ I Великій Была Катерина Великая Генералиссимусъ Суворовъ-Рымникскій Графъ Румянцевъ-Задунайскій Князь Голенищевъ-Кутузовъ Смоленскій Были чудо-богатыри А что стало? Въ Крымскую кампанію наcostыляли по шеѣ Турецкую войну только- только что не проперли Въ японскую—макаки набили морду Вотъ-те и чудо-богатыри Одинъ срамъ!

Побѣда нужна Россіи, какъ кобылѣ овесъ! А тамъ — миръ хоть до скончанія вѣка Побѣда была въ рукахъ Только продержаться бы еще мѣсяцъ-другой Крышка нѣмцу пришла! Каюкъ! Квитъ! Ферфаль ди ганце постройке!

Сорвалось!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Одолѣвала дремота, но полковнику не спалось. Поворачиваясь на койкѣ съ боку на бокъ, отчего деревянныя ножки издавали каждый разъ скрипъ, Лебединцевъ продолжалъ свой рассказъ:

— Какъ началась „великая-безкровная“, подумалъ — конецъ! . . Финита ля комедія! . . Шлюсь! . . Мать ее за ногу! . . Напророчилъ . . . Такъ въ точности все и вышло, будто по нотамъ . . . Пріѣхали двое стрючниковъ, пришли въ царскій вагонъ и сказали:

— Ша!

И царь отрекся . . .

Сразу . . . Какъ тарелку шей съѣлъ . . . Безъ спора, безъ сопротивленія . . . Точно тронъ ничего не стоящая бездѣлка! . . Пустячокъ! . . Предметъ домашняго употребленія! . . Ты скажешь, борьба была невозможна? . . Вздоръ! . . Ерунда! . . Въ столицѣ десять военныхъ училищъ . . . Юнкера — всѣ на ять, молодцы, какъ одинъ . . . А еще снять съ фронта гвардію или нашего брата — конника, и бунтъ подавили бы въ два счета . . . Ать-два! . . Какъ пить дать! . . Клянусь честью мундира! . . Не повѣрилъ его величество арміи . . . Не повѣрилъ . . . Погубилъ и себя и Россію! . .

Лебединцевъ сердито засопѣлъ трубкой и на минуту задумался:

— Ну, а потомъ ясно... Повылѣзла всякая шантрапа... Заползали, какъ черви на трупъ... Львовъ, Милюковъ, гороховый шутъ Керенскій, товарищъ Черновъ, кавказскій ишакъ Чхеидзе... Кто звалъ ихъ, кто ихъ просилъ, кому они надобны?... Вздумали, вмѣсто царя, командовать Россіей... Кто изъ нихъ командовалъ когда-нибудь взводомъ, хотѣлъ бы я знать?...

Эхъ, князь, до чего тяжело вспоминать!.. До чего каламутно!.. Не стало царя — и не стало Россіи... Покатились къ чортовой мамѣ!.. Съ большевиками стали заигрывать, замѣсто того, чтобы въ два счета вывести эту нечисть въ расходъ!.. Дотроцкались!.. Осовдепились!.. На нашего брата, золотопогонника, смотрять косо, съ опаской... Реакція, моль!.. Контрреволюція!.. Гидра!..

Ну, а потомъ что?.. Пришли большевики... Дали, стало быть, колѣномъ подъ задъ и начали царствовать... У этихъ ясно, по крайней мѣрѣ, опредѣленно... Не керенская слякоть!.. Не слюнтяи львовскіе, милюковскіе!.. И чудо-богатыри и народъ-богоносецъ, всѣ за ними пошли... Лозунгъ-то одинъ чего стоитъ?... Грабъ награбленное!.. Миръ хижинамъ — война дворцамъ!.. Отречемся отъ стараго міра!.. А шуты гороховые Керенскіе сидятъ въ кельѣ подъ елью да ловятъ мухъ въ эмиграціи...

Лебединцевъ остановился:

— А почему, позвольте спросить?.. Россію не знали, вотъ почему!.. Русскаго чело-вѣка, русскаго хама не знали.. Патріотизмъ, честь, родина, долгъ — ему хотъ бы хны!.. Пустыя слова, ваше сіятельство!.. Невѣжество,

мракъ, темная ночь, незнаніе элементарныхъ истинъ! . . . Черезъ мои руки, можно сказать, тысячи холуевъ прошло . . . Слава-те тетереву! . . . Я-ли ихъ не стругаль? . . . Я-ли ихъ не скоблиль? . . . Дѣйствительными гражданами родины дѣлать стремился? . . . Я-ли не зналъ . . . А меня спросили, когда раскачка пришла? . . . Я бы отвѣтилъ . . . Какъ бы еще отвѣтилъ! . . .

Въ желѣзо его взять, сукина сына! . . . Грамотѣ обучить, свѣтомъ истины озарить, а не свободами какими-то заниматься! . . . Черезъ строй, черезъ команду учебную перегнуть! . . . Придетъ эдакій отъ сохи, не то что головой — руками, ногами, какъ слѣдуетъ, не владаеть . . . Кончилъ команду — и не узнать . . . Герой героемъ, вотъ какъ! . . .

Ну, и вышла метаморфоза! . . .

Хамъ разсѣлся на тронѣ! . . . Глупый, тупой, злобный хамъ . . . Заплеваль все, запакостилъ, исковеркалъ . . . Ну и стала теперь не Россія, а СССР, отъ котораго смердитъ, какъ отъ нужника . . . Э, да что говорить, только въ разстройство приходишь . . . Тьфу!

Полковникъ замолкъ.

Наступила долгая пауза. Гдѣ-то трещаль сверчокъ и его монотонный трескъ дѣйствовалъ, какъ колыбельная пѣсня. Полковникъ откашлялся и продолжалъ:

— Персонально со мной вышла удивительная исторія . . . Въ ту пору проживаю въ Москвѣ, отъ трехъ ранъ и контузій лечусь . . . Съ милосердной сестрой одной познакомился . . . Такъ, отъ бездѣлья рукодѣлье . . . Забавная дѣвчонка! На досугѣ спекуляціей промышляю . . . Бсть-пить какъ-нибудь надо? . . . Перламутровыя пуговицы, стало быть, и булавы grosсами покупаю, въ розницу продаю . . . Коммерція моя — что медъ съ бритвы лизать . . . Такъ

и кувыркаюсь . . . А насчетъ продуктовъ совсѣмъ круто приходится . . . Сахару вовсе нѣтъ . . .

Знающіе люди и говорятъ :

— Вы бы, Ростиславъ Александровичъ, на Украину съѣздили и пудика два сахарку съ собой прихватили . . . Сахаръ тамъ почему зря продается!

— Что будешь дѣлать ? . . Совѣтъ резонный . . . Положеніе — ни тѣнды ни сѣнды . . . Прямо Луи Каторзъ шестнадцатый, какъ говорится . . . Машенька плачетъ . . . Разстаться не хочетъ . . . Безпокоится за меня, дурочка . . . Не долго думая, и махнулъ . . .

Какъ махнулъ за хохлацкимъ сахаркомъ въ Кіевъ, такъ на Украинѣ и встрялъ . . . Въ Москву, стало быть, назадъ и не выбратъ . . . Желто-блакитная держава не выпускаетъ . . . Большевики, нѣмцы, петлюровцы, добровольцы . . . Фронты со всѣхъ сторонъ ! . . Кипить, какъ въ котлѣ ! . . Трясця его матери ! . . Щобъ ты сказывся ! . . Нехай его бісь ! . .

Въ Кіевѣ съ вдовой познакомился . . . Товаръ держанный . . . А вообще, ничего, все въ пропорціи . . . Живемъ помаленьку, сталъ мукой приторговывать . . .

Знающіе люди и говорятъ :

— На Кубань сыпьте, Ростиславъ Александровичъ . . . Муку тамъ совсѣмъ даромъ даютъ . . . Хорошую копѣйку себѣ сдѣлать можете !

Скажи, пожалуйста ?.. Ъхать не ѡхать ?.. Вспомнилъ Машеньку . . . Три дня въ размышленіи находился . . . Вдовица моя, Дарья Григорьевна, вцѣпилась, какъ клещъ, не отпускаетъ . . . Особое чутье женское сердце имѣетъ . . . Десять очковъ впередъ доброму лягашу дать . . .

Поѣхалъ . . . Два вагона кубанской муки
пріобрѣлъ . . . Арнаутка, первѣйшій сортъ,
прима!.. На мукѣ и просыпался . . . Елки-
палки!.. Видалъ-миндалъ?.. Э, что вспо-
минать . . . Старая исторія!.. Словомъ, не
то что обратно въ Кіевъ, къ себѣ, на Трехсвя-
тительскую улицу возвратился, а подѣ раз-
стрѣлъ угодилъ . . . Едва не скапустился . . .
Спасибо, однополчане-друзья вызволили, а то
бы не сдобровать . . . У добровольцевъ по-
рядки строгіе . . .

А дальше что?

Попала вожжа подѣ хвостъ . . . Старая
струна заиграла . . . Преображенскій гимнъ,
генералъ-маршъ и прочее . . . Пропала моя
вдовица!.. Адью!.. До радостнаго утра!..
Опять же, патріотическій подвигъ, единая-недѣ-
лимая, двуглавая птица и флагъ бѣло-сине-
краснаго колера . . . А тамъ — пошло и
пошло!..

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

— Эхъ, ваше сіятельство! произнесъ Лебединцевъ и голосъ его сорвался и взвизгнулъ.

— Къ чему героизмъ, затраченныя усилія, бесполезныя жертвы? . . Шиломъ патоку не уцѣпишь! . .

На гражданской войнѣ, за единую-недѣлимую, проливалъ кровь на передовыхъ линіяхъ... Какъ простой рядовой, стало быть, съ винтомъ въ рукѣ . . . Сначала у Лавра Георгіевича, потомъ у генерала Деникина, потомъ подался въ Сибирь . . . По дорогѣ, вмѣстѣ съ Каппелемъ города бралъ на Волгѣ . . . Самару, Симбирскъ, Казань твою самую . . . Золотой государственный запасъ отъ товарищей отнялъ... Вотъ этой рукой вывелъ въ расходъ собственно-ручно сорокъ девять человѣкъ съ красной звѣздой, въ томъ числѣ четырнадцать комиссаровъ... До полусотни всего одного не хватило . . . Послѣ Челябинска, за поврежденіемъ ноги, отчисленъ въ распоряженіе огенкварма . . . Писалъ докладныя записки, пресѣкалъ лихоимство, каралъ тыловые пороки . . . Всего не перечестъ! . .

Эхъ, князь, проиграли мы съ тобой по всему фронту! . . Обѣ войны проиграли и болтаемся въ проруби, словно навозъ . . . Хотѣлъ покончить самоубійствомъ — не выходитъ, пороку не хватаетъ . . . Кишка тонка! . . Хотѣлъ отдаться производительному труду —

никто не беретъ . . . Холера! . . . Кому я нуженъ? . . .

Оскорбился я . . . Осатанѣлъ окончательно . . . Какъ удовлетворить физическіе запросы? . . . Ха-ха-ха-ха! . . .

Лебединцевъ хохочетъ. Но смѣхъ его тяжелый, искусственный. Такъ смѣются люди, которыхъ тянуть на висѣлицу.

— Худо-ли, хорошо — а выходъ найденъ... Ко вадись, Домине? . . . Какъ дошелъ ты до жизни такой? . . . Не будемъ спорить . . . Будемъ разсуждать на началахъ, какъ говорится, дискуссиі . . .

Лебединцевъ на мгновенье замолкъ, послѣ чего продолжалъ. Въ тонѣ его зазвучала нѣкоторая торжественность:

— Полковникъ Лебединцевъ не пальцемъ дѣланъ! . . . Идеалы ему знакомы . . . Честь, доблесть, благородство души — все принадлежало ему . . . Идеалы поруганы, святыни растоптаны, кумиръ низверженъ съ пьедестала . . . Зло побѣдило!

Полковникъ остановился:

— Полковникъ Лебединцевъ мститъ чело-вѣчеству! . . . Пошлому, глупому чело-вѣчеству, не поддержавшему его въ борьбѣ со зломъ . . . Рука Немезиды не знаетъ пощады! . . . Полковникъ Лебединцевъ — защитникъ униженныхъ и оскорбленныхъ! . . . Начальникъ силъ безплотныхъ! . . . Архистратигъ Михаилъ съ мечомъ карающимъ! . . . Полковникъ Ростиславъ Лебединцевъ — мститель міра! . . . Ха-ха-ха-ха! . . .

При этихъ словахъ я не выдерживаю и, въ свою очередь, начинаю смѣяться:

— Вотъ такъ-такъ! . . . Здорово пущено!.. Архистратигъ! . . . Мститель міра! . . . Велико-

лѣпно! . . . А по моему — просто бандить! . . .
Грабитель съ большой дороги!

Лебединцевъ мѣняетъ тонъ и становится сразу серьезень:

— Чудакъ-человѣкъ! . . . Скажи, пожалуйста? . . . Эхъ, князенька, генераль-адмираль!.. Къ чорту фантазіи, идеалы и прочее! . . . Міръ разрушается! . . . Звѣрь вышелъ изъ бездны!.. Антихристъ одолѣлъ міръ! . . . Великая перело-мънка идетъ! . . . А слова не имѣютъ значе-нія . . . Дѣло девятое! . . . Все дѣло въ фак-тахъ, называй какъ угодно . . . Въ фактахъ, мой милый, а не въ словахъ . . . Такъ-то! . . .

„Не называй его небеснымъ
И у земли не отнимай . . .“

Замурлыкалъ полковникъ жиденъкимъ те-норкомъ.

— Наконецъ, согласно марксовой заповѣди, занимаюсь разверсткой прибавочной цѣнности, если это тебѣ больше нравится . . . Ком-prene? . . .

— Наконецъ, что будешь дѣлать? произ-несъ онъ тономъ, въ которомъ слышалось раздраженіе. — Какъ удовлетворить физическіе запросы? . . . Манже-буаръ надо? . . . Надо или нѣтъ, я спрашиваю тебя? . . . Отвѣчай?

Я молчалъ.

— А Пашка знаетъ?

— Нѣтъ, Пашка не знаетъ . . . Пашка — холуй! твердо отвѣчаетъ полковникъ. — Пашка не долженъ знать!

Комната потонула въ тишинѣ ночи.

На печкѣ трещалъ сверчокъ.

Трубка вспыхнула въ послѣдній разъ.

На дворѣ глухо и безнадежно выла со-бака . . .

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Болѣзнь прошла, и силы мои постепенно возстановливаются. Могъ-ли я предполагать, что ночное происшествіе и купанье въ Вангъ-Пу отразится на мнѣ такимъ жестокимъ образомъ?

Между тѣмъ, я былъ дѣйствительно серьезно боленъ. Былъ это тифъ или горячка — не знаю въ точности. Я пылалъ, какъ въ огнѣ, бредилъ дикими криками, призракъ матроса не давалъ мнѣ покоя. Крѣпкій организмъ, въ концѣ концовъ, одержалъ верхъ . . .

Три недѣли протекли со дня неожиданной встрѣчи, послѣ которой я живу у полковника Лебединцева. Я обязанъ ему. Онъ далъ мнѣ пристанище въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ минутъ моей жизни. Его заботливость и уходъ за мной Пашки заслуживаютъ искреннюю признательность. Трудно представить, что ожидало меня безъ ихъ помощи?

Правда, помощь эта не безвозмездна.

Мои сбереженія на исходѣ. Полковникъ не обладаетъ достатками и голъ такъ же, какъ я, какъ церковная мышь. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что при другой обстановкѣ онъ не взялъ бы ни единого цента. Все это понятно.

Жизнь наша протекаетъ однообразно.

Съ утра рѣжемся въ карты. Неприхотливый обѣдъ, съ возліяніями, кончается тѣмъ, что

полковникъ засыпаетъ на стулѣ и Пашка переноситъ его, какъ младенца, на походную койку. Выспавшись и протрезвившись, полковникъ нѣсколько оживляется, погружается въ воспоминанія и, вплоть до самаго ужина, занимается меня разговоромъ. Темы его неисчерпаемы. Память его изумительна. Его взгляды не лишены интереса и порою представляются парадоксальными.

Со многими изъ нихъ я не согласенъ, но не могу не отдать должное ихъ прямолинейности и, пожалуй, даже нѣкоторой логичности. Впрочемъ, все зависитъ отъ того, подъ какимъ угломъ зрѣнія на нихъ смотрѣть.

Я не согласенъ съ его разсужденіями на политическія темы, съ его субъективной оцѣнкой событій, съ выводами, неглубокими и поверхностными, съ тѣмъ драматическимъ будущимъ, которое онъ предрекаетъ Россіи.

По его мнѣнію, прошлое погребено на вѣки. Императорская Россія, пышная, могучая и привольная, стерта съ лица земли. Народъ никогда не цѣнилъ ея красоты и блеска, не ощущалъ величія, не понималъ значенія. Настоящая, „рабоче-крестьянская“ власть, пусть насквозь ложная и фальшивая, болѣе отвѣчаетъ его невыскаательной психологіи.

Не народъ-богоносецъ, а народъ-рабъ . . . Татарская неволя и крѣпостничество оставили въ его душѣ неизгладимый слѣдъ . . . Народъ привыкъ къ кнуту и крайне обидно, что царскій кнутъ былъ недостаточно хлестокъ . . . Все распустилось и развинтилось . . . И зараженная либеральными западными идеями интеллигенція, оторванная отъ земли, презиравшая національную русскую самобытность и ея своеобразныя особенности, вплоть до твердаго „ерь“, какихъ нѣтъ въ цѣломъ мірѣ, которыми

слѣдовало дорожить, которыя слѣдовало хранить, какъ зѣницу ока . . . И погрязшій въ мракѣ невѣжества океанъ массъ . . .

А въ общемъ -- каждый народъ заслуживаетъ свое правительство . . . Это святая истина!

— Правда, Пашка? — обращается полковникъ къ солдату, накрывающему на столъ.

— Такъ точно! — отвѣчаетъ Пашка. — Истинно вѣрно!

Полковникъ доволенъ.

— Онъ у меня образованный! — говоритъ Лебединцевъ. — А ну-ка, Пашка, жарь изъ „Метаморфозы“! . . . Докажи барину свою образованность! . . .

Пашка улыбается, напруживаетъ толстыя щеки и скороговоркою выдыхаетъ:

— Въ настоящій моментъ универсальнаго прогресса, гуманныхъ и утилитарныхъ идей, всякій индивидуумъ . . .

— Вотъ, вотъ, индивидуумъ! — покатывается отъ смѣха полковникъ. — Сыпь дальше! . . .

— Пауперизмъ, происшедшій отъ аномальной системы нашей изолированной расы и цинизмъ принциповъ, мистифицируя всѣ симптомы парадоксальной иллюзіи . . .

— Иллюзіи? . . . Правильно! . . . Валяй дальше! . . .

— Люди, компетентные въ этомъ дѣлѣ, видятъ обнорму фривольностей вульгарныхъ діагностовъ и гороскопъ традицій эмфатическаго раціонализма . . . Отвергая всѣ утопіи трансцендентнаго идеализма, они ставятъ свои гарантіи либерализма, какъ радикальное средство противъ скептическихъ прозелитовъ доктринъ!

— Спасибо! . . . Молодецъ, Пашка! . . . пей всегда за традиціи! . . .

И полковникъ подноситъ Пашкѣ стаканъ.

А иногда, послѣ обѣда, начинается „представленіе“.

Пашка изображаетъ полкъ. Лебединцевъ изображаетъ полковника Бринка. Онъ морщитъ лобъ, придаетъ лицу свирѣпое выраженіе и кричитъ:

— Здорово, александрійскіе гусары!

— Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе! — отвѣчаетъ Пашка, вытянувъ руки по швамъ и впиваясь глазами въ полковника.

— Спасибо, орлы, за молодецкое ученіе!

— Рады стараться, ваше высокоблагородіе!

— Жалую по чаркѣ на брата!

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше высокоблагородіе! — кричитъ Пашка.

Полковникъ подноситъ Пашкѣ стаканъ. Нетвердыми шагами подходитъ къ койкѣ, падаетъ на нее и засыпаетъ . . .

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Вскорѣ наступила развязка.

Полковникъ такъ живо воскресившій мнѣ увядаемый образъ сервантесовскаго героя и его вѣрный оруженосецъ — Пашка, безконечные споры и политическія бесѣды, наконецъ — баранина съ бобами и китайскій ханшинъ — все стало воспоминаніемъ.

Грустнымъ, печальнымъ воспоминаніемъ.

Все это — лишь незначительный эпизодъ, смутнымъ облачкомъ промелькнувшій въ моей душѣ, оставивъ въ ней осадокъ неизбывной горечи и тревоги.

Все произошло такъ, какъ рано или поздно должно было произойти.

Наступилъ май . . .

Но прежде нежели перейти къ эпилогу, мнѣ хочется рассказать странный сонъ, приснившійся мнѣ наканунѣ.

Въ каютъ-кампаніи крейсера перваго ранга „Аврора“ былъ костюмированный балъ.

По какому случаю былъ этотъ балъ — не сумѣю сказать. Всѣ гости были знакомы. На мой поклонъ отвѣчали пріятной улыбкой и рукопожатіями. Среди нихъ я сразу замѣтилъ моего стараго начальника — адмирала Вирена и кудряваго красавца съ линейнаго корабля „Слава“ — баталера Дыбенко, верховнаго пра-

вителя Колчака и товарища Ленина, генерала Корнилова и генерала Духонина, прапорщика Крыленко, товарищей Троцкого, Зиновьева, Радека и другихъ. Всѣ они оживленно разговаривали между собой, смѣялись, шутили, обмѣнивались любезностями.

Безпрестанныя встрѣчи наскучили. Я присѣлъ на диванъ, разсуждая о странномъ собраніи, на которомъ вовсе не было дамъ.

Но вотъ . . .

Совершенно неожиданно ко мнѣ подошла незнакомка, въ полумаскѣ, скрывавшей лицо и, протянувъ губы, поцѣловала:

— Бонсуаръ, монъ прэнсъ!

Отъ неожиданности я отскочилъ и съ тревогой сталъ оглядываться по сторонамъ. Гости не обращали на насъ никакого вниманія и продолжали бесѣдовать.

Незнакомка была одѣта маркизой, въ ослѣпительномъ парикѣ, съ кокетливой мушкой на подбородкѣ, и держала въ рукахъ тонкую, перевитую ленточкой, трость. Ея фамиллярное поведеніе привело меня въ нѣкоторое смущеніе. На всѣ вопросы я отвѣчалъ лаконическими словами „да“, „нѣтъ“, прося оставить меня въ покоѣ. Я сталъ оказывать суровость и даже пренебреженіе.

Но каково было мое удивленіе, когда она сѣла вдругъ ко мнѣ на колѣни, обвила шею руками и стала признаваться въ любви.

Я вышелъ изъ себя, вспыхнулъ и рѣзко замѣтилъ, что поведеніе ея неприлично.

— Вотъ вздоръ! сказала она. — Здѣсь все разрѣшается!

— Но я этого не желаю, сударыня! . . . Избавьте меня отъ нѣжностей! . . .

Она засмѣялась:

— Вы не вправѣ запретить мнѣ любить!.. Вдобавокъ, вы единственный кавалеръ, которъй мнѣ нравится!

Съ этими словами, она поцѣловала меня вторично и произвела это съ такимъ шумомъ, что всѣ приглашенные обернулись и каютъ-компанія задрожала отъ хохота и рукоплесканій.

Въ бѣшенствѣ я сорвалъ маску и закричалъ:
— Провались, вѣдьма!

На моихъ колѣняхъ сидѣла — мадамъ Анго.
И я проснулся . . .

Таковъ былъ мой сонъ, странный и удивительный сонъ. Можетъ быть — сонъ въ руку? какъ подумалъ бы суевѣрный и мнительный человѣкъ . . .

Итакъ, наступилъ май.

Мои надежды на формированіе русскаго корпуса не оправдались.

Это былъ только слухъ, только проэктъ, не получившій реального осуществленія. Къ слову сказать, Лебединцевъ отнесся къ моему плану скептически. Онъ пожималъ плечами, изображалъ на лицѣ снисходительную гримасу и бросалъ равнодушнымъ тономъ:

— Слава-те тетереву!.. Повоевали и будетъ!.. Чудакъ-человѣкъ!.. Все равно, ни черта, князь, не выйдетъ!.. Дерьмо все это, выражаясь по-дамски!.. Плюнь, адмиралъ!.. Ей-Богу, плюнь!.. Пропала матушка Россія!..

Между тѣмъ, средства наши изсякли до послѣдняго цента.

Въ роли „мірового мстителя“ полковникъ не выступалъ со дня нашей встрѣчи и этотъ антрактъ въ его дѣятельности я приписываю отчасти себѣ . . .

Былъ поздній часъ, когда мы возвращались домой.

Разговоръ нашъ не клеился. Луна отбрасывала на пустынной дорогѣ длинныя тѣни. На набережной горѣли огни. Вой паровозныхъ сиренъ доносился все глуше и глуше. Надъ городомъ Желтаго Дьявола падала черная ночь . . .

Полковникъ неожиданно остановился.

— Вниманіе! — произнесъ Лебединцевъ сдавленнымъ шопотомъ, и его глаза зорко впились въ темноту ночи. Онъ присѣлъ, какъ хищникъ, на краю дороги, прислушался и, черезъ мгновенье, однимъ скачкомъ очутился на серединѣ шоссе. Это произошло такъ быстро, что я не успѣлъ его удержать.

— Хэндъ эпъ! — прорѣзалъ тишину металлическій окрикъ.

Дальнѣйшее произошло точно въ калейдоскопѣ.

Толстый китаецъ, въ длинномъ балахонѣ и въ курмѣ, съ трясущейся челюстью, съ выкаченными отъ ужаса глазами, стоялъ на шоссе и кричалъ благимъ матомъ. Онъ кричалъ, какъ недорѣзанный боровъ, которому всадили въ бокъ кухонный ножъ. Лебединцевъ стоялъ передъ нимъ, угрожающе размахивалъ пистолетомъ и костлявой рукой пытался поймать китайца за горло. Китаецъ отбивался изо всѣхъ силъ. Его пронзительный крикъ былъ ужасенъ. Этотъ крикъ звенить до сихъ поръ въ моихъ ушахъ.

Черезъ минуту Лебединцевъ отскочилъ отъ китайца и кинулся въ мою сторону. Припадая на правую ногу, онъ пробѣжалъ мимо меня:

— Князь, ходу! . .

Мы бросились бѣжать по пустынной дорогѣ, мимо штабелей дровъ, складовъ, строеній, исполинскихъ горъ шлака и угля. Въ догонку

неслись крики и слышался топотъ. Онъ приближался съ каждымъ мгновениемъ.

— Тахъ-тахъ!

Два четкихъ выстрѣла прогремѣли, какъ ударъ молніи.

Полковникъ ослабѣвалъ. Его дыханіе становилось все болѣе хриплымъ. Схвативъ его за руку, я увлекалъ за собой, напрягая всѣ силы.

— Тахъ-тахъ!

Снова двѣ пули просвистѣли надъ самою головой. Разстояніе уменьшалось.

— Прощай, князь! . . Не поминай лихомъ!

Полковникъ выдернулъ руку и остановился. Я кинулся къ нему и снова пытался схватить, но Лебединцевъ демонстративно оттолкнулъ меня.

— Тахъ-тахъ!

Полковникъ взмахнулъ руками и, безъ стога, повалился ничкомъ . . .

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Всю ночь напролетъ, какъ затравленный волкъ, вздрагивая отъ малѣйшаго звука, я метался по улицамъ города. Погоня мерещилась мнѣ со всѣхъ сторонъ. Въ каждомъ полисмэнѣ, стоящемъ на перекресткѣ, въ каждомъ англійскомъ солдатѣ, выходящемъ изъ кабака, я видѣлъ подкарауливающаго меня борзого пса, готоваго ринуться съ крикомъ:

— Ату! . . Держи его! . .

Было ясное утро, и шанхайское солнце еще не кололо съ своей обычною безпощадностью, когда я забрался, наконецъ, въ садъ Французской Концессіи.

Обезсиленный, присѣлъ на скамьѣ, обдумывая планъ дальнѣйшихъ демаршей.

Отъ голода и усталости кружится голова, тошнить, клонить ко сну.

На мгновенье забылся.

— Справа, изъ носового плутонга! . . Прицѣлъ — пять! . . Дѣленіе — двадцать! . . Носовая башня — огонь! . . Бамммъ-бамммъ! . . Объявляю приговоръ ревтрибунала . . . Подсудимый, бывшій лейтенантъ бывшій князь Иванъ Бектабековъ, объявляется врагомъ народа и приговаривается къ высшей мѣрѣ! . . Варенька, мое солнышко! . . Я буду ожидать

въ Скарятинскомъ скверѣ . . . Какой чудесный день! . .

— Дѣйствительно, замѣчательный день, господинъ лейтенантъ!

Что это — сонъ?

Нѣтъ, это не сонъ.

Очнулся я неожиданно, подѣ влияніемъ посторонняго взгляда.

Рядомъ со мной сидитъ старичекъ. Маленькій, сухенькій старичекъ, въ сюртучкѣ, въ очкахъ на острыхъ маленькихъ глазкахъ, сверкающихъ изъ-подъ мохнатыхъ бровей. Старичекъ держитъ въ рукахъ французскую булку и кормитъ мякишемъ воробьевъ. Онъ смотритъ на меня съ доброй улыбкой и повторяетъ:

— Замѣчательный день, господинъ лейтенантъ!

Я отскочилъ и чуть не поперхнулся отъ неожиданности. Старика вижу въ первый разъ въ жизни. Его слова приводятъ меня въ изумленіе.

Старикъ разсыпался дробнымъ смѣшкомъ и похлопалъ меня дружески по колѣну. Его сѣдые брови поднялись. Лучи морщинокъ забѣгали по бритому лицу.

— Хе-хе-хе-хе! . . Вы видите, я не ошибся! . . Лейтенантъ морской службы! . . Кромѣ того — русскій! . . Кромѣ того — холостой! . . Вотъ признаки, которые я установилъ безошибочно! . . Позвольте-ка вашу правую руку?.. Такъ-такъ! . . Съ са! . . Якорь, сердце, имя любимой женщины! . . Гравировка исполнена артистически! . . Это сингапурская работа! . .

Шутливое настроеніе старика мнѣ не пердалось.

Мой взглядъ прикованъ къ бѣлому хлѣбу, расточаемому съ непозволительной щедростью. Въ горлѣ зашекотала слюна. Въ глазахъ по-

плыли круги. Голова закружилась отъ непредаваемой слабости . . .

— Сэ са! . . Сингапурская работа! . . Я не ошибся!

Старикъ задалъ еще два-три вопроса, на которые я отвѣтилъ дерзко и вызывающе. Я не былъ склоненъ къ бесѣдѣ. Старикъ меня раздражалъ :

— Старый хрѣнь! . . Если-бы ты зналъ положеніе! . . Дѣло обстоитъ гораздо серьезнѣе, нежели ты думаешь!

„Шесть тонкихъ гильзъ съ бездымнымъ порохомъ
Кладеть онъ, молча, въ барабанъ! . .“

И я грубо захохоталъ.

Мохнатые брови снова приподнялись. Собесѣдникъ пожевалъ губами, взглянулъ на часы, привсталъ, съ тою же доброй улыбкой кивнулъ головой :

— Господинъ лейтенантъ, надѣюсь мы съ вами еще увидимся!

Я слѣдилъ за его удаляющейсѣ мелкими шажками фигуркой. Наблюдалъ, какъ онъ кликнулъ стоявшаго у воротъ рикшу, сѣлъ въ узенькую колясочку и скрылся за угломъ. Потомъ, мой взглядъ перенесся на воробьевъ, подбиравшихъ на землѣ крошки самымъ воровскимъ образомъ. Потомъ . . .

Здѣсь происходитъ первое чудо.

На скамейкѣ лежитъ бумажникъ. Совершенно новый бумажникъ изъ мягкой шагреновой кожи.

И въ бумажникѣ, ровнымъ счетомъ, сто тридцать два доллара полноцѣнной шанхайской валютой . . .

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Это — деньги!

Въ моемъ положеніи — это капиталъ, неслыханное богатство, Голконда, съ позволенія сказать.

— Сто тридцать два доллара!

Ха-ха-ха! . . . Какъ разсѣянъ бѣдный старикъ! . . . Вотъ такъ сингапурская работа! . . .

Вы, можетъ быть, думаете, что я тотчасъ сорвался съ мѣста, побѣжалъ къ выходу, заявилъ о находкѣ полиціи?

Ни въ какомъ случаѣ!

Я осторожно оглядѣлся по сторонамъ, еще разъ быстро пересчиталъ деньги, тихо всталъ со скамьи и направился въ противоположную сторону. Выйдя изъ парка, я тотчасъ смѣшался съ толпой, подозвалъ, въ свою очередь, рикшу и приказалъ везти въ Старый Городъ.

Здѣсь я отдалъ должное своему настроенію.

Я сидѣлъ въ коляскѣ и хохоталъ во все горло, такъ что прохожіе оглядывались на меня съ изумленіемъ.

— Сто тридцать два доллара . . .

— Браво, Иванъ Язоновичъ!

— Два мѣсяца жизни . . .

— Браво, лейтенантъ Бектабековъ!

— О, мы еще поборемся, чортъ возьми!..

Съ такими приблизительно мыслями я мчался по Нанкинъ-Роду. Я скользилъ радостнымъ взоромъ по снующей толпѣ, по яркимъ костюмамъ, по витринамъ магазиновъ, по всей роскоши и убранству этой изумительной улицы.

Я ловилъ улыбки молодыхъ женщинъ, бѣлыхъ и желтыхъ, черныхъ и золотисто-волосыхъ, которыя казались мнѣ прекрасными и доступными, какъ никогда.

— Сто тридцать два доллара!

У англійскаго ресторана рикша остановился. Нужно-ли говорить, что никогда въ жизни я не объдалъ съ такимъ аппетитомъ и позволилъ себѣ, на радостяхъ, выпить цѣлую бутылку вина.

Послѣ объда отправился въ „Первоклассную русскую гостиницу“ на Бэбблингъ-Родъ, что противъ ипподрома Рейсъ-Хорзъ, къ старой хозяйкѣ, Малкѣ Марковнѣ.

Малка Марковна, въ желтой китайской шали съ фіолетовыми разводами, сидѣла, по обыкновенію, на верандѣ отеля. Изъ маленькой фарфоровой чашечки отхлебывала какао и, въ промежуткѣ, выговаривала стоявшаго передъ ней боя.

Съ ея устъ срывались слова, англійскія вперемежку съ русскими, лѣвая рука чертила въ воздухъ загадочные круги, нога въ стоптанной туфлѣ энергично шаркала по паркету.

Малка Марковна остановила на мнѣ недоумѣвающий взоръ и приподнялась:

— Добро пожаловать, господинъ Бектабековъ! . . . Сколько лѣтъ, сколько зимъ? Какъ ваше здоровье?

Я улыбнулся:

— Оллъ райтъ, мистриссъ Коганъ! . . . Все въ полномъ порядкѣ! . . . Вотъ ваши деньги!

И я вытащилъ кошелекъ.

Уплативъ двадцать пять долларовъ долга, благословляемый суетливой еврейкой, я снялъ маленькій номеръ.

— Господинъ Бектабековъ, вы поступили какъ джентльменъ! — сказала Малка Марковна. — Извиняюсь! . . Вы на меня не очень сердитесь?

— Нѣтъ, я не сержусь на васъ, Малка Марковна! . . Я даже готовъ васъ поцѣловать!

Малка Марковна засмѣялась, усадила меня за столъ и заставила выпить чашку какао.

Въ самомъ дѣлѣ, какое у меня основаніе сердиться на эту, въ сущности, добрую и расположенную ко мнѣ особу? . . Въ душѣ я простилъ даже того полисмѣна-индуса, который выбросилъ меня когда-то изъ комнаты . . . Что дѣлать, это была его обязанность! . . Онъ былъ совершенно правъ! . .

Вечеръ я провелъ въ городѣ. Бродилъ по залитымъ электричествомъ улицамъ. Мимоходомъ зашелъ въ чайный домикъ, послушалъ музыку и въ бординкгаузъ вернулся позднею ночью.

Раздѣвшись, лежа въ мягкой чистой постели, снова пересчиталъ деньги:

— Восемьдесятъ три доллара двадцать центовъ!

— Необходимо быть разсчитливѣй! — подумалъ я, засыпая въ самомъ превосходномъ расположеніи духа.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Что происходитъ на другой день?

Происходитъ нѣчто особенное. Не знаю, чѣмъ это объяснить. Но не ищите въ моей натурѣ ни высокаго благородства, ни возвышенныхъ чувствъ. Человѣкъ я самый обыкновенный и даже, можно сказать, съ большими пороками.

Словомъ, когда я проснулся и сразу вспомнилъ вчерашнее приключеніе, я не ощутилъ никакой радости. Наоборотъ, меня охватило смущеніе:

— Я укралъ деньги! . . . Я обязанъ ихъ возвратить! . . . Я долженъ разыскать старика во что бы ни стало . . . Безъ всякаго сомнѣнія, онъ уже сидитъ на скамейкѣ и волнуется до смерти . . . Я объясню ему свое положеніе и извинюсь за произведенный расходъ . . . Господинъ лейтенантъ, вы должны до конца быть джентльменомъ! . . .

Я вспомнилъ слова Малки Марковны и мнѣ стало смѣшно.

Чортъ знаетъ что такое! . . .

Я быстро одѣлся, отказался отъ утренняго завтрака и помчался въ паркъ Французской Концессіи. Я чувствовалъ себя въ приподнятомъ настроеніи, точно совершалъ подвигъ на глазахъ тысячной толпы.

Нанкинъ-Родъ кипѣлъ и сверкалъ брызгами пробудившагося дня. Тысячи разноцвѣтныхъ

ієроглифовъ, синихъ и золотыхъ, красныхъ, желтыхъ и розовыхъ, фонари, вывѣски, флаги, мужчины и женщины, китайцы въ черныхъ ермолкахъ и европейцы въ бѣлыхъ тропическихъ шлемахъ — все смотрѣло на меня съ почтительной и благосклонной улыбкой.

Ревѣли автомобили, безшумно скользили керричи, рикши, звенѣли утренніе трамваи, охали кули — тысячи звуковъ, металлическихъ и деревянныхъ, сливались въ сплошной разноголосый гулъ.

Нанкинъ-Родъ — изумительная и великая улица, не имѣющая себѣ подобной въ цѣломъ мірѣ . . . Эти буйныя, пылающія огнемъ краски, напоминають сказочную феерію, роскошный балетъ самой фантастической постановки! . .

Рикша искусно лавировалъ въ этомъ безконечномъ потокѣ, иногда переходилъ въ шагъ, иногда на мгновенье пріостанавливался, пропуская встрѣчныя вереницы. Съ шумомъ и гамомъ, звеня колокольчиками, проходили, торжественныя процессіи, китайскія свадьбы, различныя церемоніи. Приказчики выскакивали изъ лавокъ и, съ любопытствомъ, жестикулируя и перекидываясь на своемъ быстромъ гортанномъ нарѣчьи, созерцали съ улыбками интересныя зрѣлища. Подъ ногами шныряли бойкіе китайчата. Улыбались маленькія безгрудыя женщины, въ разноцвѣтныхъ рубашечкахъ и панталонахъ. Молодыя китайки изъ чайныхъ домовъ, сидя на колѣняхъ другъ у друга, со смѣхомъ катались на рикшахъ и посылали воздушные поцѣлуи.

Это онѣ заимствовали у европейцевъ, вмѣстѣ съ парижскими модами и духами . . .

Я мечталъ и представлялъ себѣ радость бѣднаго старика, его горячія рукопожатія, слова благодарности, даже, можетъ быть, слезы.

Словомъ, подъѣзжая къ парку Французской Концессіи, я самъ немного расчувствовался.

Это была побѣда, купленная притомъ, сравнительно, недорогою цѣной . . .

Быстрыми шагами я направился къ главной аллеѣ.

Предположенія мои оправдались.

Старикъ сидѣлъ на прежней скамьѣ. Его окружала стая маленькихъ птичекъ, которымъ онъ швырялъ бѣлый мякишъ. Старикъ замѣтилъ меня издалека. Онъ словно ожидалъ меня. Въ глазахъ вспыхнули огоньки.

И когда я подошелъ къ нему и сѣлъ рядомъ, старикъ протянулъ руку.

— Да, конечно, онъ не ошибся! . . . Онъ можетъ еще вѣрить въ людей! . . . Его деньги въ сохранности, за исключеніемъ небольшой суммы, которая будетъ возмѣщена при первой возможности . . . Прошу меня извинить! . .

И я торжественно вынулъ изъ кармана бумажникъ . . .

Здѣсь происходитъ второе чудо.

Старикъ нерѣшительно принялъ бумажникъ, повертѣлъ его въ рукахъ, раскрылъ, снова закрылъ и протянулъ обратно:

— Номъ де номъ! . . . Въ чемъ дѣло? . . . Это не мои деньги!

И хлопнувъ меня по колѣну, рассыпался мелкимъ смѣшкомъ . . .

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Въ первую минуту я былъ изумленъ.

Больше того, пожалуй, даже раздосадованъ тѣмъ обстоятельствомъ, что порывъ мой потерпѣлъ неожиданное крушеніе.

Пять минутъ тому назадъ я переживалъ сладкое чувство какого-то удовлетворенія. Меня щекотало сознаніе, что я нашелъ въ себѣ силы не поддаться лукавому искушенію. Что среди грязи, въ которой барахтаюсь, еще не погасъ огонекъ совѣсти, нравственной чистоплотности, долга.

Въ концѣ концовъ, все вылилось въ форму комической и нелѣпой фантазмагоріи . . . Чужія деньги остаются въ моемъ карманѣ . . .

— Фатумъ! — подумалъ я, мало-по-малу приходя къ заключенію, что восемьдесятъ шанхайскихъ долларовъ представляютъ если не капиталъ, то во всякомъ случаѣ вещь чрезвычайно полезную въ моемъ положеніи.

И я успокоился.

Но сосѣдъ мой, на этотъ разъ, показался взволнованнымъ.

Сверхъ того, выказалъ большую, если можно такъ выразиться, любознательность, совершенно необычную для его возраста. Кромѣ того, старикъ былъ настойчивъ.

Настроеніе же мое было тихое, благостное, чуть затуманенное необъяснимой грустью. И

этотъ роскошный, наполненный пальмами и сочной южной растительностью паркъ, почти пустынный, оживляемый только веселымъ щебетомъ дѣтей и женщинъ, и это яркое, знойное, нѣжащее щеки и тѣло, солнце, и синее бездонное небо, просвѣчивающее сквозь листву широколистныхъ платановъ, располагало къ интимной бесѣдѣ.

Мало-по-малу мы разговорились.

Я изложилъ старику свою прежнюю жизнь, печальную повѣсть скитаній, вплоть до момента вчерашней встрѣчи. Въ моихъ словахъ звучала горечь по навѣки утраченнымъ днямъ красиваго прошлаго, по неосуществленнымъ надеждамъ, по бессмысленнымъ жертвамъ, принесеннымъ въ угоду жалкой утопiи.

О личныхъ переживаніяхъ я выражался въ спокойной и сдержанной формѣ, сознательно обходя, изъ чувства какого-то ложнаго самолюбія, наиболее острые и болѣзненные моменты.

Сочувствія я не искалъ. Тѣмъ болѣе, жалости и утѣшенія. Въ своемъ одиночествѣ я успѣлъ все же выковать какую-то твердую, непроницаемую броню, страховавшую меня отъ припадковъ душевной слабости.

— Сэ са!.. Сэ са! — повторялъ какъ бы про себя старикъ, поддакивая моимъ словамъ, чертя по землѣ кипарисовой тростью замысловатый рисунокъ.

Время отъ времени онъ пристально взглядывалъ на меня, останавливая взоръ на моемъ грубомъ костюмѣ, на изношенныхъ башмакахъ . . .

Въ паркѣ по-прежнему было пустынно и тихо. Высокія пальмы тянулись къ небу верхушками. Яркіе тропическіе цвѣты настороженно прислушивались къ звукамъ. Солнце

выплыло снова изъ-за широколистыхъ платановъ и ударило прямо въ лицо.

Старикъ извлекъ изъ бокового кармана часы, пріоткрылъ золотую крышку съ вырѣзанными на ней инициалами и на минуту задумался.

— Мосье Жанъ! . . Я бы просилъ васъ послѣдовать за мною! — произнесъ онъ съ многозначительной улыбкой.

Я не заставилъ себя упрашивать.

Мы вышли изъ парка . . .

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Два рикши, одинъ за другимъ, мчали насъ мелкой рысцой.

— Пликъ-плякъ, пликъ-плякъ! выстукивали смуглыя пятки по укатаннымъ улицамъ Французской Концессіи, съ ея роскошными виллами, въ заросляхъ рододендроновъ, арековыхъ пальмъ и каштановъ.

Беззвучно пролетали мотокары съ европейцами въ бѣлыхъ тропическихъ шлемахъ. Дѣти въ синихъ матроскахъ и въ шапочкахъ съ краснымъ помпономъ, подъ наблюденіемъ гувернантокъ, чинно шли по панелямъ. Навстрѣчу катились коляски съ сидѣвшими въ нихъ дѣвушками и дамами, въ бѣлыхъ кружевныхъ платьяхъ, въ широкихъ соломенныхъ шляпахъ, съ бѣлыми раскрытыми зонтиками въ рукахъ.

Слышалась красивая французская рѣчь, женскій смѣхъ, веселыя восклицанія. На перекресткахъ, застывъ въ неподвижной позѣ, стояли полисмэны-тонкинцы, щуплые, маленькіе, сухіе, въ синей французской формѣ, въ огромныхъ плоскихъ шлемахъ, увѣнчанныхъ мѣдною шишкой.

— Пликъ-плякъ, пликъ-плякъ! сверкали смуглыя пятки.

И въ тактъ этой музыкѣ, смутно шевелился въ мозгу какой-то иной, хорошо знако-

мый мотивъ, переносившій меня отъ дѣйствительности въ другое царство, напоенное другими, но такими же сладкими ароматами.

Мнѣ представилась почему-то ялтинская весна, запахъ розъ и миндальныхъ деревьевъ, раззолоченная солнцемъ фіолетовая вода, караваны палевыхъ облаковъ, неподвижно стоящихъ надъ головою. По гурзуфской дорогѣ летятъ коляски, кабріолеты, шарабаны и высокіе двухколесные брэки. Маленькія лошадки бойко стучатъ копытами по твердому щебню. Навстрѣчу попадаютъ кавалькады всадниковъ и амазонокъ въ лѣтнихъ костюмахъ. Мелькаютъ круглыя татарскія шапочки. Бѣлымъ цвѣтомъ убрались акаціи. Въ кустахъ боярышника и жимолости слышится неугомонный щебетъ . . .

Дѣйствительность или, вѣрнѣе, ея темныя тѣни, казались отлетѣвшими куда-то далеко.

Я переживалъ странное чувство. Такъ должно быть чувствуетъ себя человѣкъ, сорвавшійся въ бездну и уцѣпившійся при паденіи за случайный кустъ. Внизу, подъ ногами, бушуетъ мрачный потокъ. Наверху пылаетъ золотистое небо, зовущее къ жизни, къ наслажденіямъ, къ счастью.

Короче сказать, прежняя бодрость, надежды и утраченная давно жизнерадостность охватили меня съ неожиданной силой. Таинственное знакомство забавляло и развлекало.

— Что сулитъ мнѣ сегодняшій день? .. Какія новыя испытанія готовить судьба? .. Я приму все съ улыбкой, со смѣхомъ, съ задоромъ своихъ тридцати трехъ лѣтъ! . .

Мнѣ не пришлось долго философствовать на эту интересную тему, ибо головной рикша, свернувъ на улицу Лафайэттъ, остановился у воротъ ажурной рѣшетки, окаймлявшей густой

тропическій садъ. Въ глубинѣ бѣлѣлъ особнякъ.

Старикъ спустился съ колясочки, положилъ двѣ серебряныя монеты на ладонь рикши, указавъ ему головой на моего возницу.

Бѣлый далматскій догъ въ темныхъ крапинкахъ по всему тѣлу и, въ догонку за нимъ, пара пушистыхъ маленькихъ спаниэлей, съ лаемъ и визгомъ кинулись изъ глубины сада навстрѣчу. За ними, легкой походкой, бѣжала дѣвушка въ бѣломъ костюмѣ, съ шелковою китайскою косынкою на плечахъ.

— Барбъ! — крикнулъ мой спутникъ. — Я привезъ гостя!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Здѣсь происходитъ третье чудо.

Передо мной стоитъ дѣвушка, лѣтъ двадцати, высокая, хрупкая, тонкая, какъ камышинка, съ матовымъ цвѣтомъ лица, на которомъ, какъ звѣзды, горятъ два большихъ синихъ глаза.

Такихъ глазъ я никогда не видѣлъ. Что-то совершенно необычайное, вродѣ зеркала синяго водоема, изъ котораго золото солнца излучаетъ яркія брызги.

Легкая, чуть замѣтная раскосость вѣкъ, подѣ четко очерченными бровями, придавала лицу какое-то особое выраженіе. Черные блестящіе волосы тугимъ узломъ скручены на затылкѣ. Маленькая грудь нѣжными выпуклостями приподымалась надъ тканью.

По странной ассоціаціи мелькнулъ на мгновенье другой образъ:

— Варенька! . .

Въ сознаніи пронеслась картина далекаго прошлаго . . . Прикамскій городъ . . . Большая Дворянская улица . . . Сирени тѣнистаго сквера, съ видомъ на рѣчныя, заклубленные сизымъ туманомъ дали . . . Варенька-гимназисточка, въ коричневомъ платьицѣ, съ свѣжимъ полненькимъ личикомъ, съ длинной косой за спиною . . .

Сходства нѣтъ ни малѣйшаго. Но то же любимое имя. Та же прелесть женскаго очарованія . . .

Старикъ, съ большой нѣжностью, поцѣловаль дѣвушку въ лобъ и представилъ меня. Дѣвушка вскинула синія звѣзды, привѣтливо улынулась и протянула тонкую ручку.

— Завтракъ готовъ, моя крошка?

— Вуй, папа!.. Медоръ!.. Жоржъ-Зандъ!.. Пьеръ Лоти!.. Алле ву-з-анъ! крикнула она на собакъ, съ видомъ, не внушавшимъ особаго довѣрія, обнюхивавшихъ мои грубые башмаки.

Черезъ четверть часа мы сидѣли на террасѣ двухъэтажнаго особняка, окаймленнаго флорою самаго экзотическаго рисунка.

Обѣденный столъ, убраный бѣлоснѣжною скатертью и цвѣтами желтаго ириса, серебро и хрусталь приборовъ, тонкія кушанья и вино, милый старикъ и сидящая напротивъ меня чудесная дѣвушка съ синими глазами — создавали иллюзію фантастической сказки.

Все благоухало свѣжестью, чистотой.

Даже прислуживавшій китаецъ-бой Чангъ и старая экономка Ли-Фу казались совершенно непохожими на своихъ желтыхъ собратьевъ, копошащихся, какъ муравьи, на огромныхъ муравьиныхъ кучахъ, именуемыхъ кварталами китайскаго города.

Въ оживленной бесѣдѣ текли минуты.

Новая дѣйствительность овладѣла моимъ вниманіемъ. Переходъ отъ недавняго прошлаго былъ такъ рѣзокъ и такъ непонятенъ, какъ непонятна была, впрочемъ, вся моя жизнь, поднявшая меня когда-то къ самымъ высотамъ для того, чтобы впослѣдствіи окунуть въ провалы несказанной бездны.

Разговоръ касался разнообразныхъ предметовъ, перескакивалъ съ темы на тему, съ

веселой непринужденностью порхалъ по всѣмъ направленіямъ.

Я чувствовалъ себя въ особомъ ударѣ.

Поощряемый вниманіемъ собесѣдниковъ, я далъ волю фантазіи. Съ оттѣнкомъ грусти и горечи, передавалъ картины яркаго прошлаго, изъ жизни царской Россіи. Съ достаточной добросовѣстностью познакомилъ моихъ слушателей съ причинами революціи, эпохой гражданской войны, кое-какими личными переживаниями. Наконецъ, широкими, можетъ быть, нѣсколько субъективными, но во всякомъ случаѣ, художественными мазками и энтузіазмомъ, рисовалъ будущее:

— Россія! . . Страна великаго народа, величайшихъ пространствъ, великихъ возможностей! . . Страна загадочная и непонятная! . . Можетъ быть, именно, на ея долю выпадаетъ задача сказать міру новое слово! . . Пусть ошибоченъ методъ и ложенъ навязанный путь!.. Черезъ великія муки, торными, безчисленными дорогами, она выйдетъ изъ сумерокъ навстрѣчу лучезарному солнцу и обрѣтетъ правду истинную и вѣчную! . .

Мое краснорѣчіе захватило вниманіе собесѣдниковъ.

Моя бесѣда, несомнѣнно, вызвала интересъ.

Но самое интересное произошло вечеромъ, когда, простившись съ синеглазою дѣвушкой и пожелавъ ей спокойной ночи, старикъ перешелъ со мной въ кабинетъ.

Утонувъ въ вольтеровскомъ креслѣ, онъ протянулъ мнѣ ящикъ съ сигарами и, съ своей стороны, повелъ разговоръ.

Я припоминаю его во всѣхъ деталяхъ . . .

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

— Торговый домъ Шатобренъ и Шабо, — такъ началъ старикъ, — основанъ тридцать три года тому назадъ. Фирма носитъ названіе основателей, изъ коихъ въ живыхъ существуетъ Этьенъ-Людовикъ Шабо — вашъ покорный слуга, директоръ-распорядитель, предсѣдатель правленія и главный акціонеръ.

— Дѣятельность предпріятія заключается въ оптовой скупкѣ и перепродажѣ шелка-сырца наиболѣе крупнымъ ліонскимъ шелкопрядильнямъ. Фирма покоится на прочномъ фундаментѣ. Основной капиталъ составляетъ два съ половиной милліона долларовъ. Оборотный — значительно превосходитъ эту цифру, и въ настоящее время фирма распространила свое вліяніе на весь южный Китай.

— Главная контора, тридцать три самостоятельныхъ отдѣленія, сто двадцать девять агентствъ и три испытательныхъ станціи — таковъ языкъ цифръ торговаго дома Шатобренъ и Шабо.

— Мосье Жанъ, разрѣшите мнѣ васъ такъ называть, вамъ покажется, можетъ быть, страннымъ это вступленіе?

— Но это только такъ кажется. Я коммерсантъ и становлюсь сразу на твердую почву. Слушайте. Мнѣ нуженъ честный, порядочный,

добросовѣстный человѣкъ, на котораго я могу опереться.

„Довѣріе, довѣріе и довѣріе!“

— Вотъ мой основной принципъ, мой лозунгъ, моя священная заповѣдь.

— Безъ довѣрія не можетъ быть самостоятельнаго рѣшенія. Безъ самостоятельнаго рѣшенія не можетъ быть столь необходимаго въ нашемъ коммерческомъ дѣлѣ размаха. Я противникъ централизаціи. Эрго—довѣріе прежде всего.

Мосье Шабо на минуту остановился, стряхнулъ пепелъ сигары и продолжалъ:

— Случай, встрѣча, знакомство, можетъ быть, рука Провидѣнія — называйте это какъ хотите — свелъ меня съ вами. Вы человѣкъ съ твердыми нравственными принципами, съ взглядами точными и устойчивыми.

— Вы думаете, я позабылъ про оставленный кѣмъ-то бумажникъ съ деньгами, который вы столь великодушно, сегодня утромъ, пытались мнѣ подарить?.. Хе-хе-хе-хе!.. Это способъ сдѣлать не всякій!.. Деньги — великое искушеніе, въ особенности, въ нашъ матеріальный и трезвый вѣкъ...

— Но кромѣ того, въ чемъ я успѣлъ уже достаточно убѣдиться, вы человѣкъ интеллигентный, прекрасно развитой въ умственномъ отношеніи, владѣющій иностранными языками... Словомъ, человѣкъ необходимый для фирмы.

— Итакъ, выражаясь конкретно, я предлагаю вамъ должность въ торговомъ домѣ Шатобренъ и Шабо. Специальную технику вы усвоите очень быстро. Это не представляетъ большихъ затрудненій. Дальнѣйшая практика въ этомъ дѣлѣ разовьетъ ваши коммерческія способности.

— Я предлагаю вамъ должность второго секретаря главной конторы. Въ сущности, вы будете находиться въ моемъ личномъ распоря-

женіи. Это дастъ вамъ квартиру, столъ и триста долларовъ содержанія въ мѣсяцъ, не считая экономической преміи.

— Если эта сумма представляется вамъ незначительной, я готовъ обсудить еще разъ этотъ вопросъ и прійти къ любовному соглашенію. Если же условія вы находите подходящими, мы можемъ немедленно приступить къ заключенію контракта.

— Я спрашиваю васъ, мосье Жанъ: согласны вы или нѣтъ?

Я не вѣрилъ своимъ ушамъ и продолжалъ находиться въ недоумѣніи.

— Мосье Жанъ, я спрашиваю васъ еще разъ: согласны вы или нѣтъ?

Наконецъ, я очнулся:

— Мосье Шабо, я не знаю какъ васъ благодарить!

ГЛАВА Сороковая.

Такимъ образомъ, я занялъ должность второго секретаря.

Мнѣ была отведена комната въ нижнемъ этажѣ виллы. Въ моемъ распоряженіи находился молодой бой Чангъ. Обѣдалъ я въ обществѣ патрона и его дочери. Мои обязанности были несложны. Онѣ заключались въ короткомъ ежедневномъ докладѣ и пріемѣ заграничной корреспонденціи.

Вотъ и все.

Нѣтъ, виновать, впрочемъ, не все.

— Мосье Жанъ, я довѣряю вамъ Барбъ! — говорилъ съ доброй улыбкой старикъ.

И я сопровождалъ мадемуазель Барбъ въ городъ. Ходилъ съ ней по магазинамъ европейскихъ кварталовъ и въ универсальный Вингъ-Онъ и К^о, разбираясь въ ворохѣ кружевныхъ и шелковыхъ вышивокъ, въ ослѣпительной роскоши бездѣлушекъ и драгоценностей, въ шляпахъ и въ обуви, въ парижской парфюмеріи и предметахъ маленькаго дѣвичьяго хозяйства. Я оказался незамѣнимымъ совѣтникомъ и дѣвушка, сама обладавшая тонкимъ вкусомъ, во всѣхъ случаяхъ обращалась ко мнѣ за содѣйствіемъ. Это доставляло ей удовольствіе.

Или же совершалъ съ нею загородныя прогулки. И въ этихъ случаяхъ я былъ веселымъ,

любезнымъ, предупредительнымъ компаньономъ. Я забавлялъ и развлекалъ дѣвушку сотнями самыхъ затѣйливыхъ выдумокъ, познакомилъ съ особенностями своеобразнаго китайскаго быта, китайской кулинаріи, китайскаго театральнаго зрѣлища. Ввелъ въ кругъ допустимыхъ интимныхъ подробностей изъ жизни огромнаго города, въ которомъ все полно самаго остраго любопытства.

Или же, сидя въ нашемъ роскошномъ саду, занималъ бесѣдами на разнообразныя темы.

Мадемуазель Барбъ оказалась развитою и умною дѣвушкой.

Поэзія, музыка, живопись, спортъ, классики и новѣйшая литература, даже политика — живо интересовали и находили откликъ въ ея душѣ. Я получалъ величайшее наслажденіе отъ общенія съ этой дѣвушкой. Нужно-ли признаваться, что физическое влеченіе я почувствовалъ съ перваго взгляда . . .

Господинъ Этьенъ Шабо и его дочь жили чрезвычайно уединенно. Никто ихъ не посѣщалъ. Въ свою очередь и они избѣгали всякихъ знакомствъ. Никто отъ этого не страдалъ, ни мой старый патронъ, ни мадемуазель Барбъ, ни тѣмъ болѣе я.

Обычно, каждый день, послѣ завтрака, къ калиткѣ сада подъѣзжали два рикши. Мы садились въ колясочки и сопровождаемые Медо-ромъ, мчались по улицамъ Французской Концессіи, по Рю-Монтобанъ, Паликао и авеню Жоффръ, сворачивали на Бэндъ, оттуда по Нанкинъ-Роду слѣдовали на ипподромъ Рейсъ-Хорзъ, послѣ чего направлялись въ знаменитый Садъ Мандариновъ.

Къ обѣду, веселые и оживленные, возвращались на Рю Лафайэттъ и остатокъ дня проводили за партіей въ покеръ, домино или въ лаунъ-теннисъ, или же просто въ безконечныхъ бесѣдахъ . . .

Но, главнымъ образомъ, въ музыкѣ натура молодой дѣвушки проглядывала съ особою щедростью. Это было бесспорное дарованіе, яркое, сильное, съ изумительной глубиной и изяществомъ передававшее вдохновенія міровыхъ корифеевъ.

Отъ Баха и Гайдна къ Мендельсону и Листу. Отъ Россини и Верди къ французскимъ классикамъ — къ Сень-Сансу, Масснэ, Делиба. Отъ мрачной скандинавской фантазіи Грига — къ Сибеліусу и плѣнительному Шопену . . .

Изъ русской музыки предпочтеніе отдавалось Чайковскому. Впрочемъ, можетъ быть потому, что съ прочими композиторами мадемуазель Барбъ была ознакомлена недостаточно.

Это ее огорчало.

Мои же патріотическія чувства отъ этого, въ сущности, мало страдали.

Ибо лучшей русской музыкой я считаю криканье камскихъ утокъ и курлыканье степныхъ журавлей . . .

Такъ текли дни.

Съ каждымъ днемъ отношенія наши становились все болѣе близкими, болѣе тѣсными. Мосье Шабо не препятствовалъ этому естественному сближенію. Больше того, наша дружба вызывала съ его стороны поощрительную улыбку.

Я находился во власти какого-то опьяняющаго дурмана.

Я чувствовалъ, что въ самомъ близкомъ будущемъ должно что-то произойти, послѣ чего мои отношенія къ Барбѣ получатъ опредѣленность и ясность. Дѣвушка отвѣчала подкупающею взаимностью.

Что именно произойдетъ и когда — я не зналъ.

Но чувствовалъ, что обжегся на всю жизнь . . .

ГЛАВА СОРОКЪ ПЕРВАЯ.

Быль ясный майскій безтрепетный день.

Склонившись надъ грудю писемъ, я разбиралъ полученную корреспонденцію. Запрашивалъ Буэносъ-Айресъ. Александрія переводила, въ счетъ полученной партіи, крупный чекъ въ англійскихъ фунтахъ. Экстренный заказъ изъ Ліона, на четыре тысячи кило, занялъ, въ особенности, мое вниманіе:

— Какъ безконечно правъ мой патронъ, требуя отъ сотрудниковъ самостоятельныхъ и быстрыхъ рѣшеній! . . . Вотъ, хотя бы въ данномъ случаѣ! . . . Съ полной отвѣтственностью я принимаю на себя всѣ четыре тысячи кило, дѣлаю мгновенную справку и немедленно даю телеграфный отвѣтъ . . . Разъ, два — и готово! . . .

Я потянулся за бланкомъ.

Въ это мгновенье, словно лучъ ворвался въ открытое настежь окно, и знакомый голосъ окликнулъ:

— Прэнсъ Россиньоль!

Это — шутивая кличка, которою зоветъ меня Барбъ.

Я оторвался отъ корреспонденціи и экстренный заказъ изъ Ліона остался безъ разрѣшенія.

— Къ вашимъ услугамъ, мадемуазель?

Я вышелъ изъ комнаты и мы направились въ садъ . . .

Въ самомъ углу, гдѣ цѣдили пурпуръ красные маки, а черножелтыя орхидеи разносили свой чувственный ароматъ, рядомъ съ мраморнымъ памятникомъ, стояла скамейка. Фонтанъ пѣлъ нѣжный ноктюрьнъ.

Сквозь листву арековыхъ пальмъ и бамбука, сверкала поверхность небольшого пруда, съ желтыми лиліями, съ золотыми китайскими рыбками, съ розовыми фламинго, неподвижно стоявшими, въ своей обычной позѣ, на одной ногѣ.

Фламинго — что-то среднее между цаплей и чибисомъ. Но онъ не кричитъ, какъ послѣдній: „Чи вы? . . Чи вы? . .“ Русскій языкъ ему незнакомъ. Временами онъ болбочетъ совсѣмъ непонятное на китайскомъ нарѣчїи, а обыкновенно молчитъ.

Въ саду было тихо и жарко. Шумы города сюда совершенно не долетали и уголокъ этотъ, заросшій буйной растительностью, перевитый ліанами, напоминалъ настоящую джунглю, полную дикой поэзіи . . .

Послѣднее время Барбъ находилась подъ вліяніемъ романтическаго Мюссе. Я отдавалъ предпочтеніе утонченной и болѣзненно-острой символистикѣ Шарля Бодлера, выраженной такъ ярко въ его „Цвѣтахъ Зла“. Произведенія знаменитаго метра будили во мнѣ созвучныя струны и я декламировалъ ихъ съ исключительнымъ наслажденіемъ :

„О, вечеръ сладостный, всѣхъ преступленій другъ!
Таясь, онъ близится, какъ сообщникъ. Вокругъ,
Смыкаетъ тихо ночь и завѣсы и двери,
И люди, торопясь, становятся, какъ звѣри . . .“

Мы сидѣли рядомъ, такъ близко другъ къ другу, что черезъ ткань платья я чувствовалъ молодое, упругое тѣло сосѣдки.

Было томительно жарко. Въ клумбахъ пестрѣли цвѣты. Алая розы, черные и золотые тюльпаны, яркіе, красочные, горѣли на солнцѣ кровавыми каплями. Орхидеи разносили одуряющій запахъ. Въ прудѣ убаюкивающе журчала вода. Собаки, въ истомѣ, лежали у нашихъ ногъ, на травѣ.

Мы сидѣли часъ, можетъ быть, больше.

Кто считаетъ эти плѣнительныя минуты? Разговоръ нашъ неожиданно замолкалъ. Въ эти мгновенья, Медоръ приподымалъ свою тяжелую морду и глядѣлъ на насъ вопросительно.

Совершенно произвольно я взялъ дѣвушку за руку.

Ея головка, въ вѣнцѣ душистыхъ волосъ, скользнула по моему плечу. Наши губы встрѣтились и застыли.

— О, мой любимый!

Наступило продолжительное молчаніе.

Медоръ снова приподнялъ морду, оглядѣлъ насъ сочувственнымъ взоромъ и, съ большой деликатностью, отвернулся . . .

ГЛАВА СОРОКЪ ВТОРАЯ.

Подъ тропиками все происходитъ молніе-носно.

И любовная драма развивается здѣсь совершенно инымъ порядкомъ, нежели подъ другими широтами.

На шестой день знакомства мы обмѣнялись первымъ, взаимно сорваннымъ поцѣлуемъ.

На седьмой — Барбъ стала моей . . .

Я не буду передавать подробностей этого упоительнаго безумія.

Прежде всего потому, что не только я, но самый изысканный художникъ слова не отыщетъ на своей палитрѣ требуемыхъ красокъ. Ни одинъ музыкантъ, самый геніальный и пламенный, не воплотить въ звуки эту божественную симфонію! . .

Барбъ отдалась мнѣ безъ малѣйшаго сопротивленія, съ нѣжною и покорною лаской. Тутъ же, въ саду, подлѣ пруда, въ тотъ задумчивый часъ, когда дремлютъ высокія пальмы, а флейты цикадъ ведутъ за собой весь оркестръ тропической ночи.

Это была поэма, не имѣющая названія!

Эта ночь послужила началомъ для многихъ такихъ же ночей, то бурныхъ, то нѣжныхъ, то изступленно-страстныхъ, то наполненныхъ тихимъ очарованіемъ и безотчетною грустью.

Всѣ уголки огромнаго парка и номеръ „Первоклассной русской гостиницы“ на Бэбб-лингъ-Родѣ, задумчивый Садъ Мандариновъ, съ его идиллическимъ озеромъ, и конура чайнаго домика возлѣ городскихъ боенъ, наконецъ, храмъ Будды, на большой нанкинской дорогѣ — все это, такъ или иначе, служило алтаремъ для нашихъ самозабвенныхъ священнодѣйствій...

И все сильнѣй и сильнѣй овладѣвала нашимъ тѣломъ вѣчно несытая и неутолимая страсть. Мимолетно брошенный взглядъ за обѣдомъ зажигалъ кровь. Малѣйшее прикосновеніе будило желанія.

Это было обаяніе несказанной любви, съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, расцвѣтавшей новыми красками, пылавшей невиданными огнями! . .

Доводы разума исчезли безслѣдно.

Сознаніе преступности моего поведенія меня не тревожило. Я люблю и любимъ. Этого достаточно, чтобы оправдать всѣ мои дѣйствія :

„О, вечеръ сладостный, всѣхъ преступленій другъ!“

Однако, были минуты трезваго просвѣтленія, когда я отдавалъ себѣ отчетъ въ происшедшемъ. Въ этихъ случаяхъ, я предлагалъ Барбѣ закрѣпить нашу тайную связь официальнымъ бракомъ.

Къ крайнему изумленію, Барбѣ не считала это необходимымъ. Можетъ быть, именно въ тайнѣ, она находила особое очарованіе?

Все можетъ быть.

— Шери, не надо этого дѣлать! . . Я умоляю тебя, не надо! . . Потомъ, потомъ! . .

Она блѣднѣла и еще сильнѣе сжимала меня въ объятіяхъ . . .

ГЛАВА СОРОКЪ ТРЕТЬЯ.

У Шопенгауэра, въ его „Метафизикъ“, есть парадоксальныя мысли.

Въ его философской концепціи, любовь объясняется оригинальнымъ образомъ. Любовь — это не есть взаимное тяготѣніе двухъ индивидуумовъ, проистекающее, преимущественно, изъ побужденій эстетическаго свойства, взаимныхъ симпатій, общности вкусовъ и взглядовъ, созвучія двухъ родственныхъ душъ.

По его мнѣнію, эстетическое начало не имѣетъ здѣсь доминирующаго значенія. Иначе, какъ объяснить любовь и порою самую безумную страсть красавицы-женщины къ физическому и даже нравственному уроду, или наоборотъ?

Философъ предлагаетъ свое объясненіе, которое отводитъ главную роль таинственному физиологическому процессу. Тому процессу, который при одной встрѣчѣ двухъ взоровъ, совершенно случайныхъ, еще — незнакомыхъ другъ другу, пробуждаетъ въ душѣ стихійное чувство, вспыхивающее, какъ бурный огонь.

Источникомъ этого могучаго взаимнаго тяготѣнія, по мнѣнію философа, является „геній породы“, таящійся въ скрытомъ видѣ въ человѣческомъ организмѣ, властно подающій свой голосъ, требующій сліянія, для зарожденія

къ реальной жизни, въ самой гармонической завершенности.

Это философское толкованіе все чаще и чаще приходитъ мнѣ въ голову.

Нѣкоторые отрывки я цитирую на память:

„Любовь — неудержимый инстинктъ, могучее, стихійное влеченіе къ продолженію рода. Влюбленный не имѣетъ себѣ равнаго по безумію въ идеализаціи любимаго существа. А между тѣмъ, все это „военная хитрость“ генія рода, въ рукахъ котораго любовь является слѣпымъ орудіемъ и игрушкой“.

Или наприимѣръ:

„Наслажденіе не реально, положительно лишь страданіе“.

А вотъ еще:

„Женщина — главная виновница зла въ мірѣ. Ибо черезъ нее приходитъ постоянно новое и новсе утвержденіе воли къ жизни“.

Я не согласенъ съ нѣкоторыми выводами философа.

По моему мнѣнію, женщина — источникъ радости и добра.

Въ какую безотрадную и тоскливую пустыню превратился бы міръ, лишившійся вдругъ своихъ лучшихъ цвѣтовъ, въ лицѣ женщинъ?..

Я анализирую свое чувство.

Мѣсяцъ тому назадъ, при первой встрѣчѣ съ Барбѣ, въ то самое мгновенье, когда мой взоръ впервые остановился и потонулъ въ синей пучинѣ никогда невиданныхъ глазъ, я испыталъ странное ощущеніе:

— Это мой рокъ!

Такова была первая мысль, озарившая, какъ молнія, мой разсудокъ.

Да, это рокъ, могучій, неотвратимый!..

Нынѣ онъ овладѣлъ мною съ неслыханной силой... Онъ держитъ меня въ стихійномъ, цѣпкомъ и, одновременно, въ сладкомъ плѣну... И я чувствую, что не только эстетическое оча-

рованіе, но, дѣйствительно, нѣчто, еще болѣе властное, наполняетъ мое существо.

Въ этомъ отношеніи, философъ правъ.

Все забыто и все принесено въ жертву этому чувству.

Барбъ, моя чистая, непорочная Барбъ, мое единственное сокровище, которое принадлежитъ теперь мнѣ до послѣдняго атома души и тѣла!..

Въ ней воплощенъ для меня весь міръ!.. Въ ней весь смыслъ моего существованія!..

Могъ-ли я думать, что пройдетъ одинъ только день — и моя волшебная сказка будетъ разрушена до основанія?

Могъ-ли я, съ трагическою насмѣшкой, сознаться въ непогрѣшимости общаго вывода стараго философа-пессимиста:

— Женщина — это зло!

ГЛАВА Сорокъ Четвертая.

Двадцать четвертаго іюня — день моего Ангела.

Это было вчера.

Въ этотъ знаменательный день произошло событіе, которое, въ полномъ значеніи слова, должно быть названо роковымъ.

Другого названія ему нѣтъ . . .

Я человѣкъ уравновѣшенный, не склонный къ колебаніямъ, сомнѣніямъ и бесполезному сѣтованію. То, что произошло — не вернуть.

Я дѣлаю логическій выводъ и приступаю къ соотвѣтственному рѣшенію . . .

Итакъ, знаменательный день моего Ангела, уже съ утра, носилъ характеръ извѣстной торжественности.

Вмѣсто обычнаго завтрака былъ ранній обѣдъ.

Столъ утопалъ въ цвѣтахъ. Цвѣтами была декорирована вся терраса. Мосье Шабо появился въ щегольскомъ фракѣ съ бѣлымъ галстукомъ, съ розеткой Почетнаго Легіона. Эта награда была ему дарована за выдающіяся заслуги на почвѣ отечественной промышленности.

Барбъ была восхитительна.

Легкое бѣлое платьѣ, послѣдней парижской модели, окружало ея тоненькую фигурку облакомъ полупрозрачнаго газа. Въ мѣру вырѣ-

занный корсажъ придавалъ формамъ исключительное очарованіе. Пучокъ алой гвоздики, красочнымъ пятномъ, дополнялъ общій рисунокъ, выдержанный съ свойственнымъ вкусомъ.

Обѣдъ прошелъ оживленно и весело.

Когда подали въ серебряномъ ведрѣ замороженное шампанское и разлили вино по бокаламъ, мосье Этьенъ приподнялся и произнесъ тостъ :

— Милостивыя государыни и государи!

Онъ началъ съ этой официальной фразы, во множественномъ числѣ, не взирая на то, что за столомъ сидѣли только я и Барбъ.

— Фирма Шатобренъ и Шабо, мѣсяцъ тому назадъ, приобрѣла новаго члена семьи. За этотъ короткій промежутокъ времени, второй секретарь главной конторы вполне оправдалъ наше довѣріе, основной принципъ торговаго дома, благодаря которому послѣдній упрочилъ свое вліяніе на всемъ пространствѣ страны. Я буду кратокъ. Въ этотъ торжественный день, фирма Шатобренъ и Шабо уполномочиваетъ меня, главнаго директора и предсѣдателя правленія, выразить новому сочлену свои лучшія чувства. Прэнсъ Жанъ де Бектабековъ, отъ лица фирмы Шатобренъ и Шабо и отъ своего собственнаго, я пью за ваше здоровье!“

Барбъ захлопала въ ладоши. Мосье Этьенъ опорожнилъ бокалъ. Я, въ свою очередь, приподнялся и сказалъ нѣсколько простыхъ, но искреннихъ словъ.

За десертомъ меня ожидали подарки.

Патронъ поднесъ мнѣ роскошный бюваръ изъ крокодиловой кожи, съ серебряной датой и инициалами.

Барбъ, моя прелестная Барбъ, съ лукавой улыбкой, которая такъ шла къ ея разбурьявшемуся личику, подарила мнѣ золотой порт-

сигаръ съ двуглавымъ орломъ, исполненнымъ маленькими брилліантками:

— Мосье Жанъ, примите это на память!.. Это будетъ напоминать вамъ вашу прежнюю дорогую Россію!..

Потомъ засмѣялась и добавила:

— Прэнсъ Россиньоль, за это вы исполните мое желаніе!.. Са ира?

Я, въ свою очередь, разсмѣялся:

— Парфетманъ!.. Ваше желаніе, мадемуазель, для меня священно!..

ГЛАВА СОРОКЪ ПЯТАЯ.

Въ тотъ же вечеръ, улучивъ минуту, когда мы остались вдвоемъ, Барбъ подошла и сказала :

— Милый, ты придешь ко мнѣ !

Я улыбнулся, пытаюсь отговорить ее отъ этой сумасбродной затѣи, отъ этой странной фантазіи, которая неожиданно пришла въ ея маленькую головку.

Въ самомъ дѣлѣ, это было рискованное предпріятіе.

Рядомъ со спальнею Барбъ находилась спальня патрона. Мосье Этьенъ страдалъ, кромѣ того, постоянной бессонницей. Съ другой стороны была расположена комната старой Ли-Фу.

Мои уговоры были напрасны.

Это было ея желаніе. Это было то общаніе, которое она вырвала у меня послѣ торжественнаго обѣда. Барбъ обладала независимую натурой. Противорѣчія ее раздражали :

— Ты придешь ! . . Ты придешь непременно ! . . Я буду тебя ожидать ! . .

Я вынужденъ былъ покориться . . .

Въ Южномъ Китаѣ, какъ и во многихъ другихъ странахъ съ жаркимъ климатомъ, постройки носятъ особый характеръ. Домъ окаймленъ со всѣхъ сторонъ широкой терассой, образующей родъ каркаса. Это защищаетъ внутренніе покои отъ невыносимаго зноя.

Ровно въ полночь, въ условленный часъ, я вышелъ изъ своей комнаты въ садъ. При помощи лѣстницы я взобрался на верхній балконъ. Окно было отворено. Двѣ маленькія душистыя ручки обхватили меня за шею и привлекли къ себѣ. Черезъ минуту, я находился въ спальнѣ моей возлюбленной.

Барбъ улыбалась и шаловливо грозила мнѣ пальцемъ. Иногда, съ таинственнымъ видомъ, она прикладывала палецъ къ губамъ, прислушивалась къ звукамъ и кидала сдавленнымъ шопотомъ:

— Тсссъ! . . Тсссъ! . .

Въ одномъ углу, накрытая тонкимъ шелковымъ одѣяломъ, бѣлѣла кровать. Въ другомъ— стоялъ круглый низенькій столикъ, съ электрической лампочкой подъ розовымъ абажуромъ, съ свѣжими, недавно полученными иллюстрированными журналами, съ маленькимъ дымящимся чайникомъ, двумя фарфоровыми чашечками, съ хрустальною вазой, наполненной мангустанами и сладкимъ печеньемъ.

Тутъ же, примкнутая къ стѣнѣ, стояла низенькая китайская кушетка, алаго шелка, съ вышитымъ золотыми нитками дракономъ . . .

О, какъ ясно встаютъ въ сознаніи всѣ подробности этой роковой ночи, вся обстановка и всѣ детали, начиная съ лампочки подъ розовымъ абажуромъ, кончая „Пѣсней Билитисъ“, которою встрѣтила меня Барбъ!

Остановившись посреди комнаты, принявъ театральную позу, съ вытянутою по направленію ко мнѣ рукой, она стала тихонько импровизировать:

„У меня ихъ было четыре . . . Первый, каждый часъ дарилъ мнѣ подарки . . . Онъ даже продалъ свою мельницу, чтобы купить мнѣ запястье, которое звякало, когда я плясала . . . Но онъ былъ не тотъ, кого я любила! . . .“

„Второй написалъ въ мою честь тридцать элегій, дошедшихъ даже до Рима, въ которыхъ говорилось, что мои очи, какъ утреннія зори, а мои косы, какъ пологъ ночи . . . Но и онъ былъ не тотъ, кого я любила! . . .“

„Третій былъ такъ прекрасенъ, что его родная сестра удавилась собственной косою, изъ боязни въ него влюбиться . . . Онъ день и ночь стоялъ у порога и просилъ меня сказать одно слово: „приди!“... Но я молчала, потому что онъ былъ тоже не тотъ, кого я любила! . . .“

„Ты же не былъ красивъ, ты не говорилъ мнѣ про очи и про зори . . . Но когда на праздникъ Адониса я бросила тебѣ въ лицо гвоздику, ты остался равнодушенъ . . . Ты былъ тотъ, кого я любила!..“

Барбъ обвила мою шею и прижалась къ губамъ своимъ особымъ, затемняющимъ мозгъ, поцѣлуемъ:

— Милый! . . . Любимый! . . .

Я улыбнулся . . . Кровь кинулась въ голову и, въ свою очередь, я прижалъ Барбъ къ себѣ.

Я скинулъ съ нея капоть—этотъ костюмъ, созданный спеціально для грѣхонаденія, и посадилъ на колѣни.

Снялъ маленькія золоченныя туфельки. Потомъ, отстегнувъ подвязки, стянулъ дрожащими пальцами тоненькіе тѣлеснаго цвѣта чулки.

Когда она осталась въ одной сорочкѣ, быстрымъ движеніемъ сбросилъ тесемки съ плечъ.

Въ слѣдующее мгновеніе, сидя на той же кушеткѣ, вышитой золотымъ шелкомъ, я сжималъ Барбъ въ объятіяхъ, совсѣмъ обнаженною, готовый потерять сознаніе отъ аромата женскаго тѣла, отъ душистыхъ волосъ, отъ kloko-чушей страсти . . .

— О, мой возлюбленный!.. Бери меня!..

Дверь неожиданно распахнулась.

На порогѣ стоялъ патронъ, мосье Этьенъ Шабо . . .

ГЛАВА Сорокъ шестая.

Всю ночь я не спалъ, обдумывая на всѣ лады создавшееся положеніе.

Я проклиналъ свою слабость, свою неосторожность, свое преступное легкомысліе . . . Какъ можно было быть такимъ опрометчивымъ! . . . Зачѣмъ, съ такой неоправдываемой легкостью, я подчинился капризу Барбъ! . . .

— „Довѣріе, довѣріе и довѣріе — вотъ мой священный принципъ!“

Эта фраза господина Этьена сверлила мой мозгъ, какъ желѣзо . . . Нечего сказать — довѣріе! . . .

Я сгоралъ отъ стыда и не представлялъ себѣ, какъ покажусь теперь на глаза моему благодѣтелю? . . . Что я скажу въ свое оправданіе? . . . Какими мѣрами искуплю преступленіе? . . .

На мгновеніе мелькнула мысль скрыться.

Тихо, безшумно выйти на улицу и, черезъ минуту, безслѣдно раствориться въ толпѣ.

Но эта малодушная мысль исчезла такъ же быстро, какъ родилась.

— Я встрѣчу опасность лицомъ къ лицу!.. Я не унижусь до бѣгства! . . . Лейтенантъ Бектабековъ, потрудитесь держать отвѣтъ! . . .

Съ другой стороны, если стать въ роль собственнаго защитника, развѣ, въ этомъ случаѣ,

нельзя отыскать смягчающих вину обстоятельств? Они несомненно имѣются и въ количествахъ болѣе чѣмъ достаточномъ.

Во первыхъ, я люблю Барбъ.

Люблю горячо, искренно, до самозабвенія, готовый хоть сейчасъ связать себя съ нею на всю жизнь.

Во вторыхъ я люблю и, смѣю думать, такъ же сильно и глубоко. Это чувство меня не обманываетъ. Я вижу его и осязаю въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ словѣ, въ каждой ласкѣ моей возлюбленной . . .

Настала пора обнаружить тайну нашей любви.

Рано или поздно она была бы обнаружена. Можетъ быть, все даже вышло къ лучшему?

Я люблю и люблю.

Господинъ Этьенъ оказываетъ мнѣ знаки отцовскаго благоволенія.

По отношенію къ нему я испытываю чувства глубокой преданности и благодарности.

Ничего не можетъ быть логичнѣй и проще, какъ, не откладывая дѣла ни на одинъ день, ни на одинъ часъ, попросить официальнымъ образомъ руки его дочери. Я буду примѣрнымъ зятемъ и, можно-ли сомнѣваться, сдѣлаю счастливою Барбъ.

Вотъ единственный и самый разумный выходъ.

Наконецъ, не содѣйствовалъ-ли самъ господинъ Этьенъ нашему сближенію? Не поощрялъ-ли онъ самъ наши прогулки, наши поѣздки, наши продолжительныя бесѣды наединѣ?

Пусть все основано на довѣріи, какъ постоянно выражается мой патронъ, но не слѣдовало закрывать глаза на то искушеніе, ко-

торому подвергается молодой человекъ въ обществѣ очаровательной дѣвушки.

Любовь слѣпа и не признаетъ ни доводовъ разума, ни требованій закона и долга.

Все это звучало, по моему мнѣнію, вѣско и убѣдительно.

Но долженъ сознаться, когда черезъ часъ я постучался въ кабинетъ господина Шабо, сердце мое учащенно билось.

Въ эту минуту, я готовъ былъ провалиться сквозь землю . . .

ГЛАВА СОРОКЪ СЕДЬМАЯ.

Мосье Этьень чувствовалъ себя нездоровымъ и не поѣхалъ, какъ обычно, въ контору.

Въ длинномъ шелковомъ халатѣ, цвѣта майской зелени, онъ сидѣлъ за своимъ большимъ письменнымъ столомъ и писалъ.

— Э бьень, монъ ами! . . . Какія новости?

Онъ произнесъ эту фразу своимъ обычнымъ спокойнымъ голосомъ и, къ моему изумленію, встрѣтилъ меня самой привѣтливою улыбкой. Затѣмъ, какъ обычно, предложивъ сѣсть, протянулъ ящикъ съ сигарами, тѣми чудесными „Флора дель Амазонасъ Филось“, которыми былъ вправѣ гордиться.

Но на этотъ разъ я отказался и продолжалъ стоять.

Я ожидалъ бурнаго объясненія, тяжелыхъ, презрительныхъ словъ, знаковъ негодованія.

Ничего этого не было.

Патронъ продолжалъ скрипѣть перомъ по бумагѣ, время отъ времени затягиваясь сигарой и выпуская клубъ душистаго дыма. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ бросалъ какія-то фразы о колебаніи цѣнъ на шелкъ-сырецъ, о страховкѣ прибивающей партіи, о предстоящемъ засѣданіи акціонеровъ.

— Фирма Шатобренъ и Шабо не можетъ оставаться безучастной къ дальнѣйшему сни-

женію цѣнъ! . . Необходимо принять мѣры!.. Ближайшее засѣданіе выяснитъ этотъ вопросъ! . .

Я продолжалъ недоумѣвать.

Что это — шутка, вызовъ или, можетъ быть, маскировка истинныхъ чувствъ, за которыми кроется строго обдуманное намѣреніе?

— Мѣры должны быть приняты въ срочномъ порядкѣ! — продолжалъ мосье Шабо. Дивидендъ можетъ упасть ниже нормы!.. Это недопустимо! . . Дефицитъ можетъ оказаться болѣе значительнымъ, нежели показанъ въ полугодичномъ балансѣ!

— Въ самомъ дѣлѣ, дефицитъ можетъ оказаться значительнымъ! — мелькнуло въ умѣ показавшееся мнѣ подходящимъ сравненіе.

Поведеніе патрона было невыносимо.

О, какъ я ожидалъ отъ него въ эту минуту хотя бы малѣйшаго признака негодованія, раздраженія, гнѣва! . .

Но патронъ продолжалъ тѣмъ же спокойнымъ тономъ :

— Фирма Шатобренъ и Шабо найдетъ выходъ изъ положенія! . . Кредитъ не будетъ нарушенъ! . . Въ крайнемъ случаѣ, въ случаѣ продолженія гражданской войны, фирма будетъ принуждена объявить мораторій!..

Собравшись съ духомъ, я рѣшилъ дѣйствовать самъ.

— Прошу извиненія, господинъ Шабо! . . Я прибылъ къ вамъ по другому, болѣе важному дѣлу!

Патронъ, съ удивленіемъ, взглянулъ на меня сквозь очки:

— Болѣе важному дѣлу? . . Но, мой другъ, нѣтъ ничего болѣе важнаго, нежели сведеніе

баланса съ активомъ Они хотятъ насъ убить конкуренціей! . . Хе-хе-хе-хе! . . На-дѣюсь, мой другъ, мы выдержимъ этотъ ударъ?.. Впрочемъ, я слушаю!

И отложивъ въ сторону автоматическое перо, господинъ Шабо откинулся на спинку кресла и затянулся сигарой . . .

ГЛАВА СОРОКЪ ВОСЬМАЯ.

Я началъ такъ :

— Мосье Шабо! . . . То, что случилось вчера, не должно внушать вамъ никакихъ опасеній . . . Клянусь вамъ своею честью! . . . Я человѣкъ откровенный! . . . Я люблю вашу дочь . . . Мадемуазель Барбъ любитъ меня . . . Я прошу официально ея руки! . .

И я замолчалъ, остановивъ взоръ на кусокѣ пепла, упавшаго съ сигары на пестрый китайскій коверъ.

Я молчалъ, ожидая, въ полномъ самообладаніи, рѣшенія своей участи. Я не сомнѣвался въ благопріятномъ исходѣ дѣла, отъ котораго зависѣло счастье всей моей жизни. Но я испытывалъ все же нѣкоторое смущеніе. Поведеніе патрона изумляло меня въ необычайной степени.

А сердце мое билось, словно подстрѣленная птица. Точь въ точь, какъ тогда, въ золотые дни дѣтства, когда съ ружьемъ въ рукѣ, съ рыжимъ Ральфомъ, застывшимъ на стойкѣ, я ожидалъ взлета кряковыхъ утокъ. Или когда, много позднѣе, во славу міровой революціи, поджигалъ красную китайскую джонку:

— Тукъ-тукъ-тукъ-тукъ! . .

Знакомый смѣшокъ заставилъ поднять глаза.

Патронъ тихо смѣялся, закутавшись въ облакъ дыма. Потомъ замолкъ, побарабанилъ пальцами по столу и, глядя куда-то въ сторону, медленно произнесъ :

— Мосье Жанъ, къ сожалѣнію это невозможно !

Его отвѣтъ былъ для меня неожиданъ.

На минуту онъ повергъ меня въ оцѣпенѣніе.

Но самообладаніе меня не покинуло. Съ удвоенной силой, приливъ которой я ощущалъ при каждомъ препятствіи, съ настойчивостью, которая неоднократно выручала меня изъ совершенно, казалось, безвыходныхъ положеній, я обрушился на господина Этьена.

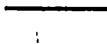
Смущеніе мое пропало.

Образъ любимой Барбъ, ея горячее, трепещущее подъ моими ласками тѣло, ея туманящіе сознаніе поцѣлуи, придали моимъ словамъ необычайную мощь :

— Господинъ Шабо, съ этимъ не шутятъ! . . Я повторяю вамъ, что люблю мадемуазель Барбъ! . . Фактически я уже ея мужъ! . . Я люблю и любимъ! . . И вѣрьте, что никакая сила не разлучитъ меня съ ней . . .

Патронъ спокойно выслушалъ мои слова, выпустилъ дымъ, снова побарабанилъ пальцами и медленно, съ разстановкой, сказалъ :

— Шеръ ами! . . Къ сожалѣнію, это все-таки невозможно! . . Увы! . . Невозможно по той причинѣ, что Барбъ — моя жена! . .

ГЛАВА СОРОКЪ ДЕВЯТАЯ.

Ядро съ крейсера перваго ранга „Аврора“, ударившее въ Зимній дворецъ, не произвело на Россію того впечатлѣнія, какое произвели на меня слова господина Шабо.

Что я слышу?

Барбъ—жена господина Шабо?..

Моя любовь, моя благоуханная Барбъ, дѣвушка съ синими глазами—жена этого дряхлаго старика?..

Это недопустимое предположеніе!..

Это кошунство!..

Старикъ спятилъ съ ума или же я лишился разсудка, заболѣлъ горячечнымъ бредомъ, можетъ быть—умеръ?..

Но—„*cogito ergo sum*“... На чердакъ у меня, кажется, все въ порядкѣ... Если старикъ не сошелъ съ ума, я потребую немедленно разъясненій!.. Слышите, господинъ Шабо?

Неожиданная слабость въ ногахъ заставила меня пошатнуться.

Я упалъ въ кресло и закрылъ лицо руками. Молчаніе казалось мнѣ безконечнымъ.

И потемнѣло все, какъ темнѣетъ степь передъ бурей...

— Прэнсъ Бектабековъ!—раздались въ тишинѣ слова, отдававшіяся въ моей душѣ похороннымъ звономъ.—Вы посвятили меня въ

исторію своей жизни... Вы, съ благороднымъ достоинствомъ, которое дѣлаетъ вамъ честь, признались мнѣ въ любви къ Барбѣ... Настало время посвятить васъ, въ свою очередь, въ взаимоотношенія, которыя повидимому, представлялись вамъ до сихъ поръ въ ненадлежащемъ свѣтѣ... Отнынѣ все будетъ вамъ ясно, мой милый другъ...

Я продолжалъ лежать въ креслѣ, съ закрытымъ руками лицомъ, убитый, раздавленный страшнымъ признаніемъ, полный стыда и неописуемаго смущенія, не смѣя открыть своихъ глазъ, не будучи въ состояніи разобратъся во всемъ происшедшемъ.

— Барбѣ—жена господина Шабо!..

Барбѣ, дарившая меня пылкими ласками въ теченіи цѣлаго мѣсяца!..

Барбѣ—мое единственное сокровище на этой трижды грѣшной землѣ!..

Но почему она мнѣ отвѣтила такой бурной взаимностью?.. Почему ввела въ заблужденіе?.. Почему не призналась мнѣ сразу въ этой неимѣющей названія драмѣ?..

Почему, почему?..

Да, теперь я начинаю понимать смыслъ ея словъ:

— Шери, не надо этого дѣлать!.. Я умоляю тебя, не надо!.. Потомъ, потомъ!..

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ.

— Итакъ, я посвящу васъ во всѣ обстоятельства дѣла! началъ разсказъ господинъ Шабо, тѣмъ самымъ тономъ, которымъ дѣлалъ обычно докладъ на собраніяхъ акціонеровъ.

— Многое вамъ извѣстно и мнѣ придется лишь приподнять завѣсу надъ кое-какими деталями.

— Мосье Жанъ, слушайте же внимательно... Старикъ откашлялся.

— Мой уважаемый компаньонъ, господинъ Вивьенъ-Поль-Мари де Шатобренъ, скончался какъ вамъ извѣстно, десять лѣтъ тому назадъ. Его дочь Барбъ—она его дочь—которой къ тому времени исполнилось четырнадцать лѣтъ, продолжала получать воспитаніе въ Сентъ-Антуанскомъ колледжѣ, подъ руководствомъ достопочтенной сестры Вероники.

Согласно завѣщанія, я сталъ опекуномъ бѣдной сиротки.

Я опекалъ ее съ отеческою нѣжностью, перенесъ на нее всю любовь, все вниманіе, всѣ заботы стараго холостяка, всегда отличавшагося пристрастіемъ къ дѣтямъ. Окончивъ колледжъ, Барбъ поселилась со мной. Я окружилъ ее отеческою лаской. Она отвѣчала мнѣ тѣмъ же. Ея судьба стала моей судьбой.

Такъ текли дни.

Вы не могли не замѣтить, что при всѣхъ своихъ 'физическихъ' совершенствахъ, Барбъ обладаетъ нѣжнымъ и деликатнымъ характеромъ? Это была удивительная дѣвочка—херувимъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

Но представьте себѣ, былъ въ ея жизни такой періодъ, когда Барбъ стала неузнаваемой.

Появилась безпричинная грусть, раздражительность, непонятная нервность. Барбъ стала вызывающа и дерзка. Звучавшій такъ радостно смѣхъ чередовался съ внезапными слезами. Припадокъ бурной веселости смѣнялся вспышками экзальтированного гнѣва. Я не отдавалъ себѣ отчета въ этой непонятной для меня перемѣнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что мы понимаемъ, мужчины, въ духовной структурѣ женщины?..

Компаньонка, миссъ Офелія Гиббсъ, религіозная и вполне порядочная особа, ознакомила Барбъ съ Библіей и писаніями святыхъ отцовъ. Мѣры нравственнаго удовлетворенія не принесли должнаго результата. Бѣдная дѣвочка продолжала худѣть. Личико ея вытянулось и поблѣднѣло. Ея фигурка приобрѣла угловатость.

Тогда, обезпокоенный здоровьемъ Барбъ, я обратился къ врачамъ.

— Сколько лѣтъ вашей дѣвочкѣ?

Таковъ былъ первый вопросъ извѣстнаго діагноста, профессора мистера Аткинсона, спеціалиста по нервнымъ и внутреннимъ заболѣваніямъ.

— Двадцать два!

Профессоръ задумался. Послѣ нѣкотораго молчанія произнесъ:

— Наблюдается-ли влеченіе къ цвѣтамъ, къ поэзіи, къ уединеннымъ прогулкамъ?

— Сэ са... Очень большое!

Профессоръ задумался снова. Онъ выразилъ желаніе поставить діагнозъ лично.

На другой день, въ присутствіи миссъ Гиббсъ, изслѣдовалъ Барбъ во всѣхъ отношеніяхъ. Черезъ полчаса, постучался ко мнѣ въ кабинетъ:

— Ничего серьезнаго, мистеръ Шабол.. Могу васъ успокоить... Легкое малокровіе и незначительное нарушеніе обмѣна веществъ... То, что на нашемъ спеціальному языкѣ обозначается терминомъ — „*Oligaemia juvenalis*“...

Дѣвушкѣ необходимъ усиленный моціонъ... Для укрѣпленія нервной системы я остановился на мышьяковистыхъ соединеніяхъ и лепешкахъ двууглекислаго желѣза... Въ крайнемъ случаѣ, можно еще примѣнить тинктуру іода, въ отношеніи 4:100... А самое главное...

И профессоръ наклонился къ моему уху.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЕРВАЯ.

— То, что онъ передалъ мнѣ, столь таинственнымъ образомъ, вначалѣ меня изумило. Я подѣлился бесѣдой съ миссъ Гиббсъ.

Компаньонка, послѣ нѣкотораго раздумья, нашла это въ порядкѣ вещей.

Три дня и три ночи я находился подѣ впечатлѣніемъ этого разговора. Я заперся въ кабинетѣ и пришелъ, наконецъ, къ опредѣленному выводу.

Въ самомъ дѣлѣ, я совершенно упустилъ изъ виду, что Барбъ уже не дѣвочка... Ей исполнилось двадцать два года... Въ этомъ возрастѣ уже многія дѣвушки выходятъ замужъ... Ей нуженъ мужъ... Такова природа вещей... Вотъ истинная причина недомоганія...

На минуту патронъ замолчалъ.

— Ахъ, мосье Жанъ!.. Вы не представляете себѣ, какія мысли боролись въ моей головѣ... Что я не предпринималъ, чтобы должнымъ образомъ разрѣшить эту проблему... Могу васъ завѣрить, что это не такъ просто...

Мышьяковистыя соединенія, желѣзо и тинктура іода всегда имѣются подѣ рукой, въ любой аптекѣ...

Но мужъ, хорошій, вѣрный, преданный мужъ — это совсѣмъ другое дѣло!.. Возьмите — шелкъ-сырецъ?

— Я отыщу вамъ его въ самомъ удаленномъ концѣ Китая, первосортный образецъ, „экстра“, въ всякихъ сравненій и конкуренціи...

Отыскать мужа не такъ легко.

Къ тому же, мысль разстаться съ Барбъ, съ моею пріемною дочерью, съ моею крошкой, была для меня непереносима . . .

Наконецъ, чтобы быть вполне откровеннымъ, признаюсь вамъ, что расширение дѣла, расширение торговаго дома Шатобренъ и Шабо, требовало сліянія капиталовъ . . . Это было необходимо . . . Вы меня понимаете?

И вотъ . . .

Осторожно и деликатно, дѣйствуя медленными шагами, согласуя свой планъ съ натурою молодой дѣвушки, я подготовилъ ее къ одной мысли.

Ей двадцать два года. *

Мнѣ — шестьдесятъ шесть.

Разница, если можно такъ выразиться, значительная.

Но я свѣжъ, крѣпокъ, здоровъ. Съ юношескихъ лѣтъ я вѣлъ нормальный образъ жизни. Я никогда не имѣлъ влеченія ни къ спиртнымъ напиткамъ, ни къ азартной игрѣ, ни къ легкомысленнымъ развлеченіямъ. Женщины для меня абсолютно не существовали. Работа и трудъ, работа и трудъ — моя единственная страсть, если не считать хорошей ароматной гаванны . . .

Мосье Шабо замолчалъ и на минуту погрузился въ размышленія.

— Такимъ образомъ, я самъ, въ концѣ концовъ, пришелъ къ заключенію, что лучшаго разрѣшенія сложной проблемы мнѣ не найти.

Мнѣ не стоило большихъ усилій убѣдить Барбъ. Она дѣвушка разумная, спокойная, уравновѣшенная. Я склонилъ ее къ мысли стать

моею женой, нарисовалъ ей планъ нашей будущей жизни, и она согласилась.

Сначала расплакалась, потомъ успокоилась и черезъ мѣсяцъ мы обвѣнчались...

— Ахъ, мосье Жанъ!.. Это была ошибка!.. Это была непростительная ошибка!..

Господинъ Шабо взглянулъ на меня страдальческимъ взоромъ, грустно поникъ головой и добавилъ:

— Я переоцѣнилъ свои силы!

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ ВТОРАЯ.

Господинъ Шабо приподнялся, прошелся по комнатѣ и остановился у открытаго окна.

Солнце заливало кабинетъ буйнымъ свѣтомъ.

Высокія пальмы вздымались къ небу широколопастными верхушками. Въ саду летали и перекликались синія птицы. Струился упругій запахъ.

— Мой милый другъ! произнесъ со вздохомъ господинъ Шабо.— Это признаніе меня разстроило... Я чувствую необходимость освѣжиться...

Онъ запахнулъ плотнѣе халатъ, шаркая туфлями подошелъ ко мнѣ, взялъ подъ руку и мы вышли въ садъ.

Въ саду было пустынно и тихо.

Золотые лучи прорѣзали густую листву деревьевъ. Бархатъ стриженной зелени ласкалъ взоръ. Отъ травы подымался едва замѣтный паръ. Сверкая изумрудами и рубинами, переливалась вода въ прудѣ, покрытомъ мягкимъ ковромъ зеленой плѣсени. Лѣнливо дремали листья водяныхъ лилій. Пахло тиной и одуряющимъ ароматомъ цвѣтовъ. Ихъ полуоткрытыя чаши, словно половые женскіе органы, ненасытные, чувственные, жадно тянулись къ солнцу. Изрѣдка выглянетъ изъ воды золотая китайская рыбка, вильнетъ хво-

стомъ и пестрыми плавниками и тотчасъ скроется въ темную бездну...

Усѣвшись на скамѣ, подлѣ памятника, мы долго молчали, погруженные въ размышленія. Не знаю, о чемъ думалъ старикъ. Я же не могъ еще прійти въ себя отъ этой чудовищной исповѣди.

Мысли мои порхали по всѣмъ направленіямъ.

Алочка, товарищъ Малашкинъ, полковникъ Ростиславъ Лебединцевъ—пронеслись, на мгновенье, въ возбужденномъ мозгу. Какъ видѣнія, они выплывали изъ сѣраго, дымчатаго тумана и протягивали ко мнѣ свои руки.

Они звали меня къ себѣ:

— Приди!.. Приди!

Потомъ, почему-то припомнилась юность, родной городъ на Камѣ, Дворянская улица... Варенька въ темномъ передничкѣ, свѣжее, полное, улыбающееся мнѣ личико... Я сижу съ Варенькой въ Скарятинскомъ скверѣ, у самаго обрыва, съ видомъ на рѣку и сизыя дали... Ложится закатъ тихій, мягкій, душистый. На осинѣ сидитъ зинзивирь... Въ кустахъ сирени гомозятся сонные воробьи... Слышится робкое цоканье—чвикъ-чвикъ-чвикъ...

Это поетъ соловей...

Потомъ, въ одно мгновенье, сдѣлавъ тысячу верстъ въ сѣверо-западномъ направленіи, я очутился на Адмиралтейской набережной столицы.

Та же весна и тотъ же вечерній закатъ... Нева медленно катитъ величественныя воды... Въ лиловой дымкѣ тонетъ мраморъ дворцовъ... По Набережной мчатся коляски, съ нарядными женщинами, съ офицерами въ гвардейскихъ фуражкахъ... Одинъ за другимъ летятъ экипажи на Стрѣлку и четко разносятся стуки ко-

пытъ по торцамъ... А надъ городомъ виситъ дымное марево, гдѣ-то блеснули первые огоньки, въ воздухѣ дрожитъ густой бархатный рокоть:

— Бомммъ-бомммъ-бомммъ!..

Это у Исаакія звонять къ вечернѣ...

Потомъ, въ сознаніи встала яхта „Штандартъ“, лѣтняя прогулка въ финскія шхеры съ царской семьей...

— Лейтенантъ князь Бектабековъ къ его величеству! кричитъ вахтенный.

Царь, въ бѣлой морской формѣ, съ владимирскимъ крестикомъ въ петлицѣ, загорѣвшій, довольный, съ рыжеватыми, выщѣтшими на солнцѣ усами, стоитъ у трапа и курить:

— Бектабековъ, сегодня вы играете съ Ольгой!.. Мы съ Таней должны взять у васъ реваншъ!.. Не можетъ царь вѣчно проигрывать лейтенанту!.. А сервируете вы удивительно!.. Рѣдкій ударъ!.. Блестящій ударъ!..

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ ТРЕТья.

— Этотъ ударъ не долженъ васъ огорчать! — говоритъ господинъ Этьенъ Шабо.

Я очнулся.

— Тѣмъ болѣе, что все остается по старому . . . Клянусь вамъ! . .

Я вскочилъ со скамьи, не будучи въ состояніи справиться съ своими чувствами.

Радость и горечь, злоба, негодованіе, вспыхнувшая съ новой силой надежда — все завертѣлось въ бѣшенномъ калейдоскопѣ.

— Барбъ! . . Я не покину тебя! . . Тѣ же ласки, та же страсть, та же любовь, но только съ удвоенной силой, будутъ принадлежать тебѣ по прежнему! . . Но какъ могла ты заключить этотъ кощунственный и дикій союзъ? . . Юность, невѣдѣніе затуманили твою маленькую головку . . . Нѣтъ, я не обвиняю тебя! . . Видитъ Богъ, я прощаю тебѣ твое невольное заблужденіе! . . Не бо врагомъ твоимъ тайну повѣмъ, ни лобзанія ти дамъ яко Іуда... Да, да... Но я не нахожу оправданій этому старику, покусившемуся на твою благоуханную дѣвственность . . . Проклятіе на его голову! . . Проклятіе! . . Проклятіе! . . Проклятіе! . .

Мной овладѣло непередаваемое волненіе. Я задыхался отъ злобы. Кулаки мои непроизвольно сжимались . . .

Старикъ, между тѣмъ, оставался спокойнымъ.

Легкая, чуть замѣтная иронія змѣилась на тонкихъ губахъ.

— Садитесь, монъ прэнсъ, и выслушайте мои слова! — сказалъ патронъ.

Я подчинился и сѣлъ.

— Ваши отношенія къ Барбъ для меня не составляютъ секрета! — произнесъ старикъ. — Я это уже давно подозрѣвалъ . . . Вчера я пожелалъ убѣдиться . . . Все это въ порядкѣ вещей и меня искренно радуетъ . . . На этотъ разъ я, кажется, не ошибся въ выборѣ . . . Барбъ несомнѣнно счастлива . . . Все будетъ оставаться по старому до тѣхъ поръ . . .

Старикъ неожиданно оборвалъ рѣчь и замолкъ.

Наступило продолжительное молчаніе. Въ прудѣ тихо урчала вода. Два фламинго, бѣлые съ розовыми крыльями, поднялись надъ прудомъ, прокричали незнакомую китайскую фразу и опустились на противоположномъ концѣ.

„О, не буди гіены подозрѣнья,
Мышей тоски“ . . .

Старикъ обернулъ ко мнѣ голову и, отчеканивая каждое слово, добавилъ подавленнымъ голосомъ:

— Все будетъ оставаться по старому! . . До тѣхъ поръ . . . До тѣхъ поръ, пока она не поступитъ съ вами такъ же, какъ поступила съ другими!

— Что вы хотите этимъ сказать . . .

Но вмѣсто отвѣта, старикъ схватилъ меня за руку и быстрыми шагами направился къ дому . . .

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

— Я долженъ быть вполнѣ откровеннымъ! сказалъ мосье Этьенъ, снова занявъ мѣсто въ своемъ вольтеровскомъ креслѣ и указавъ мнѣ рукой на другое:

— Никакихъ недомолвокъ! . . . Никакихъ тайнъ между близкими! . . . Соберитесь съ силами и выслушайте все до конца! . . . Вы — мужчина! . . . Вы — бывший военный! . . . Вы — человѣкъ сильный! . . . Ничто не должно поколебать вашего мужества! . . .

Сдѣлавъ такое предупрежденіе, мосье Шабо открылъ ящикъ письменнаго стола и вынулъ толстую папку въ красномъ сафьяновомъ переплетѣ.

— Здѣсь вся наша фамилія! произнесъ онъ, ударивъ ладонью по крышкѣ. — Впрочемъ, я выразился не вполнѣ точно . . . Здѣсь тринадцать самыхъ разнообразныхъ фамилій, въ томъ числѣ считая, конечно, и мою . . . Я веду точный реестръ . . . Имя, нація, возрастъ, социальное положеніе, дата смерти и другія подробности занесены самымъ тщательнымъ образомъ . . . Я открываю № 5 и читаю . . .

Съ этими словами, мосье Шабо открылъ папку и прочиталъ:

— Донъ Педро Гонзалецъ де Лось Анжелось. Орижинъ мексикенъ. Венъ-труа. Артистъ

де синема . . . Это былъ удивительный человекъ! . . . Наше прощаніе носило драматическій характеръ! . . . Бѣдняга покончилъ съ собой, въ припадкѣ безумія! . . .

— № 9. Мосье Максъ Перламутръ. Орижинъ эспаньоль. Венъ-сенкъ. Фармасьень . . . Отравился ціанистымъ кали! . . .

— № 3. Мистеръ Чарльзъ Макъ-Клинтокъ. Орижинъ англезъ. Трантъ. Журналистъ-редактёръ „Дейли Ньюсъ“ . . . Талантъ, подававшій большія надежды . . . Застрѣлился разрывной пулей изъ штуцера! . . .

Я продолжалъ стоять въ недоумѣніи.

Я ничего не понималъ.

Перелистывая альбомъ, мосье Шабо продолжалъ:

— № 10. Синьоръ Винченцо Абрикотини. Орижинъ итальяень. Венъ-катръ. Дансеръ. Деликатный и милый мальчикъ! . . . Мнѣ его искренно жаль! . . . Бросился подъ экспрессы!..

— № 6. Мосье Моггамедъ бенъ Оглы. Орижинъ тюркъ. Венъ-сетъ. Чемпіонъ де ля люттъ греко-ромэнь . . . Человекъ мало интеллигентный, но богато одаренный въ физическомъ отношеніи . . . Зарѣзался бритвой!..

— № 12. Мосье Альфонсъ Шумахеръ. Орижинъ аллеманъ. Венъ-юитъ. Маршанъ . . . Вашъ неудачный предшественникъ . . . Смерть послѣдовала отъ удушенія свѣтильнымъ газомъ...

— Вотъ, наконецъ, № 13, если вамъ угодно взглянуть . . .

Мосье Шабо протянулъ папку и я прочиталъ:

— „Прэнсъ Жанъ-Жакъ де Бектабековъ. Орижинъ руссъ. Трантъ-труа. Льетенанъ де маринъ де ля гардъ эмперьаль.“

Сбоку была наклеена моя фотографическая карточка . . .

Смутное подозрѣніе зашевелилось въ мозгу.
Нѣтъ, это невѣроятно, это недопустимо,
это чудовищно! . .

— Вы лжете! крикнулъ я, сдерживая бѣшенство.

— Документы не лгутъ! спокойно возразилъ мосье Шабо, захлопывая альбомъ.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЯТАЯ.

Выдержавъ паузу, мосье Шабо продолжалъ:

— Я постараюсь обойти эту деликатную тему . . . Я вижу, она васъ волнуетъ . . . Я сознательно опушу рядъ деталей и останавливаю ваше вниманіе на главнѣйшемъ . . . Сэ са! . .

Я молчалъ, не отдавая себѣ отчета.

Временами казалось, что это былъ сонъ. Дикій, невѣроятный кошмаръ, который бываетъ послѣ разгульной ночи или во время тяжелой болѣзни.

Но это не сонъ.

Это была дѣйствительность, какъ дѣйствителенъ былъ этотъ яркій и знойный, глядѣвшій въ окно, іюньскій день, кабинетъ темнаго дуба, глубокое кресло, въ которомъ сидѣлъ патронъ.

Какъ дѣйствителенъ былъ онъ самъ, этотъ странный старикъ съ мохнатыми сѣдыми бровями, съ морщинами на безкровномъ лицѣ, съ скептической улыбкой на тонкихъ бритыхъ губахъ:

— Боже мой! . . . Что же это такое? . .

Слова мосье Шабо вывели меня изъ задумчивости:

— Итакъ, послѣ такъ называемаго медоваго мѣсяца, который мы провели въ Гонолулу, на божественномъ пляжѣ Вайкики, я почувствовалъ, что сдѣлалъ роковую ошибку . . .

— Ахъ, мосье Жанъ, молодой, милый, безцѣнный другъ! . . . Шестъдесять шесть лѣтъ, при самой цѣломудренной жизни, не возвращаютъ пыла утраченной юности . . . Моей спутницѣ— двадцать два года . . . Она молода, свѣжа, въ полномъ расцвѣтѣ силъ . . . Все ее живо интересуеть . . . Ко всему она относится съ импульсивностью своей юной кипучей натуры... Это начинаетъ меня утомлять . . . Вдобавокъ, къ своему ужасу, я обнаружилъ у Барбъ темпераментъ . . .

Это несомнѣнно наслѣдственное . . . Покойный компаньонъ, мосье Вивьенъ-Поль-Мари де Шатобренъ, погибъ преждевременно отъ излишествъ . . . И да будетъ вамъ извѣстно, былъ женатъ третьимъ бракомъ на китаянкѣ . . .

— Вы несомнѣнно обнаружили этотъ расовый признакъ у Барбъ?

Маленькая раскосость вѣкъ, придающая ей такое очарованіе и пикантность . . . Матовый цвѣтъ лица . . . Какъ стебелекъ лотоса, тоненькая фигурка . . . И темпераментъ, совершенно несоотвѣтствующій внѣшности . . .

— Что происходитъ дальше?

Барбъ таетъ на моихъ глазахъ . . . Съ ней происходитъ что-то невѣроятное . . . Я перечиталъ массу книгъ, проштудировалъ всего Захеръ-Мазоха и Краффта-Эббинга, словомъ, всю психо-патологическую литературу . . . Я обратился вновь за совѣтами къ уважаемому профессору Аткинсону . . . Профессоръ выслушалъ мою исповѣдь, развелъ руками и произнесъ:

— Явленіе ненормальное, но зафиксированное и достаточно разработанное современной наукой . . . Это именно то, что на нашемъ медицинскомъ языкѣ обозначается терминомъ—

„libido sexualis“, другими словами — повышенная половая чувствительность...

И онъ преподавъ мнѣ должный совѣтъ.

Я обратился къ холоднымъ душамъ и электрическому массажу . . . Я провелъ полтора мѣсяца въ санаторіи, на морскомъ курортѣ въ Цингтао, принимая ежедневно соляныя ванны...

— Все было тщетно, все было напрасно! . .

Шестьдесятъ шесть лѣтъ — это трагедія!.. Я былъ близокъ къ тому, чтобы наложить на себя руки! . . Мосье Жанъ, вы не переживали подобной драмы! . .

— Что происходитъ дальше?

Во имя спасенія Барбъ, я вынужденъ принести себя въ жертву.

— Слушайте!

При живомъ, существующемъ мужѣ, я долженъ найти ей еще одного мужа! . . Другого, третьяго, многихъ мужей! . . О, номъ де номъ, что это была за пытка! . .

И я принялся за поиски . . .

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ ШЕСТАЯ.

— Я принялся за поиски! повторилъ мосье Шабо, сокрушенно покачавъ головой.

Онъ затынулся въ послѣдній разъ, выпустилъ дымъ и, положивъ окурокъ сигары въ стоявшую рядомъ пепельницу изъ темной бронзы, съ изображеніемъ Будды, произнесъ:

— Слушайте!

Я очнулся послѣ показавшагося мнѣ вѣчностью какого-то полузабытья. Слова патрона падали на мою душу свинцовымъ грузомъ.

— Слушайте!.. Цѣлый рядъ соображеній заставляетъ меня искать своихъ замѣстителей не въ дипломатическихъ салонахъ и не въ фешенебельныхъ клубахъ, вродѣ Асторъ-Гауза,.. Ни среди нашей шанхайской колоніальной аристократіи... Ни, тѣмъ болѣе, въ нашемъ коммерческомъ мірѣ...

Это меня компрометируетъ.

Это компрометируетъ мою жену...

Я ищу ихъ среди пришлаго элемента, связаннаго съ Шанхаемъ случайными интересами... Я ищу въ китайскомъ кварталѣ, на набережной Бэнда, въ пивныхъ и въ тавернахъ Янтсе-пудога, въ саду Французской Концессіи...

Я ищу ихъ и нахожу, какъ нашель васъ, мой уважаемый другъ...

Мой глазъ изощренъ!.. Моя наблюдательность становится изумительной!..

Но прежде, нежели остановить свой выборъ, я дѣлаю маленькое испытаніе... Мужъ моей жены долженъ быть, *au fond*, прежде всего порядочнымъ человѣкомъ... Я не ошибался...

Единственнымъ исключеніемъ былъ № 7... Я не хочу называть его имени... *Nomina sunt odiosa!*.. Это былъ, впрочемъ, не европеецъ, а человѣкъ низшей, цвѣтной расы... Но удивительной красоты и сложенія...

Онъ скрылся на третьи сутки, похитивъ у Барбъ жемчужное ожерелье и серьги въ восемнадцать каратовъ—мой свадебный подарокъ.. Это была моя оплошность... Мошенникъ не избѣгъ, впрочемъ, карающей руки Провидѣнія и покончилъ съ собой въ припадкѣ остраго помѣшательства...

Онъ, кстати, единственный, который не пытался возратить мнѣ бумажникъ...

Я вспыхнулъ:

— Значить эта комедія съ бумажникомъ...

Старикъ склонилъ голову съ мягкой улыбкой:

— Мосье Жанъ, этому испытанію подверглись не вы одинъ... Не принимайте это такъ близко къ сердцу!..

Тлѣвшій въ пепельницѣ окурокъ погасъ и голубоватая струйка въ послѣдній разъ поднялась къ потолку...

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ СЕДЬМАЯ.

Снова выдержавъ паузу, мосье Шабо продолжалъ:

— Какъ вамъ извѣстно, мы живемъ уединенно... Я занятъ своею коммерческою дѣятельностью и она поглощаетъ все мое время... Барбъ никогда не обладала склонностью къ такъ называемой, свѣтской жизни и развлеченіямъ, приличествующимъ ея положенію... Кругъ нашихъ друзей весьма ограниченъ... Достоуважаемый профессоръ Аткинсонъ, миссъ Офелія Гиббсъ, сестра Вероника—вотъ пожалуй и всѣ... Мы сузили его еще больше...

Такимъ образомъ, наша семейная комбинація или, какъ это принято называть—„*ménage à trois*“, прерываемое сроками самыми незначительными, не привлекаетъ большого любопытства постороннихъ людей...

Мужъ моей жены исполняетъ свои обязанности и одновременно привлекается мною къ работѣ въ торговомъ домѣ Шатобренъ и Шабо... Послѣднее дѣлается, главнымъ образомъ, въ цѣляхъ сохраненія тайны нашего домашнего очага... Прикрытый званіемъ второго секретаря главной конторы, онъ сохраняетъ извѣстную свободу дѣйствій и въ глазахъ общества гарантированъ отъ нежелательныхъ подозрѣній...

Патронъ на мгновеніе замолкъ.

На мгновенье же я почувствовала жалость къ этому дряхлому старику, ставшему жертвой своего преступленія... Онъ пытается загладить его всѣми доступными способами... Во имя любви къ Барбъ, онъ отказался отъ своего законнаго права и передаетъ это право постороннимъ людямъ... Несчастный старикъ!.. Не ему-ли я обязанъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, рожденію къ новой жизни?.. Не онъ-ли избавилъ меня отъ этой бездны, въ которую готова была столкнуть судьба?..

Но жалость тотчасъ исчезла, уступивъ мѣсто ненависти и бѣшенству...

Мосъе Шабо откашлялся и продолжалъ новымъ, нѣсколько повышеннымъ тономъ:

— Милый другъ, не кажется-ли вамъ, что при этихъ условіяхъ, я могъ бы пользоваться извѣстнымъ покоемъ?

Увы, это только такъ кажется...

Покою я не имѣю даже теперь... Барбъ доставляетъ мнѣ мучительныя страданія... Ея вкусъ изощренъ и она стала капризна до невѣроятія... Судите сами!

За эти полтора года нашей супружеской жизни, она перемѣнила тринадцать мужей... Другими словами, обращаясь къ языку цифръ, одинъ мужъ приходится на каждые одинъ и четыре десятыхъ мѣсяца... Ужасъ, ужасъ!..

Но даже эта цифра страдаетъ неточностью.

Были мужья, которые ее занимали на протяженіи только одной недѣли... Другіе были еще менѣе счастливы... Лишь одинъ, Оау Камехамена, канакъ съ Сандвичевыхъ острововъ, изумительный пловецъ и артистъ на „сарфингъ“, жилъ съ нами въ продолженіе полугода... Онъ значится въ моемъ реестрѣ подъ № 2, то есть, непосредственно сразу же послѣ меня ..

Почувствовавъ охлажденіе Барбъ, бѣдный мальчикъ утопилъ себя въ нашемъ прудѣ...

На этомъ мѣстѣ стоитъ теперь памятникъ...

— Ахъ, мнѣ тяжело передавать вамъ этотъ печальный синодикъ!.. Смерть и любовь, любовь и смерть—это двѣ родныя сестры, которыя неизмѣнно сопутствуютъ другъ другу... Достаточно, если я вамъ скажу, что только двое—я и вы, еще не вычеркнуты изъ списка живыхъ рукой неумолимаго Рока... Всѣ остальные покончили жизнь самоубійствомъ... Всѣ одиннадцать, безъ исключенія!..

И мосье Шабо грустно поникъ головой...

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ ВОСЬМАЯ.

Снова наступило молчаніе.

— Замѣьте, вдобавокъ, при какихъ условіяхъ все это происходило? — продолжалъ черезъ минуту мосье Шабо.

— Утративъ благоволеніе Барбъ, второй секретарь главной конторы приходилъ ко мнѣ въ кабинетъ и получалъ изъ рукъ въ руки чекъ на солидную сумму, въ пять тысячъ долларовъ, съ обязательствомъ сохраненія всего въ тайнѣ.

Въ большинствѣ случаевъ мы разставались друзьями.

Трагическихъ сценъ почти не было.

— Только артистъ синема, впечатлительный Педро Гонзалецъ, позволилъ себѣ неумѣстную выходку по отношенію ко мнѣ . . . Но я не въ претензіи на покойника . . . Я понимаю чувство влюбленнаго, которому указали на дверь! . .

Такимъ образомъ уходилъ каждый изъ нихъ, съ тѣмъ, чтобы на другой день, или черезъ недѣлю, или максимумъ черезъ мѣсяцъ, уйти туда, откуда уже, увы, не возвращаются . . .
Сэ са! . .

Старикъ глубоко вздохнулъ, вынулъ платокъ и поднесъ его къ глазамъ:

— Мосье Жанъ, я начинаю бояться за васъ!

— Вы — благородный, честный, порядочный человекъ, съ возвышенною душой . . . Въ моемъ реестрѣ, въ отношеніи вашихъ духовныхъ и физическихъ качествъ, вы занимаете первое мѣсто . . . Въ вашемъ лицѣ я сдѣлалъ удивительную находку . . . Лучшаго мужа для Барбъ я себѣ не представляю . . .

Но сроки проходятъ и я начинаю бояться. Сейчасъ — вы любите и любимы . . . Что будетъ завтра — никому не извѣстно . . . На всякій случай я хочу васъ предупредить.

— Если случится неизбежное, для васъ я дѣлаю исключеніе... Въ этомъ ящикѣ письменнаго стола хранится заготовленный на ваше имя чекъ, въ десять тысячъ долларовъ . . . Забудьте, не въ пять тысячъ, а въ десять . . . Сэ са! . . . Вашъ трудъ квалифицируется мною по наивысшей шкалѣ! . . .

Старикъ замолчалъ и устремилъ на меня пытливый, сосредоточенный взглядъ.

Онъ становился мнѣ все болѣе ненавистенъ, этотъ маленькій гномъ, въ зеленомъ халатѣ, съ голымъ черепомъ, съ вставною челюстью, съ морщинами на безкровномъ бритомъ лицѣ.

Ничтожный гнусъ! . . . Проклятый торгашъ! . . . Мало того, что ты осквернилъ мою Барбъ, ты оскверняешь теперь и меня! . . . Моя любовь не продается за деньги! . . . Моя страсть не покупается на доллары! . . . Барбъ, Барбъ, неужели все это правда? . . . Скажи, что это мистификація? . . . Отвѣть мнѣ, скажи мнѣ, что все это ложь! . . .

Ложь! . . . Ложь! . . . Ложь! . . .

Разнородныя чувства боролись въ моей груди.

Обхвативъ голову руками, я упалъ въ кресло и оставался въ немъ недвижимъ.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТАЯ.

Старикъ снова вынулъ платокъ, снова приложилъ его на минуту къ глазамъ и продолжалъ еще болѣе взволнованнымъ голосомъ :

— Итакъ, кромѣ законнаго мужа, у Барбъ есть еще другой мужъ . . . Въ настоящее время, этимъ другимъ мужемъ являетесь вы, мосье Жанъ . . .

Судьба отнеслась ко мнѣ благосклонно . . . Я повторяю еще разъ, что лучшаго мужа для Барбъ я себѣ не представляю . . .

— Но, мосье Жанъ, этого мало . . . Этого еще недостаточно . . .

Старикъ выдержалъ новую паузу, посмотрѣлъ на меня строгимъ взглядомъ и воскликнулъ :

— Барбъ нуженъ еще ребенокъ !

— Вы понимаете меня—ре-бе-но-къ !.. Съ са . . . Только въ этомъ случаѣ, какъ увѣряетъ профессоръ Аткинсонъ, Барбъ получить избавленіе отъ своей болѣзненной страсти . . . О, номъ де номъ, новая, еще болѣе сложная проблема становится передо мной ! . .

— Что дѣлать ? . . Какъ быть ! . . C'est la mer à boire ! . .

Старикъ повернулся въ креслѣ, вытянулъ руку, словно произнося клятву, и сказалъ торжественнымъ голосомъ :

— Мосье Жанъ, на васъ всѣ мои надежды!.. Вы должны приложить всѣ старанія! . . . Вы должны оказать мнѣ эту услугу! . . . Я требую! . . . Наконецъ, я приказываю! . . .

— И если совершится чудо, вы получаете спеціальную премію, въ размѣрѣ . . .

Въ одно мгновенье я подскочилъ къ старику.

Сдерживаемое съ трудомъ бѣшенство прорвалось и овладѣло моимъ разсудкомъ.

Я подскочилъ и размахнулся.

Ударъ былъ нанесенъ съ такой силой, что старикъ, не издавъ ни единого звука, вмѣстѣ съ кресломъ перекатился къ окну и рухнулъ на пестрый китайскій коверъ.

— Подлецъ!

И я выскочилъ изъ комнаты . . .

ГЛАВА ШЕСТИДЕСЯТАЯ.

Безъ шляпы, съ искаженнымъ лицомъ, я выбѣжалъ изъ кабинета и очутился въ саду.

Черезъ минуту я стоялъ у калитки.

Еще черезъ минуту, сидѣль въ узкой коляскѣ и бѣшенными пинками ноги погонялъ рикшу:

— Впередь!

Молодой китаецъ, боязливо оглядываясь, подхватилъ крупной рысью и помчался по улицамъ Французской Концессіи.

— Впередь! — кричалъ я задыхающимся и хриплымъ голосомъ, не обращая никакого вниманія на прохожихъ, на катившіяся навстрѣчу коляски, на летѣвшіе автомобили.

Проѣхавъ мостъ черезъ Сучау-Крикъ, я очутился въ центральномъ городѣ.

На набережной Бэнда движеніе было въ полномъ разгарѣ.

Пронзительно звенѣли звонки трамваевъ и крики паровыхъ сиренъ. Вангъ-Пу плавно катилъ свои мохнатые воды. Со стороны Янтсепудога, сливаясь въ сплошной монотонный гулъ, доносились тысячеголосые вопли кули:

— Хао-хео... Хао-хео...

Потомъ сверкнулъ Нанкинъ-Родъ, залитый роскошью и богатствомъ, зеркальными стеклами магазиновъ, кричащими іероглифами ки-

тайскихъ лавокъ, величественными громадами банковъ...

— Впереды!

У ипподрома Рейсъ-Хорзъ рикша остановился. Потъ катился градомъ съ его смуглой обнаженной спины. Я швырнулъ ему долларъ и вошелъ во дворъ. Въ глубинѣ, въ зелени фикусовъ и платановъ, краснѣло кирпичное зданіе „Первоклассной русской гостиницы“.

Хозяйка Малка Марковна встрѣтила меня на верандѣ плутоватой улыбкой:

— Добро пожаловать, господинъ Бектабековъ!.. Я оставила для васъ угловой номеръ съ двумя кроватями и піанино!.. Какъ здоровье милой миссъ Макъ-Дональдъ?

Я ничего не отвѣтилъ и поднялся на второй этажъ.

Потребовавъ пачку почтовой бумаги, я заперъ комнату...

Я сижу въ ней сейчасъ и заканчиваю свое письмо.

— Жребій брошенъ!.. *Alea jacta est!*..

Въ моемъ распоряженіи осталось еще пятнадцать минутъ.

Все поругано, все растоптано, все разрушено до основанія!..

Моя любовь, моя единственная привязанность на землѣ, моя святыня—больше не существуетъ и не воскреснетъ!..

Я ухожу вмѣстѣ съ ней!..

„Шесть тонкихъ гильзъ съ бездымнымъ порохомъ,
Кладетъ онъ, молча, въ барабанъ“! . .

Остается еще пять минутъ.

— Я ухожу къ Алочкѣ... Я брошусь передъ ней на колѣни!.. Она отпуститъ мнѣ мои грѣхи!..

Остается минута.

— Я изложилъ все . . .

Больше мнѣ нечего передавать . . .

— Лейтенантъ Бектабековъ—прощайте! . .

— Прощай, Барбъ! . .

.

Э П И Л О Г Ъ.

Малка Марковна Коганъ, услыхавъ выстрѣлъ, отложила въ сторону недопитую чашку какао и, съ нѣкоторой тревогой, поднялась наверхъ.

Комната № 9 была заперта на ключъ.

Стукъ въ дверь остался безъ отвѣта.

Тогда, предчувствуя недоброе дѣло, Малка Марковна позвала боя и тотъ слеталъ за полиціей.

Когда дверь была взломана, глазамъ присутствующихъ представилась слѣдующая картина.

На столѣ, передъ окномъ, стояла пустая бутылка вина. Рядомъ лежала пачка исписанныхъ мелкимъ почеркомъ листовъ почтовой бумаги. Въ глубокомъ креслѣ, свѣсивъ голову, лежалъ въ безсознательномъ состояніи молодой человѣкъ, съ огнестрѣльной раной въ груди. На коврѣ валялся маленькій безкурковый Смитъ-Вессонъ.

Огнестрѣльная рана, между шестымъ и пятымъ ребромъ, пронизавъ околосердечную сумку, въ моментъ сокращенія сердца, по словамъ участковаго врача, принадлежала къ числу безусловно смертельныхъ.

Но молодой человѣкъ еще дышалъ...

Перевезенный въ больницу святого Франциска Ассизскаго, молодой человекъ, благодаря исключительной крѣпости организма, быстро поправился и сталъ на путь полного выздоровленія.

Родныхъ у него въ городѣ не оказалось.

Но каждый день его посѣщала молодая женщина, въ глубокомъ траурѣ, который такъ шелъ къ ея матовому лицу и прекраснымъ синимъ глазамъ.

Черезъ мѣсяцъ пострадавшій выписался изъ госпиталя.

Вскорѣ его видѣли, въ обществѣ той же молодой женщины и огромнаго далматскаго дога, на палубѣ парохода „Графъ Монтекристо“, направлявшагося въ Марсель...

КОНЕЦЪ.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

1. Императорскіе фазаны. Разказы. Распродано.
 2. Золотые корабли. Скитанія.
 3. Орхидея. Тропическія рифмы.
 4. Китайскія тѣни. Романъ.
 5. Одуванчики. Разказы. Въ печати.
 6. Красный хороводъ. Повѣсть. Въ печати.
 7. Островъ Жасминовъ. Романъ. Въ печати.
 8. Интермеццо у моря. Эскизы. Въ печати.
-

Складъ изданій:
М. ДИДКОВСКІЙ, РИГА, ТКАЦКАЯ 9.